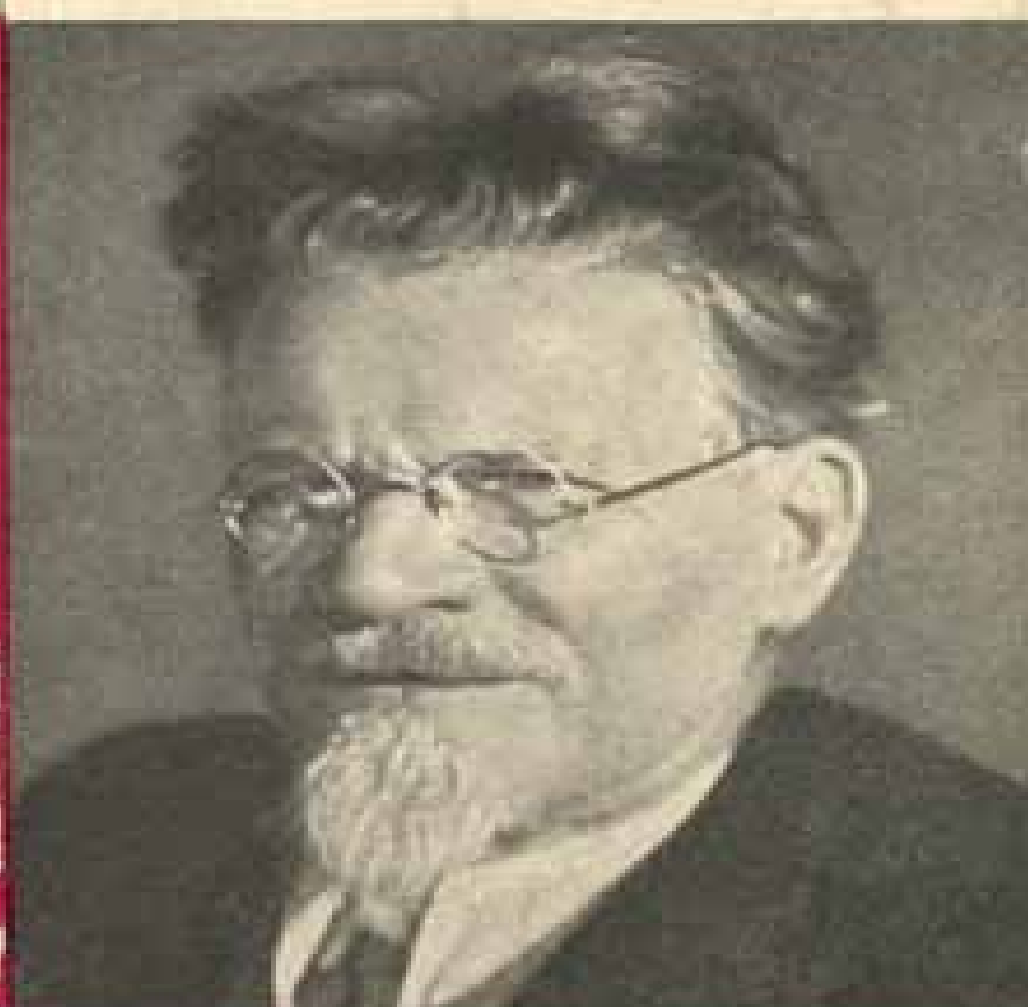

КАЛИНИН

А. Шолмазов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

О славном жизненном пути революционера -ленинца , "всесоюзного старосты" Михаила Ивановича Калинина рассказывается в настоящей книге. Нелегкое детство, служба у помещика и, наконец, работа на знаменитом Путиловском заводе, ставшем для Калинина школой революционного мастерства. В тюрьмах и ссылках формировалось сознание молодого революционера, оттачивалось умение организаторской и политической работы в массах. Под руководством и вместе с В.И.Лениным Михаил Иванович закладывает основы будущей революции.

После Октября Калинин отдает все свои силы строительству молодого советского государства, ведет огромную организаторскую работу, создает замечательные труды по коммунистическому воспитанию молодежи.

В книге представлены иллюстрации.

- [А. Толмачев](#)
 - [МАЛЬЧИК ИЗ ВЕРХНЕЙ ТРОИЦЫ](#)
 - [ПУТИЛОВЕЦ КАЛИНИН](#)
 - [ПЕРВАЯ ТЮРЬМА И ССЫЛКА](#)
 - [В РЕВЕЛЕ](#)
 - [БАРОМЕТР ПОКАЗЫВАЕТ БУРЮ](#)
 - [К НОВОМУ ПОДЪЕМУ](#)
 - [НА ЗАВОДЕ «АЙВАЗ»](#)
 - [ДОЛОЙ ЦАРЯ!](#)
 - [ДА ЗДРАВСТВУЕТ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ!](#)
 - [ГОРОДСКОЙ ГОЛОВА](#)
 - [«ВСЕРОССИЙСКИЙ СТАРОСТА»](#)
 - [ОТ ВОЙНЫ К МИРНОМУ СТРОИТЕЛЬСТВУ](#)
 - [ТРУДНОЕ ВРЕМЯ](#)
 - [НА ПОСТУ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ЦИК](#)
 - [ПЕРВЫЕ ГОДЫ БЕЗ ЛЕНИНА](#)
 - [НА РЕЛЬСЫ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ](#)
 - [В ПРИЕМНОЙ](#)
 - [ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ](#)
 - [МУДРЫЕ СОВЕТЫ](#)
 - [ВОЙНА](#)
 - [КОНЕЦ ПУТИ](#)

- [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ](#)
 - [КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

А. Толмачев

Калинин

МАЛЬЧИК ИЗ ВЕРХНЕЙ ТРОИЦЫ

Бог и царь — эти понятия у маленького Миши Калинина сливались воедино. Оба они, и бог и царь, были где-то далеко, и оба они все могли. Когда шел дождь, Мария Васильевна, мать Миши, радостно крестилась и говорила: «Бог послал». Когда же на поля обрушивалась засуха, Мария Васильевна тоже крестилась и горестно вздыхала: «За грехи бог наказывает». За какие грехи бог отнимал урожай, Миша не знал, да и пока еще не задумывался над этим. Не задумывался он и над тем, зачем богу понадобилось, чтоб Калинины жили в крохотной семиаршинной избушке на краю деревни, имели корову Буренку и престарелого коня Сивку, да еще небольшую полоску земли, хлеба с которой не хватало даже до весны.

Избушку отец купил за тридцать шесть рублей, когда вернулся с военной службы, у такого же бедняка солдата, как и он с ал» Миша хорошо помнил этот день. Они с матерью были дома, каждый занимался каким-то своим делом. Дверь вдруг распахнулась, и в избу вошел мужчина с коротко остриженными волосами. Мать вскрикнула и, прижавшись к его груди, заплакала. Потом отец — оказывается, это был отец — погладил Мишу по голове и стал разбирать свой вещевой мешок. Много нашлось там всякой всячины: и ремень, и платок для матери, и катушка ниток. Но особенно понравилась Мише сапожная щетка, мохнатая, пахнувшая ваксой, и еще зеркальце, перед которым отец брился.

Вскоре по приезде Иван Калиныч-меньшой, так звали Мишиного отца, учинил раздел имуществе с Иваном Калинычем-большим — своим родным братом. И достались меньшому лошадь со сбруей, корова да овца. Строения же перешли к Ивану-большому.

Вот тогда-то и приобрел отец избушку на краю деревни, почти на самом берегу прохладной и быстрой речки Медведицы.

Добрый отец у Миши, хоть и хмурый. И мать хорошая: зря не отругает, не отшлепает. С ней всегда легко и радостно. Отец дома бывает редко. То пашет, то навоз возит, а зимой на несколько месяцев сряду уйдет на отхожие промыслы — «топором стучать».

Плохо, конечно, когда батьки дома нету, зато уж возвращение его — настоящий праздник! Помолодевшая мать спешит растопить печку, сготовить что-нибудь повкуснее, поставить на стол все, что есть в доме. Потом семья долго пьет чай вприкуску с сахаром, который отец

торжественно извлекает из заплечного мешка.

Интересный рассказчик батька. Новостей у него всегда хоть отбавляй. И про дальние страны он знает, где совсем не бывает снега, и про море, которому нет конца и края, и про страну, где будто бы живут совсем-совсем черные люди, которые всегда ходят голые. Миша с восторгом смотрит отцу в рот: откуда он все это знает? Нет, конечно, батька — самый умный человек в мире!

Но такие разговоры велись не часто. Чаще речь заходила о нужде да о хлебе. Взгляд у отца тускнел, руки опускались. Мать же успокаивала: «Бог милостив, не пропадем». А Миша думал: «Вот вырасту большой, поеду к царю, да и расскажу про батькину нужду. Царь все может. Неужто не захочет помочь?»

И вдруг новость: царя убили. Как это, царя — и вдруг убили? Кто его убил, и разве можно его убить? Кому ж теперь жаловаться?

Дернул мать за юбку.

— Что ль, теперя совсем царя не будет?

— Будет. Другого поставят.

Другого... Какой он, этот другой?

Подробности рассказал отец, когда вернулся с очередных отхожих заработков. Царь Александр II проезжал в карете по набережной Екатерининского канала в Петербурге, когда какой-то человек швырнул в него бомбу. Бомба взорвалась, но царя не задела. Царь вышел из кареты, и тут в него бросили вторую бомбу. Умирающего императора отправили во дворец, где он и скончался.

Мать, скорбно поджав губы, крестилась.

— Освободителя-то! Боже ж ты мой!..

Кого и от чего освободил царь, Миша не знал. Но все равно было жалко этого всемогущего властелина, которого убили «лихие люди».

Но думать-то Мише особенно некогда. Мать уж занялась по хозяйству, а тут годовалая сестренка расплакалась, надобно утешить. Наденька любит брата, и Миша ее любит. Только ведь и побегать хочется.

Иной раз пойдет в лесок с ребятами — Надю на руках тащит. А там игры затеют — Надю в кусты положит и заиграется. Потом вспомнит: «Где ж сестренка-то!» Бегает, ищет...

В лес не часто приходилось выбираться, да и на речку тоже, хоть та и за домом течет. Ну как тут пойдешь! Надо за скотиной присмотреть, навоз в поле вывезти, матери в чем помочь... За день так умаешься, что и ложка за ужином из рук валится.

Когда Мише пошел девятый год, отец решил учить его грамоте. Жил в

Верхней Троице крестьянин-старик, как и Иван Калиныч, отставной солдат. Жил одиноко, в большой избе, топившейся по-черному. Вот к нему в учение и определил отец Михаила.

Кроме него, еще человек двадцать к солдату ходили. Родители за ученье платили ему рубль за зиму да еще кормили по очереди.

Солдат добросовестно отработывал рубли и прокорм, заставляя учеников возможно громче зубрить азбуку. Каждый, кто проходил мимо, мог убедиться в старании учителя: гул из избы доносился невероятный. Нерадивых солдат лупил указкой по чем попало. Щуря глаза от едкого дыма, Миша твердил непонятные слова, похожие на заклинания бабки-заговорщицы: «Аз, буки, веди, глаголь, добро...» Все бы хорошо, но почему «добро» и «аз» надо читать «да»? При всех недостатках такой учебы за три месяца Миша выучил буквы, освоил двойные и тройные слоги и уж начал было складывать слова.

Может быть, на этом и закончились Мишины университеты, если бы не случай.

Верстах в полутора от Верхней Троицы стоял красивый барский дом с садом и клумбами вокруг него. В этот дом каждое лето приезжал со всей своей семьей пузатый, представительный генерал со страшной фамилией Мордухай-Болтовский. Семья была у него немалая. Кроме жены, Марии Ивановны, шестеро детишек, мал мала меньше. Все чистенькие, аккуратные, но озорные, до игр охочие.

Раз в лесу Миша столкнулся с барчуками Сашей и Митей. Сначала повздорил с ними, а потом тут же и подружился. В общем ребята они были «ничего», не так чтоб задавались. Только непонятны им мысли и заботы крестьянские, невдомек им, о чем это часто задумывался степенный крестьянский мальчик. Внимательно присматривался Миша к жизни в барской усадьбе. Мордухай своей землей не владели. Пользовались усадьбой как дачей. Но дворни у них было порядочно: и горничные, и садовник, и повар — около пятнадцати человек обслуживали летом семью генерала.

Сам генерал был мужчина строгий, но справедливый, не самодур какой-нибудь. А Мария Ивановна — так та даже ласковая и добрая. Первым делом, когда увидела Мишу со своими ребятами, велела спросить, не голоден ли он, не нужно ли ему чего. Миша сказал: «Нет, ничего не нужно». Хорошие люди Мордухай, но и отец и мать Миши тоже хорошие люди, добрые, справедливые. А жизнь у них совсем другая. Работают от зари до зари. Матери-то как достается!..

В Троице в то время было сорок семь дворов. Одна треть хозяев не

имела ни коров, ни лошадей; у большинства же была либо корова, либо лошадь. Лишь отдельные семьи жили зажиточно. Вся деревня владела менее чем четырьмястами семьюдесятью десятинами земли. В хорошие-то годы вдосталь хлеба с картошкой не хватало. Тяжкий труд с помощью сохи да бороны давал жалкие результаты: сам-два для овса, сам-третий — четверт для картофеля.

А уж когда засуха, и говорить нечего. Вот почему почти половина мужиков деревенских, подобно Мишиному отцу, занималась отхожим промыслом. Только это давало надежду на спасение, уменьшало страх перед длинной холодной зимой.

Многие уезжали тогда из деревни, устраивались в больших городах на заводы, а то в дворники шли либо в услужение к барам. Хуже, чем в деревне, не будет — это троицкие знали точно.

Вокруг Верхней Троицы расстилались огромные поля. Но куда взгляди ни кинешь, все помещичье: поля, луга, выгоны, покосы, даже пруды. В Яковлевской волости, куда входила и Верхняя Троица, жили восемь помещиков. И каждый из них имел земли больше, чем вся Верхняя Троица. И чем больше рос Миша, тем больше убеждался, что нет на земле ни правды, ни справедливости.

Что делать, если бог так положил и устроил. Разве можно думать о том, как это все изменить?

Миша не раз подслушивал разговоры взрослых о правде. Но разговоры эти дальше жалоб на свое житье-бытье не шли. Мужики, подвыпив, проклинали горькую судьбу, с завистью говорили о тех, кто сумел удачно «устроиться» в Кашине, Твери или даже в самом Петербурге.

Прочел позже Миша и у Некрасова о том, как мужики искали «кому живется весело, вольготно на Руси». Может быть, тогда впервые шевельнулась в его голове мысль: «Почему так?» Может быть, и тогда, а может быть, и раньше. Но мысль эта всплывала в его голове довольно часто. Почему действительно одни отдыхают да развлекаются, а батька с мамкой целый день в поле спины не разгибают? «Одни не работают, да все имеют, а нашим отдохнуть-то в сутки часов пять-шесть приходится, но даже хлеба и того не хватает...»

Как-то раз летом помогал Миша матери хлеб жать. Когда солнце стало припекать, заметил он, как тяжело матери, нагнувшись, работать. Пот так и льется со лба. А жалобу хоть бы одну обронила. Когда, наконец, мать, распрямив спину, сказала: «Ну, пора домой!», Миша, лежа в тени стога, ответил:

— Ты, мама, ступай домой, а я здесь отдохну.

Мария Васильевна ушла, а Миша снова взялся за серп. За работой не заметил, как время прошло и темнеть начало. Приехал домой поздно. Матери объяснил коротко:

— Гужи порвались, вот и задержался. Хитрость сына Мария Васильевна раскрыла на следующий день, но ему ничего не сказала, только прижала крепко вихрастую его голову к своей груди. Потом уж, вечером, когда ложились спать, заговорила она, как о твердо решенном, пережитом, обдуманном:

— В деревне, сынок, в люди не выбьешься. Надо другую дорогу искать. Попросил бы барыню, чтоб в услужение взяла. Заработок верный на первых порах. А там, глядишь, с их помощью жизнь повернется...

Долго не спал в ту ночь Михаил, все размышлял. А утром встал с готовым решением в голове. По мужски, по-взрослому решил: «Хуже не будет, а семье подмога». Как и ожидал, барчуки уговорили Марию Ивановну, а та убедила генерала, что без мальчика для услуг им не обойтись.

Так в дворне Мордухай-Болтовских прибавился еще один человек — Миша Калинин.

Барыня поначалу давала ему небольшие поручения по хозяйству, а потом вовсе освободила от дел. Она правильно рассудила, что с этим смышленным, ловким и очень честным пареньком ее дети могут всюду чувствовать себя в безопасности. Отпуская их играть, она знала, что может быть спокойна, если с ними Миша.

...Ребятишки у Мордухай-Болтовских были неглупыми. Если не считать малыша Саши, все увлекались чтением.

Миша с завистью смотрел на книги. Вот ведь, поди, сколько интересного в них! Сам-то читал с трудом. Томительно медленно разбирал заголовки да некоторые слова. Но когда учитель или гувернантка твердили с барчуками стихи, Миша запоминал их быстро. Память у него была цепкая. Ум хорошо воспринимал и красоту слога стиха и ироническую мораль басни.

Миша часто потом поминал добрым словом барчуков. Это они упростили генерала Дмитрия Петровича послать его учиться. Дмитрий Петрович числился попечителем земского училища, что находилось в Яковлевском — в двенадцати верстах от Верхней Троицы.

Зимним вьюжным днем Миша с двумя сверстниками-земляками заявили в Яковлевское — большое волостное село, на окраине которого, уж почти за околицей, стояла школа с необычно большими для изб окнами и железной крышей. Страшновато было: что там их ожидает? Может, тоже

какой солдат начнет палкой по головам охаживать...

Переночевав в отведенной для постоя избе, утром направились в школу. Миша немного смущался: У всех сапоги да валенки, у него ж чуни веревочные на ногах. Потом осмелел, уверенно поднялся на крыльцо, распахнул дверь.

Ребята были уж в сборе и с интересом рассматривали вошедших. А у Миши разбежались глаза. Так вот она какая, школа! Для учителя стол отдельный. Доска черная. Парты длиннющие. Миша присел за одну с краю, потеснив толстощекую девчонку; покосился: кроме него, шесть человек за партой умещались.

За дверью зазвенел колокольчик. Вошла учительница, молодая и красивая, в белоснежной кофточке. Поздоровалась, спросила, как фамилии новеньких. Назвала себя: Анна Алексеевна Боброва, учить будет чтению, письму да арифметике. Кроме того, батюшка станет «закону божьему» обучать.

Миша сразу понял: это тебе не у солдата в избе. В классе тишина, говорит только учительница, говорит понятно, толково. Никого кричать не заставляет. Надо кого спросить, к доске вызывает. И все так тихо, ласково. Полюбилась Мише учительница. И Анна Алексеевна сразу обратила внимание на новенького. Глаза внимательные, смелые. Большая самостоятельность чувствуется. Невольно как-то, объясняя, обращалась к нему.

За несколько дней Миша освоил правила чтения. Оказалось, никаких «азов» и «глаголей» не нужно — складывай попросту буквы в слоги, а слоги — в слова.

Писать научиться было труднее. Огрубевшие крестьянские пальцы с трудом держали тоненькую ручку. Ручка непослушно вертелась, палки в тетради получались кривые. Стиснув зубы, Миша снова и снова принимался за крючочки и буковки. Порой в глазах рябить начинало от усердия, но одолел-таки письмо.

Курс обучения в школе был рассчитан на четыре года, но уж к концу зимы Анна Алексеевна поняла, что Калинин закончит школу куда быстрее. «Родное слово» Ушинского чуть не наизусть выучил, все книжки из школьной библиотечки прочитал.

Правда, там все больше «жития святых» на полках стояли, но были и стоящие книги. Потом Анна Алексеевна стала потихоньку давать Михаилу свои книжки. Так Калинин познакомился с Державиным и Пушкиным, Гоголем и Некрасовым. Некрасов произвел на него наиболее сильное впечатление: слова-то простые вроде, а как — за душу берут! И откуда он

так хорошо долю крестьянскую знает?

Учительница не ошиблась. За две зимы Михаил Калинин освоил все премудрости земского учения. Это были счастливые дни, полные светлой радости познания. На экзаменах даже член попечительского совета похвалил: «Головастый парень!» Домой Миша принес похвальный лист, который получил «за примерное поведение, прилежание и успехи, оказанные во время пребывания в училище». Было это 1 мая 1889 года...

Весна тогда началась неплохо, а летом «бог послал» Верхней Троице засуху. На потрескавшуюся землю страшно было смотреть. А к уборке, когда дожди уж совсем ни к чему, обрушились ливни.

Троицкие ходили с посеревшими лицами: с чем зиму-то зимовать?..

— Голод...

Мордухай-Болтовские собирались в Петербург. Вместе с ними готовился к отъезду четырнадцатилетний Миша Калинин, которому была определена должность «мальчика для домашних услуг».

Миша рассуждал просто: «Лишь бы вырваться в Питер, а там не пропаду». Может, и правда, как говорила мать, жизнь повернется. Ему, не видевшему никакого города, трудно было представить, что такое Петербург, какое это громадное, суровое чудовище и как нелегко там найти свое место.

Со всем этим Миша столкнется позже, а пока он смотрел в будущее легко и безмятежно. За окном вагона расстилались необозримые, подернутые туманом поля. Где-то впереди за пеленой дождя Михаила Калинина ждал Петербург.

Северная столица Российской империи ошеломила деревенского паренька. Огромные дома, памятники, церкви, толпы разряженных людей — все это было так не похоже на тихую деревню.

Пугливо сдергивал он шапку перед каждым, на ком был мундир с блестящими пуговицами, торопливо крестился на бесчисленные церкви и вообще на все дома, что были похожи на храмы. Казалось, никогда не привыкнуть к этому огромному и неуютному городу.

В Петербурге Мордухай-Болтовские жили в угловом доме, что выходит окнами на Рыночную площадь и Соляной переулок. Дом не так уж велик. Да и то сказать, генерал Дмитрий Петрович не ахти какая важная персона — инженер Министерства путей сообщения. Даже выезда собственного не имеет.

Мишу поместили в небольшой комнатушке, где, кроме него, жили еще повар и лакей. Обязанности на нем лежали несложные — проснуться до барчуков, вычистить их обувь и одежду. Потом принести свежих булок,

разбудить гимназистов Митю и Сашу, накормить их завтраком. А когда барчуки уйдут, прибрать их комнату, погулять с барыниным пуделем.

Когда барчуки уходили в школу, а генерал отбывал на службу, дом поступал в распоряжение горничных. Они сметали пыль, натирали полы, наводили блеск. О Мише, если его не надо было послать в магазин, нередко забывали. И эти часы были для него самыми счастливыми.

У Мордухай-Болтовских была своя домашняя библиотека. Миша, когда увидел ее впервые, обомлел — столько книг!.. Никто не препятствовал ему читать их в свободное время, и, притулившись где-нибудь в уголке, он читал. Барчуки посоветовали сначала познакомиться с русскими классиками — и перед Калининым открылась красота русского слова. Книги Пушкина и Лермонтова, Гоголя и Тургенева не только давали огромное наслаждение, они заставляли думать.

Книгу за книгой читал Миша «Жизнь животных» Брэма, пытался осилить Джона Стюарта Милля. Подолгу думал над его «Размышлениями о представительном правлении», над идеалистическим трактатом «О свободе». С недоумением закрывал последнюю страницу, как это — суть явлений недоступна познанию?

Вечерами Михаил забрасывал барчуков вопросами: «Так есть все-таки бог?», «А Пугачев — справедливый человек?», «Что значит «непознаваемость мира»?»

Собственное мировоззрение казалось барчукам архиреволюционным. На деле их взгляды были близки взглядам либеральной буржуазии. Реформы государственного управления — предел их мечты. Но Михаилу и такие мысли казались чрезвычайно смелыми, и он с уважительным удивлением выслушивал ответы гимназистов. И все-таки подчас его вопросы ставили барчуков в тупик.

Случалось, гимназисты давали ему уроки истории, географии или арифметики. А читать каждый рекомендовал то, что нравилось самому.

Митя, настроенный более либерально, чем братья, чаще других подсовывал Мише то одну, то другую книжку: «Прочти, полезно». И Миша читал, читал все. И все казалось интересным: от газет до Энциклопедии Брокгауза и Эфрона.

Газет в доме Болтовских было много. Миша оказывал предпочтение одной — «Новому времени». Привлекал заголовок. Думалось: «Вот новое-то мне и требуется знать».

Как-то случайно Михаил нашел на запыленной полке альманах «Полярная звезда». Ощущая восторженный холодок на спине — в точности такой, что появлялся перед прыжком в Медведицу с крутого обрыва, —

читал о декабристах, шептал про себя запрещенные стихи Пушкина, рассматривал на обложке профили повешенных борцов против царя.

Несколько позже Миша познакомился с произведениями Николая Шелгунова. Прочитал все три тома сочинений и проникся к нему безграничным доверием.

Такому писателю нельзя было не верить. Кто-кто, а выросший в деревне Калинин знал, насколько справедливы слова Шелгунова о том, что жизнь большинства крестьян страшная, что у них хлеба хватает только до нового года и что они вынуждены идти в наемные работники. Кулачество же для крестьянства — «ужасный и безжалостный пресс», «мертвая петля».

Шелгунов видел выход из этого положения в крестьянской общине. Это было ошибочное мнение, но Калинин в то время еще не мог понять этого. Он с увлечением читал философские статьи Шелгунова и все больше убеждался в том, что прав не Милль с его утверждениями о «непознаваемости сути явлений», а прав этот вот российский писатель, который, по словам Мити, и ныне жив. Прав в том, что мир существует независимо от сознания человека.

Убедившись, что Шелгунову можно верить во всех вопросах, Калинин поверил ему и в вопросе религии. Из его сочинений он узнал о тех преследованиях, которым подвергала церковь великие открытия Галилея, Коперника, Джордано Бруно, о вековой борьбе света и мракобесия.

Чем больше таких книг попадалось Калинин, тем больше убеждался он, что для бога в мире просто не остается места. Михаил и сам не заметил, как это произошло, но ему стыдно вдруг стало своей прежней веры в бога; и с тех пор он разве только, забывшись, по привычке поднимал руку, чтобы перекреститься.

Произведения Шелгунова натолкнули Михаила на книги Белинского, Писарева, Чернышевского, Герцена. Особенно привлек его Герцен. «Былое и думы», «С того берега» он читал и перечитывал взахлеб.

«Разумеется, мое учение было в высшей степени бессистемно, — вспоминал впоследствии Калинин, — главным образом читал то, что попадется под руку и что было в библиотеке моих господ. Между прочим, с очень раннего возраста я стал знакомиться с нелегальной литературой... Одним словом, учение шло врассыпную, от философии до беллетристики».

Постепенно формировались взгляды Михаила, расширялся кругозор, хотя многое еще было ему неясно. А как обрести эту ясность, он не знал.

Временами он задумывался над тем, что должны быть люди, которым все ясно, которые борются за лучшую жизнь, за правду. Правда же, Михаил это уже стал понимать, в том, чтобы сделать жизнь счастливой для всех —

не только для себя или для Верхней Троицы. Казалось почти невероятным, что он может встретить таких людей. В деревне он таких не видал, в городе тоже. Только читал о них.

...Так летели дни за днями. Весной и летом — Верхняя Троица, осенью и зимой — Петербург. Миша вытянулся, возмужал. Попривык к шумному городу, чаще стал ходить по его шумным прямым проспектам. Петербург перестал быть для него непонятным. Он даже полюбил его.

Когда Михаил проходил мимо заводов, всегда останавливался у ворот. Нравились ему огромные заводские ворота, нравились суровые, мужественные люди, которые рано утром скрывались за ними и поздно вечером, усталые, шли по домам. Пытался поспросить кое-кого: нельзя ли поступить на завод. Оказалось, нельзя: на одно свободное место десятки желающих.

В 1891 году Михаил увидел, как рабочие хоронили писателя Шелгунова. Позади катафалка шли путиловцы, арсенальцы, судостроители. Шли в своей обычной рабочей одежде. Высоко над головами несли строгий величественный венок из дубовых листьев. На лентах отчетливо выделялась надпись: «Н.В. Шелгунову, указателю пути к свободе и братству, от петербургских рабочих». Шли в торжественном молчании. Могучая, великая сила чувствовалась в этом шествии. За колонной следовала полиция, но никаких попыток разогнать шествие не делала. «Неужто боятся рабочих-то?» — подумал Миша и тут услышал, как шедший впереди уже немолодой рабочий сказал, обращаясь к товарищу:

— Погляди, сколько нас собралось. Сила!..

Миша тогда не знал, что присутствовал на первой открытой демонстрации петербургского пролетариата, в ряды которого и он скоро встанет.

Четыре года прослужил Михаил у Болтовских. Четыре урожая сняли за это время в Верхней Троице. Только можно ль было назвать их урожаями? Померли за это время Ванюшка с Акулькой. Народилась Прасковьюшка. Мать с отцом постарели — измотала нужда да работа непосильная. Хорошо еще, Миша помогает, а то хоть по миру иди.

Михаил постепенно стал понимать, что «мальчиком» пути в жизнь тоже не найти. Все сильнее притягивал его завод. Миша решил оставить Мордухай-Болтовских.

Генерал, выслушав Калинина, обещал ему помочь устроиться на завод.

Уйти было трудно — жалко ребят, привык, как к родным. И те жалели его. Саша даже слезу пустил. Мария Ивановна поцеловала на прощание.

Дмитрий Петрович сказал несколько напутственных слов.

На том и расстались.

Распрощался быстро, да не так быстро переступил Калинин заводские ворота. Оформление на завод затянулось, а есть-пить надо было. Обрато к Мордухай-Болтовским гордость не позволяла проситься. После долгих мытарств устроился «кухонным мужиком» в доме баронессы Брудберг. Помимо кухонной работы, баронесса возложила на него обязанность накрывать на стол, откупоривать вина, прислуживать гостям.

Работа претила Мише. А гостям, смотревшим на него свысока, и невдомек было, что лакей Михаил Калинин уже к этому времени был куда более развит и начитан, чем многие из них, благородных, и что глупость их, пустоту и невежественность он великолепно подмечает.

К счастью, служба у баронессы была недолгой.

Холодным осенним утром 1893 года Михаил с замирающим от счастья сердцем в первый раз в жизни прошагал через проходную завода «Старый Арсенал».

ПУТИЛОВЕЦ КАЛИНИН

В девяностых годах многие крестьяне пошли на фабрики и заводы. Россия переживала бурный промышленный подъем. В последнее десятилетие XIX века в промышленность пришло свыше миллиона человек. Рабочий класс рос и мужал.

Жизнь рабочих была нелегкой. Тяжелый, изнурительный труд от зари до зари. Бесконечные штрафы снижали до минимума и без того нищенскую заработную плату. За малейшее проявление недовольства трудовому человеку грозила тюрьма, ссылка, а то и каторга.

Калинин проходил ученье у старого, опытного рабочего Ивана Ивановича Кулешова. Человек он был неплохой, но учил по старинке, больше держал на побегушках, то заставляя сбегать за инструментом, то подать масленку, поддержать деталь.

Михаил учился старательно, но завод ему не нравился — тихий, проникнутый духом почтительного отношения к начальству, и рабочие все, что старцы с иконы, благообразные, «положительные».

В его представлении рабочие — это были те, кого он видел тогда на похоронах Шелгунова, — мужественные, уверенные в себе люди. Тянуло именно к таким, хотелось стать, как они, подражать им во всем.

Стремление было неосознанным, просто не хотелось мириться с той тишиной и «благопорядочностью», что царила на «Старом Арсенале». Ее поддерживали лишь мастера да некоторые старые рабочие, труд которых администрация довольно высоко оплачивала. Оснований для этой «благопорядочности» не было — это Михаил увидел сразу. Выбиться в разряд таких благополучных было трудно, но на заводе всячески поддерживали уверенность, что добросовестным отношением к делу всегда можно пробить дорогу «в люди».

Основная масса рабочих зарабатывала мало. Особенно тяжело приходилось молодежи и семейным. Михаил с трудом выкраивал несколько рублей, чтоб послать матери. Знал: там каждой копейке рады.

Два с половиной года проработал Калинин на «Старом Арсенале». Время от времени некоторые рабочие брали расчет. Интересовался, почему. Оказывается, удавалось устроиться на другое предприятие, где платят побольше. Вскоре ушел и Иван Иванович. Уходил — сказал Михаилу:

— Свидимся еще...

И правда, спустя некоторое время зашел в цех, долго толковал о чем-то

с друзьями, потом подошел к своему бывшему ученику:

— Ну, пойдешь ко мне в помощники, на Путиловский?

Так Михаил стал путиловцем. Произошло это в апреле 1896 года.

Это был действительно завод! Ни одно другое предприятие страны не имело такой армии рабочих — двенадцать тысяч! В России оживленно велось железнодорожное строительство. Царское правительство готовилось к войне с Японией, а без железной дороги на Дальний Восток об этом и думать было нечего. На Путиловском делали паровозы и вагоны, прокатывали рельсы, отливали пушки. По рельсам, изготовленным путиловцами, путиловские же поезда везли отлитые путиловцами пушки. Везли из центра России к берегам Тихого океана.

Делались на заводе и мирные станки, отливалась инструментальная сталь.

Работы хватало, рабочих тоже. Пользуясь этим, хозяин завода, председатель Международного банка Анцыфоров, сменивший умершего Николая Ивановича Путилова, и директор Данилевский прижимали рабочих как хотели.

В основном на заводе работали вручную — труд тяжелый, изнурительный. Рабочий день продолжался не менее двенадцати часов, а подчас достигал шестнадцати и даже восемнадцати часов. Но в общем-то заработать тут было можно, если, конечно, сил не щадить. Сил у Михаила было много. И под руководством того же Кулешова он вскоре овладел токарным делом, да так, что сам учитель диву давался. В пушечной мастерской немного было таких смысленных работников, как Калинин. Это быстро понял мастер цеха Гайдаш. Михаилу стали давать все более сложные задания, повысили и заработную плату.

Калинин приоделся. Купил хороший костюм, пальто, котелок. По воскресеньям ходил в крахмальной рубашке с «бабочкой». Про себя, смешливо щурясь, думал: «Вот бы сейчас в Троице в таком виде показаться!»

На жилье он устроился в деревне Волынкиной, близ завода. Тут почти все путиловские жили да еще текстильщики (в округе было немало текстильных фабрик).

Не успел Михаил пообвыкнуться на заводе, как стал свидетелем невиданных событий. Однажды ясным майским утром увидел, что широкая деревенская улица заполнена бурлящей толпой. Торопясь на работу, мельком услышал короткое, как выстрел, слово: «Стачка!»

Бастовали текстильщики. С утра до вечера на улице не затихал гул возбужденной толпы. Прислушиваясь, можно было уловить обрывки

разговоров о каких-то тайных собраниях, о кружках и листовках. А через несколько дней Михаил обнаружил такую листовку и у себя в кармане. С волнением прочел первую строчку.

«Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

Есть, оказывается, такой союз! Но где он, кто в него входит? Дух захватило от мысли, что где-то рядом есть настоящие — не книжные — революционеры.

В девяностых годах в Петербурге существовало несколько рабочих кружков, и многими из них руководили марксисты. Это были кристально чистые, беззаветно преданные народному делу люди. Но в то время они еще не всегда умели применять учение Маркса к конкретным жизненным явлениям, не всегда умели делать из него практические выводы. Группа таких марксистов — студентов Технологического института — объединялась в кружок. В него входили А.А. Ванеев, П.К. Запорожец, С.И. Радченко, Г.М. Кржижановский, Н.К. Крупская, В.В. Старков, ставшие впоследствии крупными профессиональными революционерами. В этот кружок вступил в 1893 году по приезду в Петербург и Владимир Ильич Ульянов — человек, поставивший целью своей жизни создать организацию революционеров, способную перевернуть Россию.

С его приходом в кружке многое переменялось.

«...Для нас началась новая жизнь», — вспоминал Г.М. Кржижановский.

Владимир Ульянов предложил членам группы от пропаганды в рабочих массах перейти к агитации и объединить все марксистские кружки Петербурга. Так оформилась нелегальная группа социал-демократов, известная в истории как «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Центральная группа «Союза» взяла на себя руководство рабочими кружками трех крупнейших районов Питера.

Возглавил «Союз» Владимир Ильич. Он же был и редактором всех изданий. «Мы единогласно, — писал М.А. Сильвин, — бесспорно и молчаливо признали его нашим лидером, нашей главой».

«Это была пора весны русского рабочего движения, — писала Н. К. Крупская, — когда для большинства «публики» не видно было еще, к чему она приведет.

Диктатура пролетариата, низвержение власти капитала — кто же думал об этом тогда?»

Однако незадолго до поступления Калинина на Путиловский царская охранка по доносу провокатора бросила в тюрьмы основной состав «Союза борьбы». Был арестован Владимир Ильич. За решетку попали почти все

активные социал-демократы Путиловского завода: Борис Зиновьев, Николай Полетаев, братья Николай и Константин Ивановы.

В эту пору весны русского рабочего движения молодой Калинин всей душой потянулся к революционерам — борцам за правду. Он внимательно присматривался к товарищам по цеху, надеясь встретить среди них участников «Союза борьбы». Но после арестов социал-демократы стали весьма осторожны, и нащупать связи с ними было нелегко.

Привлек внимание Калинина его сосед по станку Николай Поршук. Еще не старый, с преждевременно поседевшими волосами, Поршук слыл в цехе политическим. Рассказывали, что лет десять назад это был энергичный, боевой парень, который знал все революционное подполье. Потом последовал арест, ссылка, тяжелые годы лишений, нужды, безработица. Михаил с сожалением смотрел на Поршука: в сорок с небольшим лет он выглядел стариком.

Со временем познакомились. Поршук оживлялся, вспоминая о боевых днях молодости, о пылких надеждах и мечтаниях. Но чем больше смотрел Михаил на того человека, тем крепче убеждался, что для него уже все в прошлом. Никого из революционеров Поршук не знал и помочь Калинину не мог.

В 1897 году Михаил начал учиться во 2-м Нарвском вечернем техническом училище для взрослых рабочих. Там он встретил толковых молодых ребят, взгляды которых во многом сходились с его собственными. Особенно подружился с Антоном Митревичем. С ним подолгу бродил по пустынным петербургским окраинам, рассуждая о прочитанных книгах, о заводских делах, о политике.

Товарищи с уважением поглядывали на мужиковатой наружности парня. В сложных вопросах политики, литературы, религии он разбирался легко и свободно. Уважали Михаила и за то, что знаниями своими он не кичился, был прост и скромен и всегда готов помочь любому не только советом, но и делом, деньгами.

Среди своих знакомых Калинин видел многих, кому мог бы без оглядки довериться, но с чего начать, как повести дело, не знал. Посоветовался с Поршук. Тот сказал:

— Ищи. Упорство нужно, настойчивость. Если не успокоишься — найдешь.

И, помолчав, тихо добавил:

— Я уже не могу...

Михаил продолжал искать.

Как-то раз в обеденный перерыв он услышал громкий спор. Высокого

роста блондин, который работал на токарном станке недалеко от Калинина, пытался доказать что-то стоящему подле Гайдашу.

Михаил подошел поближе, прислушался. Спор шел о расценках. Мастер чувствовал свою неправоту и разговаривал раздраженно, пытаясь поскорее свернуть неприятный спор. Калинин постоял еще немного и вставил реплику. Гайдаш отмахнулся. Но Калинин снова вступил в разговор и решительно поддержал токаря.

Гайдаш не выдержал. Повернувшись спиной к рабочим, он уже на ходу зло бросил:

— Два сапога — пара...

Калинин испытующе взглянул на парня и увидел, что тот также пристально смотрит на него. Каждому, вероятно, думалось в этот момент: «А ведь действительно — пара». Потом оба рассмеялись и протянули друг другу руки.

Иван Кушников — так звали нового знакомого Михаила — тоже искал, но искал не руководителей, а людей, с кем можно было бы организовать революционную работу. Связь с «Союзом борьбы» у него была. Он установил ее весной, когда приехал из Тулы, где ему и дали явку.

Получилось так, что встретились два человека, у которых вдвоем обязательно должно было получиться то, что не получалось в одиночку.

Как-то ясной лунной ночью, возвращаясь из школы, Калинин заговорил с Антоном Митревичем о своем желании сколотить философский кружок. Тот ответил, что бывал уже в революционном кружке, да он распался, а сейчас с кем собираться-то? Михаил горячо возразил: «Есть хорошие ребята».

Скоро и собрались все вместе. Пришли «хорошие ребята» — Кушников, Коньков, Татаринов, все земляки Кушникова, из Тулы. Пришел Иван Иванов — сосед Михаила по квартире, еще один Иван — Смирнов. Позже вступили в кружок братья Николай и Василий Янкельсоны, тоже соседи Михаила по квартире. Не так уж плохо — десять человек — новая ячейка «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». От «Союза борьбы» пришел красивый, сильный парень в студенческой тужурке. Фамилия его была Фоминых, а называть себя он попросил Николаем Петровичем. Это была его подпольная кличка.

Примерно одного возраста со своими слушателями, пропагандист поначалу смущался, краснел, запинаясь. Потом освоился, заговорил уверенно, со знанием дела. Рассказал о программе германской социал-демократии, принятой в 1891 году в Эрфурте. Говорил интересно, ярко, старался излагать материал применительно к условиям России...

Приблизительно в это же время в далекой сибирской ссылке Владимир Ульянов при свете керосиновой лампочки писал: «Проект программы нашей партии». Одна за другой ложились на страницу строки: «Мы нисколько не боимся сказать, что мы хотим подражать Эрфуртской программе... Но подражание ни в коем случае не должно быть простым списыванием. Подражание и заимствование... ни в каком случае не должны вести к забвению *особенностей* России... Эти особенности относятся, во-1-х, к нашим политическим задачам и средствам борьбы; во-2-х, к борьбе против всех остатков патриархального, докапиталистического режима и к вызываемой этой борьбой особой постановке *крестьянского* вопроса».

Там, в далеком Шушенском, Владимир Ильич вместе с товарищами по «Союзу борьбы» Старковым, Сильвиным, Лепешинским, Кржижановским, вместе с приехавшей к нему Надеждой Константиновной Крупской обсуждал план создания марксистской партии, очередные задачи русских социал-демократов. Там впервые он произнес замечательные слова: «Без революционной теории не может быть и революционного движения».

Кружок на многое открыл глаза Калинину. До этого он не различал течений в революционном движении. И террористы, убившие царя, и авторы прокламации к текстильщикам — все в его глазах были одинаковыми героями-революционерами, желавшими народу счастливой доли. В кружке он узнал о том, что истинные революционеры — это марксисты последователи учения Маркса, что с другими течениями в революции они ведут непримиримую борьбу, потому что эти другие течения направляют революционное движение по неправильному пути. Народники, к примеру, в эти годы выражали интересы кулачества, а не всего крестьянства. Они не понимали роли рабочего в революционном движении, они просто сбрасывали его со счетов. Фоминых много и подробно рассказывал о народниках и об их ошибках. А однажды притащил какую-то желтую книжечку, текст которой был напечатан на гектографе.

Называлась она «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?».

— Вот, — сказал он, — надо обязательно прочитать. Автор так посадил в калошу народнических вождей, что им оттуда уж никогда не выбраться.

Калинин с жадностью набросился на книжку. Поразительно, как глубоко знал автор деревню, насколько верно судил о ней!

Особенное впечатление произвели на Калинина такие слова:

«Русские социал-демократы срывают с нашей деревни украшающие ее воображаемые цветы, воюют против идеализации и фантазий, производят ту разрушительную работу, за которую их так смертельно ненавидят «друзья народа», — не для того, чтобы масса крестьянства оставалась в положении теперешнего угнетения, вымирания и порабощения, а для того, чтобы пролетариат понял, каковы те цепи, которые сковывают повсюду трудящегося, понял, как куются эти цепи, и сумел подняться против них, чтобы сбросить их и протянуть руку за настоящим цветком.

Когда они несут эту идею тем представителям трудящегося класса, которые по своему положению одни только способны усвоить классовое самосознание и начать классовую борьбу, — тогда их обвиняют в желании выварить мужика в котле.

И кто обвиняет?

Люди, которые сами возлагают свои упования относительно освобождения трудящегося на «правительство» и «общество», т. е. органы той самой буржуазии, которая повсюду и сковала трудящихся!

Топырчатся же подобные слизняки толковать о безыдеальности социал-демократов!»

— Кто автор, что о нем известно? — спросил пропагандиста Калинин на следующем занятии.

Тот смущенно развел руками:

— Не могу сказать... По слухам, студент Казанского университета.

Своими знаниями, энергией, задором Калинин резко выделялся среди товарищей. Не случайно поэтому он стал играть в кружке главенствующую роль. И кружок нередко называли «кружком Калинина». Позже, когда пропагандиста перебросили на другую работу, кружок не распался, продолжал действовать. По предложению Михаила кружковцы собирались и без руководителя, читали книги, обсуждали их, советовались по разным вопросам, связанным с работой.

Калинин, Кушников, Иванов сами стали вести занятия в рабочих кружках.

Нередко среди кружковцев заходили споры о религии. Михаил всегда при этом вспоминал Н. Шелгунова. Теперь-то он хорошо разобрался в том, что у Шелгунова хорошо, а что ошибочно. Атеистические воззрения русского философа давно уже стали его собственными, и он с жаром излагал их перед собеседниками.

Поспорить было о чем. Большинство рабочих на заводе верили в бога так же, как и в царя. Поддерживая религиозные настроения рабочих,

заводское начальство решило построить для них церковь. Каждому было предложено «добровольно» отчислить один процент заработка в фонд строительства.

Это сообщение в «кружке Калинина» вызвало целую бурю. Калинин предложил не платить взноса.

Легко сказать — не платить! Каждому было ясно, что за отказ от уплаты грозит увольнение.

И все же после горячих дебатов приняли решение: от уплаты взносов отказаться. Это будет первым практическим делом кружка. Пусть не большим, но демонстративным — таким, которое привлечет всеобщее внимание.

Выступление кружковцев действительно привлекло внимание администрации. Первыми отказались внести пожертвование Калинин и Кушников — единственные в старомеханическом цехе. Вскоре и в других цехах все члены калининского кружка заявили о том же.

Начальство бесновалось, но для того, чтобы уволить непокорных рабочих, предлога не нашло. Зато крупными буквами в личной карточке Калинина и других было записано: «На храм жертвовать не желает».

Гайдаш как-то в перерыве подошел к Калинину и Кушникову, сказал искренне:

— Люблю я вас, чертей отчаянных, но пропадете вы зазря!

— А бог-то на что? — весело откликнулся Кушников.

Гайдаш отошел оторопело.

— Вот святотатцы!.. — расслышал Калинин его слова.

Окрыленный первым успехом, кружок продолжал работу. Центр, видимо, из соображений конспирации то и дело менял руководителей. На смену Фоминых пришел Леонтьев («Захар Иванович»). Но не успел он перезнакомиться со слушателями, как пришлось уступить место «Елене Петровне». Под этим именем работала с кружковцами фельдшерница Юлия Алексеевна Попова — красивая, жизнерадостная девушка с длинной темно-русой косой.

Все кружковцы по примеру товарищей из центра звали друг друга кличками. Калинин, увлекавшийся в то время «Горем от ума», выбрал кличку «Чацкий».

Раз в месяц после получки все члены кружка отчисляли часть заработка на его нужды. На собранные деньги покупали книги. Удалось составить неплохую библиотечку, в которой наряду с легальными было немало и нелегальных социал-демократических книг, присылаемых из «Союза борьбы».

За три-четыре месяца кружок разросся. Шире стал и круг обсуждаемых вопросов. Спорили до хрипоты и о литературе и о политике.

Часто споры, возникшие на занятиях, продолжались дома. О чем говорили, о чем спорили молодые рабочие? Обо всем этом можно было бы только догадываться, но... Случайно сохранилась одна из тетрадок Калинина, в которую он в 1900 году записал несколько сценок из своей жизни. В этих записках он называет себя Каниным, Кушникова — Кушневым, Татаринова — Тариновым. Вот небольшой отрывок из этой тетради:

«Юлий Петрович Юловский, двадцати лет, работал тоже в заводе, любитель литературы и специально интересовался политической экономикой. При его приходе обыкновенно все разговоры о барышнях прекращались, а открывались прения о литературе, о писателях, пока, наконец, он незаметно не садился на своего конька: определение слова «пролетарий» по Марксу. Тут всегда выступал оппонентом Таринов.

— Я не знаю, Таринов, как вы до сих пор не можете понять, — говорит Юловский, — что, по Марксу, пролетарий тот, кто не имеет собственности и производит прибавочную стоимость, а вы конторщика называете пролетарием, это уж совсем несообразно. Ну, подумайте сами, разве не верно мое определение...

— Нет, я с вами не согласен! — кричит Таринов. — Конторщик — настоящий пролетарий. Тогда и сторожа можно не считать пролетарием, и подметайла, и смазчика, и так далее.

Обе стороны спорят горячо и долго. Бывают моменты, когда кажется: стой, вот сговорились, остался один будочник, которого каждому хочется отвоевать в свою сторону. Но тут, как назло, ввертывает свое слово Кушнев или Канин:

— А что, Ваня, пристав тоже пролетарий? Он тоже не имеет собственного орудия производства, кроме своей тупой шашки, а в разнимании драки она почти не употребляется, для этого нужны мускулы, шашкой за шиворот не возьмешь...

— Да, по-моему, пристав есть пролетарий, — сразу, не подумав, отвечает Таринов.

Тут спор снова разгорается.

— Как! — вскакивает Юловский. — Тогда и градоначальник и министр — все пролетарии, по-вашему? Мерси! Наконец-то вы проговорились и теперь видите свой абсурд. Если же вы все продолжаете стоять на своем, то я прекращаю наш спор до более благоприятного времени. Я вижу, нам с вами сегодня не сговориться.

На этом спор и прекращается, чтобы в другой раз возобновиться с новой силой.

В конце вечера Кушнев подает совет, что пора разогревать щи, другие собираются домой, но всегда бывают удержаны трапезой, ибо спор еще не совсем окончен».

Калинин завел как-то на собрании кружка речь о крестьянстве. Оказалось, что многие смутно представляют себе его роль в революционном движении. Пришлось несколько занятий посвятить этому вопросу.

Большой интерес вызвало сообщение пропагандиста о состоявшемся в Минске I съезде Российской социал-демократической рабочей партии. У Калинина возникла мысль установить связи с социал-демократическими кружками, созданными на других предприятиях Петербурга. Посоветовался с «Еленой Петровной». Вдвоем выработали план: пусть каждый член кружка организует у себя в цехе либо на каком-нибудь предприятии Нарвской заставы рабочий кружок. Представитель от каждого из этих кружков войдет в объединяющий центр. Таким центром станет их уже существующий рабочий кружок.

Михаилу удалось связаться с кружками резиновой мануфактуры, конфетной фабрики, экспедиции заготовления государственных бумаг, текстильной фабрики Кенига, вагоностроительного завода Речкина и обувной фабрики «Скороход». Последние два предприятия были расположены у Московской заставы. В руках Калинина, таким образом, оказалось руководство нелегальной революционной работой в крупнейших рабочих районах города — Нарвском и Московском.

Было решено первое крупное выступление вновь созданной организации посвятить празднованию 1 Мая 1898 года.

На очередное собрание кружка руководитель принес две листовки «Союза борьбы» по поводу празднования Первого мая. Одна оказалась покороче и попроще, в ней содержались только экономические требования. Во второй выдвигались требования парламента, политических свобод, восьмичасового рабочего дня.

«Елена Петровна» рассказала, что в «Союзе борьбы» все большее влияние захватывают «экономисты». Достав газету «Рабочая мысль» — орган «экономистов», — прочла: «Борьба за экономическое положение, борьба с капиталом на почве ежедневных насущных интересов и стачки, как средство этой борьбы — вот девиз рабочего движения».

Михаил возмутился: это как же прикажете понимать? Партия, стало

быть, рабочим не нужна? Зачем же партия, если никаких политических требований и программ рабочие выставлять не должны? Негоже так! Вредная теория!

«Елена Петровна» поддержала: «Вредная».

Посоветовались с кружковцами. Те в один голос подтвердили: «Одной копеечной борьбой судьбы не решишь. Нужна борьба за политические требования. Нужно объединение всего рабочего движения в единый кулак. Нужна партия».

«Елена Петровна» согласно кивала головой.

План маевки обсудили вместе с представителем обуховских марксистов, тщательно продумали все детали.

Кружковцы калининской группы буквально наводнили завод вторым вариантом листовки «Союза борьбы». Всполошилось, забегало по цехам начальство.

Накануне праздничного дня на заводе и вокруг него появились удивительно похожие друг на друга типы. Вроде и возраст у всех разный и одежда неодинаковая, а повадки схожие, Калинин догадался: шпики. В этих условиях сбор большой группы людей никак не мог остаться незамеченным. Маевку за городом пришлось отменить.

Реванш за неудачу удалось взять через несколько месяцев.

Как на многих крупных заводах, на Путиловском сигнал к началу работы подавался гудком. Первый — долгий — предупреждал, что в распоряжении рабочих осталось еще десять минут. Второй — прерывистый — хлестал по сердцу опоздавших: «Штраф! Штраф! Штраф!» Он так и назывался «штрафным». После него цеховые номерные кружки убирали и ставили одну общую. Всякий, кто опускал в нее свой номер, знал: сегодня будет работать бесплатно.

Все шло заведенным порядком. К нему привыкли.

Но вот в один из субботних сентябрьских дней штрафной гудок прозвучал не через десять, а через пять минут после первого.

Сотни путиловцев собрались у ворот — грозная, суровая сила. Жалкими и невзрачными выглядели на фоне ее всегда такие представительные фигуры управляющего главной конторой Ксавецкого и смотрителя завода Чачина.

Вечером кружковцы торопливо рассказывали «Елене Петровне» о происшедшем. Она внимательно слушала, переводя взгляд с одного на другого, и ждала, что скажет Калинин. Калинин сказал:

— Нужна стачка.

И сразу все зашумели, заговорили. А когда успокоились, Калинин

продолжил свою мысль:

— Всякий классовый конфликт надо развивать до серьезного столкновения. Тут же такой прекрасный случай. Если не воспользоваться им, то как иначе приучать народ к организованным выступлениям? Завтра пойдем по домам. В трактирах надо побывать. А в понедельник соберем рабочих у ворот. Выдвинем требования: отмена штрафов и сокращение рабочего дня.

Понедельник... На всю жизнь запомнил Михаил этот бурный день. Это было его первое сражение с буржуазией, первое сражение, закончившееся победой.

Рано утром вместе с Ивановым он остановился возле конторы. Подошел кружковец Зотов, потом еще несколько человек. Обменялись короткими фразами. Стали ждать. Медленно тянулись минуты. После первого гудка рабочие пошли толпами. Почти все задерживались возле группы Калинина, большинство оставалось на месте. К штрафному гудку заводской двор был заполнен колыхающей, грозно рокочущей толпой.

Чачин, перебегая от одной группы к другой, что-то истерически выкрикивал. На него не обращали внимания.

Громкий и уверенный, раздался над толпой голос Калинина:

— Стачка, товарищи! Не приступим к работе, пока штрафов не отменят!

И перекатами пошло по толпе:

— Стачка! Стачка!..

После обеденного перерыва к рабочим вышел, наконец, фабричный инспектор Дрейер. Вилял, уговаривал, обещал посодействовать.

Рабочие не верили. Калинин выкрикнул:

— Если солгал, завтра остановим весь завод! И народ дружно, одним вздохом поддержал:

— Остановим!

На следующее утро Михаил еще издали снова увидел толпы народа возле проходной. Подошел ближе. Люди читали объявления на заборе. Директор извещал, что штрафной гудок вновь будет подаваться через десять минут, а размер штрафов сокращается с семидесяти пяти до пятнадцати копеек.

У Калинина радостно застучало сердце: вот она, победа! Однако виду не подал. Как ни в чем не бывало вошел в свою мастерскую. Показалось, что ли, ему, будто бы народ стал здороваться с ним по-иному — уважительнее.

В обед в курилке почувствовал, что кто-то трогает за плечо.

Повернулся, увидел незнакомого рыжеусого рабочего. Слегка подмигнув Калинину, он кивнул головой в угол:

— Того лохматого видишь?

— Вижу...

— Так вот, брат у него в полиции. Гляди, опасайся... — И опять подмигнул.

Подумал было Михаил: «Не провокатор ли?» Навел справки — оказалось, свой парень. А у лохматого брат действительно полицейский...

Времени Михаилу Калинину не хватало. После трудового рабочего дня приходилось идти на завод Кенига или на кондитерскую фабрику, встречаться с нужными людьми, добывать литературу, материалы для листовок. Кроме того, ведь самому надо много читать. На чтение оставались только ночи. Тогда-то Михаил и обнаружил, что начало портиться зрение, и завел очки.

Упорная работа давала себя знать. Постепенно в кружок Калинина начали сходиться ниточки из других рабочих кружков. Михаил видел в этой связи кружков зачаток партии. Его удивляло, почему после I съезда, о котором недавно говорили на занятиях, не наблюдается никакого оживления революционной деятельности, не видно никаких представителей центра. Борьбу с «экономистами» приходилось вести на свой страх и риск.

В конце 1898 года на Путиловском объявился Матвей Миссуна, студент Технологического института и член «Союза борьбы». Он пришел в «Союз» уже после его разгрома и ареста Владимира Ульянова и считал себя убежденным «экономистом». Миссуне удалось довольно быстро сколотить кружок рабочих.

На занятия этого кружка как-то раз пришел и Михаил Калинин. Миссуна говорил о стачках. Говорил так, будто покровительственно похлопывал по плечу несознательных трудящихся. Человек самоуверенный, он не ожидал никаких возражений.

— Борьба за копейку — вот главное. Для этого есть преотличнейшее средство. Вы уже догадались? Стачка. Разумеется, стачка. Вот, собственно, и все. Очень просто. А политика придет после... Сейчас о ней рабочему думать не нужно.

Михаил не дослушал до конца словоизлияния студента. Заметил, будто невзначай, что действительно все очень просто получается. Выпросил копейку у хозяина, проси другую. А что меняется по существу? Были эксплуататоры — и остаются. Были эксплуатируемые — и они остаются.

«Это ли нам надо? А?»

В притихшей комнате резко звучал голос Калинина. Самому не верилось, что говорит так гладко и вроде всем понятно,

— Рабочий, конечно, должен бороться за копейку. Но ограничиваться этим нельзя. Это только начало борьбы. А большая задача трудящегося человека состоит в завоевании политических прав, в уничтожении всякой эксплуатации. Вспомните Парижскую коммуну...

Слушатели горячо поддержали Калинина.

После этого занятия путиловцы Миссуну не видели.

Идейную борьбу приходилось вести не только с «экономистами». Время от времени среди рабочих появлялись «агитаторы», суть которых сразу разглядеть было трудно. Придет этакий рубаха-интеллигент, начнет ратовать за организацию общества взаимопомощи. Все как будто бы хорошо, а приглядишься к нему поближе — так и несет от его проповедей буржуазным духом, стремлением сгладить все острые углы, все противоречия между рабочими и хозяевами.

С одним из таких «агитаторов», называвшим себя Левицким, пришлось особенно трудно. Свои мелкобуржуазные идейки Левицкий прикрывал громкими фразами о кооперации трудящихся, о социализме. Путь к улучшению жизни рабочих он видел только в одном — в создании кооперативных обществ.

На встречу с этим идеологом, претендовавшим на роль «вождя», Калинин пригласил тех, о ком знал, что их привлекают идеи «экономистов». Встретились за городом на так называемом Горячем поле. Специально на случай появления шпииков выставили батарею бутылок, гармонь и гитару.

«Орешек» оказался крепким. С утра чуть не дотемна длилась дискуссия.

Не кооперация, а партия, социал-демократическая партия — вот путь к объединению рабочих! Эта мысль, всесторонне доказанная Калининым, дошла в тот день до сознания каждого, кто пришел на дискуссию.

Шел 1899 год. В мире свирепствовал экономический кризис, затронувший и Россию. Как и всегда в годы кризисов, капиталисты искали выхода в сокращении заработной платы, в усилении эксплуатации рабочих. А газеты предсказывали процветание в новом веке, сулили народу золотые горы.

Калинин с товарищами готовил маевку. Это была первая маевка путиловцев. Более тысячи листовок разлетелось по заводу. В день

Первомай в Шереметьевском лесу собрались сотни людей. С речью выступил Иван Кушников. Говорил горячо и убедительно. В самый разгар речи кто-то крикнул: «Полиция!»

Лес оказался окруженным полицейскими. Калинин предложил всем разойтись группками, сделать вид, что гуляют.

На этот раз обошлось без арестов и репрессий.

Разгон маевки дал Калинину повод выступить с новыми листовками, где он показывал бесправие рабочих, призывал бороться с хозяевами, выдвигал политические требования.

На очередном собрании кружка решили начать подготовку к общезаводской стачке. Из всех цехов и мастерских поступали сообщения о росте недовольства притеснением администрации.

Поступали такие сообщения и с других предприятий, в частности с завода Речкина, что за Московской заставой. Калинин направил туда своего человека с листовками. Удалось поднять на стачку огромный механический цех. Напуганное размерами стачки начальство пошло на уступки рабочим.

Успех обрадовал путиловцев. С новой энергией приступили они к подготовке стачки на своем заводе.

В начале июля в вагонных мастерских опять сбавили зарплату. Обстановка накалилась до предела. Возмущение рабочих переливалось через край. А тут еще несчастный случай с одним из кружковцев. Он работал, как и Калинин, на токарном станке, стоявшем близ огромного, двенадцатипудового маховика. Маховик был негодным, требовавшим ремонта, и Гай-даш знал об этом, да все откладывал: тогда ведь цех пришлось бы на какой-то срок останавливать. Вылетевшим с маховика кляпом парня убило насмерть.

В этой обстановке кружковцы вели работу в мастерских, разбрасывали написанные Михаилом прокламации. Каждое слово в них стреляло в цель:

«Товарищи — рабочие Путиловского завода! Жадным нашим эксплуататорам мало той экономии, которую они нагоняют, где можно и где нельзя, экономии, благодаря которой еще недавно погиб один из нас, убитый на месте негодным, но тем не менее работавшим маховиком. Они начали экономию теперь и на заработной плате... Неужели мы, как бессловесное стадо, дадим драть с себя по две шкуры?..

Помните, что мы — сила, которую признает и которую боится правительство. Терять нам нечего, а завоевать мы можем весь мир».

Утром 3 июля листовки облетели почти весь завод, а уже к обеду Калинин почувствовал, что дело неладно. Опять те похожие друг на друга типы наводнили завод. Прохаживались мимо мастерских, беззаботно

покуривали возле проходной. Опять суетливо бегал Гайдаш, свирепо косился на рабочих Чачин.

В перерыв Михаил незаметно шепнул Татарину:

— Надо бы сжечь оставшиеся листовки-то... Татарин согласен кивнул.

Вечером в дом, что в Огородном переулке, где жил Татарин, постучали. Татарин немного помешкал, подождав, пока Коньков не сожжет последние бумаги. Потом открыл. Вошедший пристав первым делом ковырнул в печке:

— Бумагу жгли? Татарин лаконично ответил:

— Чай подогревали...

Обыск производили по всем правилам. Обратили внимание на портрет Маркса. Пристав поинтересовался, не родственник ли.

— Дед, — ответил Татарин.

В это время и вошел Калинин вместе с Ивановым. Вошел и пожалел, что не заглянул прежде домой: глядишь, вещички удалось бы с собой захватить. Хоть и ожидал этого, а все ж неприятно заныло сердце. Какая она, тюрьма-то? Но на товарищевой взглянул твердо, со своей обычной усмешкой: «Как, не трусите?» В глазах прочитал ответ: «Ничего, перетерпим!»

Первый свой путь под конвоем от дома в Огородном до полицейского участка Калинин проделал 3 июля 1899 года.

В этот же день были арестованы еще человек шестьдесят, в том числе почти все кружковцы Калинина. Случайно уцелел лишь Митревич, которого вскоре забрали на военную службу — в матросы Балтийского флота.

ПЕРВАЯ ТЮРЬМА И ССЫЛКА

Этот никак не похожий на тюрьму дом на Шпалерной Калинину был знаком только с улицы. Его называли Домом предварительного заключения. «Предварительного»... Будто в насмешку! Владимир Ульянов просидел тут более четырнадцати месяцев, прежде чем его сослали в Шушенское.

Хлопнула дверь камеры, лязгнул замок. Михаил осмотрелся, хмыкнул. «Скучновато будет... Ну да ничего, жить можно». Маленькое оконце, железная, привинченная к полу кровать. С одеялом! Стол, табуретка. «Интересно, дадут ли книги? Если дадут, совсем хорошо».

Пока надзиратель выяснял возможность политическому (политическому!) Калинину пользоваться книгами тюремной библиотеки, Михаил начал понимать, что такое тюрьма. День — ночь, день — ночь... И все одно и то же. Пять шагов туда, пять обратно. Двадцать четыре часа давящей тишины. Привыкшие к труду руки нетерпеливо ныли. Как же так, сильные, молодые руки — и вдруг без работы? Но трудней всего без книг. Скоро ли придет на них разрешение? Придет ли?..

Разрешение, наконец, пришло. Не веря в успех задуманного, Михаил составил длинный список книг.

Где-то в середине, чтоб не очень в глаза бросалось, вписал: «К. Маркс, Капитал, том I».

Надзиратель не успевал менять книги беспокойному политическому. Когда он их прочитывает? Одна толще другой: «Обоснование народничества» Волгина, «Геология» Лайеля, курс истории... Дошла очередь и до «Капитала». Ничего себе книга. Поди, разбогатеть решил Калинин — про капитал читает.

В 1895 — 1897 годах «Капитал» был запрещен цензурой. За первым томом гонялись, как за величайшей библиографической редкостью. Букинисты на Сухаревском рынке в Москве заламывали за него баснословные цены, доходившие до двадцати пяти рублей!

Лишь в 1897 году царская цензура сочла возможным снять запрет с этой книги под условием исключения из издания предисловий автора. Такая «либеральная» мера объяснялась просто. Цензоры полагали, во-первых, что столь серьезный экономический труд не будет доступен широкой публике, а, во-вторых, выводы Карла Маркса давно вошли во все читаемые курсы политической экономии.

Однако расчеты цензоров не оправдались. Это великое сочинение

стало настольной книгой, компасом для десятков и сотен рабочих-революционеров. Стало оно таковым и для Калинина.

Сначала многое было непонятно. Не сразу разберешься, что к чему. Без словаря не уразумеешь смысл фразы. Но чем дальше читал, тем яснее становилась мысль автора.

«Природа, — читал Михаил, — не производит на одной стороне владельцев денег и товаров, на другой стороне владельцев одной только рабочей силы. Это отношение не является ни созданным самой природой, ни таким общественным отношением, которое было бы свойственно всем историческим периодам. Оно, очевидно, само есть результат предшествующего исторического развития, продукт многих экономических переворотов, продукт гибели целого ряда более древних формаций общественного производства».

Каждое слово било не в бровь, а в глаз. «Вот бы нашим, в Троице, разъяснить эту мысль доступно! Там ведь как раз считают, что все от бога, все от века неизменно было, есть и будет. Простая мысль, а сколько глубины, сколько содержания!»

Мысли Маркса, вначале казавшиеся такими трудными и непонятными, становились все ярче и все прозрачнее. Не надо только ослаблять внимание и ни в коем случае не пропускать ничего неясного. И он сидел, сидел над книгой, забыв обо всем, заставляя себя вникать в глубокий смысл каждой фразы.

Шли дни, недели... И надзиратель удивлялся все больше: то в день по книжке читал, а «Капитал» и возвращать не думает. Когда ни поглядишь в глазок, арестант читает, не шелохнется.

И вот, наконец, последняя страница.

«Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют».

Закрыв книгу, Калинин долго молча сидел над ней. Вошел надзиратель, поставил на стол глиняную миску с похлебкой, положил кусок хлеба и с опаской взглянул на притихшего заключенного. Кто его знает, о чем он думает...

Для того чтобы отдохнуть от чтения, Михаил писал на волю письма. Ох, уж эти письма!.. Надзирателя они приводили в неистовство. Попробуй прочитай письмо в десять-пятнадцать страниц, да еще написанных

мельчайшим бисерным почерком! Принимая очередное письмо, надзиратель заметил:

— Изведете вы меня, Калинин, вашими письмами.

Михаил усмехнулся:

— А вы поменьше читайте.

Жандарм серьезно ответил:

— Не могу-с. Правилами предписано прочитывать всю переписку заключенных.

— Ну, так извольте читать,

И жандарм читал.

Если б сохранились эти письма, много интересного узнали бы мы о жизни Калинина и его товарищей в то время. К сожалению, случайно уцелело лишь одно. Отрывок из него мы привели в предыдущей главе.

Менялись пейзажи за маленьким тюремным оконцем. Голубое летнее небо сменилось серым, пасмурным. Унылый дождь стучал по стеклам. Потом стекла украсились морозными узорами. Пришел новый, 1900 год. А Михаил Калинин в своей камере все читал. И с каждой книгой яснее осознавал, что стал на правильную дорогу.

К апрелю, когда настала пора покинуть тюрьму, в библиотечном формуляре Калинина числилось сто шестьдесят книг!

«В тюрьме, — напишет он позже, — человек располагает большим временем: здесь работать не только не заставляли, но политикам даже было запрещено, и поэтому эти десять месяцев были целиком посвящены, если можно так выразиться, на просвещение».

Михаил не знал еще, что, пока он отсидивал свой первый срок, Дмитрий Петрович Мордухай-Болтовский пытался его выручить. Лично явился вместе с Марией Ивановной в жандармское управление. Сказал, что считает себя морально ответственным за Калинина, что знает его как честного человека и патриота и думает, что он, вероятно, попал в политические по несознательности.

Жандарм внимательно выслушал Дмитрия Петровича и вместо ответа показал ему список книг, прочитанных Калининым в тюрьме. Дождался, пока генерал внимательно ознакомится с добросовестно составленным реестром, и произнес многозначительно:

— А вы говорите — несознательный!.. Приходила и «Елена Петровна». Ее арестовали несколько раньше Калинина, но вскоре выпустили.

— Побойтесь бога, — говорила она начальнику жандармерии, — Калинин — рядовой рабочий, а вы его в тюрьме держите!

Хмурый жандарм даже глаз не поднял.

— Не беспокойтесь, таких, как вы, он десятерых на ниточку навяжет и поведет за собой.

Однообразие тюремной жизни Калинина нарушали только вызовы на допросы. Следователь, молодой еще мужчина, с важным видом повторял одно и то же: назовите сообщников, главарей, назовите...

Калинин молчал. Иногда отвечал нехотя:

— Да, я убежденный социал-демократ... действовал один... виновным себя не признаю...

Равнодушно слушал уговоры повиниться, раскаяться, снять грех с души, а сам краем глаза читал лежащую на столе справку. Перевернутые буквы читать было трудно, но можно. «Дознанием установлены сношения Калинина с другими обвиняемыми, а также устройство в своей квартире сходок, на которых одна из обвиняемых («Елена Петровна») читала приносимые с собою нелегальные издания и давала по содержанию их объяснения.

По обыску у Калинина были обнаружены сочинения тенденциозного характера...»

Калинин молчал и, наконец, был вознагражден за свою выдержку.

12 апреля 1900 года ему было объявлено: он освобожден, жить в Петербурге ему впредь не дозволяется, но он волен выбрать себе место для постоянного поселения.

Калинин выбрал Тифлис.

Пять последующих дней прошли как в лихорадке. Надо было восстановить подпольные связи, уточнить явки, адреса для переписки.

Семнадцатого апреля Михаил Калинин выехал на родину, в Верхнюю Троицу.

Ноги сами несли к родным местам, к берегам Медведицы. Вот она, родная река, старый, покосившийся домишко! И мать на пороге, предупрежденная о приезде сына вездесущими ребятами. Обнялись. Мария Васильевна глядела на сына со слезами на глазах. Побледнел, постарел.

Смуценно вытирала краями платка глаза, ее-то ведь тоже жизнь не украсила.

Отец лежал больной. Сестра Надежда замуж вышла. Брат Семен в город жить уехал. Девятилетняя Прасковьюшка кружилась по избе, не понимая, что это за кутерьма вокруг чужого дядьки. Последний-то раз видела его, когда лет пять было. Отец спросил:

— Надолго ли?

Михаил объяснил, что и как.

— В ссылку значит?

— В ссылку.

Мать всхлипнула.

Две недели прожил Калинин в Верхней Троице. Помог, чем успел, по хозяйству, переговорил со всеми односельчанами, которые уж давно его мертвым считали. В деревне ходил упорный и страшный слух, что всех политических в петербургских тюрьмах мелют жерновами на мелкие кусочки и спускают в Неву. Повидался со старыми приятелями. Долго думал, стоит ли заглянуть в Тетьково. Воспоминания детства потянули по знакомой дорожке. К тому же скоро ли еще удастся тут побывать?

Генерал Дмитрий Петрович вышел навстречу, повел в комнаты, куда собралась и вся семья.

Когда прощались, генерал сказал:

— Вижу я, Миша, что человек ты благородный и взялся за благородное дело. Однако не забывай: лбом стенки не прошибешь...

Только Митя как-то по-особому стиснул руку на прощание. И Михаил уловил в этом рукопожатии искренность.

В Тифлис Калинин отправился через Казань, куда незадолго до него приехала Юлия Попова. Пробыл здесь недолго — ровно столько, чтобы успеть уточнить явки и адреса для переписки.

Лето в Тифлисе было непривычно жарким, но город Михаилу понравился. Понравилась быстрая и мутная Кура, буйная зелень на улицах, величественная гора Давида, дома с бесчисленными верандами и балкончиками, духаны с пахучими шашлыками.

Поселился Михаил в квартире-коммуне ссыльного туляка Ивана Назарова. Через него и его жену Дуню познакомился с другими ссыльными, а их в то время было немало в Тифлисе: Зиновий Литвин-Седой, Иван Лузин, Ипполит Франчески, Владимир Родзевич, Клавдия Коган, Анна Краснова, Сергей Аллилуев. Среди ссыльных были и деятели «Петербургского союза борьбы за освобождение рабочего класса», такие, как Николай Полетаев. Они привезли с собой в Грузию опыт революционной борьбы. С их помощью грузинские революционеры познакомились с ленинскими трудами «Развитие капитализма в России», «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах», «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве».

Калинин быстро включился в революционную работу. Уже на третий день по приезде он выступил с докладом о первом съезде РСДРП и о деятельности «Петербургского союза борьбы» на нелегальном собрании рабочих.

Работать он устроился в Главные мастерские Закавказских железных дорог.

Среди рабочих грузин было немного, преобладали люди пришлые, главным образом солдаты, отслужившие срок в войсках местных гарнизонов. Работали в мастерских по двенадцать-четырнадцать часов, вечерами при свете висячих керосиновых ламп, то и дело задуваемых ветром, врывавшимся в щели и разбитые окна. Нередко заставляли работать и сверхурочно. Подчас даже на сон времени не оставалось.

И в таких условиях революционеры все-таки умудрялись собирать марксистские кружки, вести разъяснительную работу, поднимать людей на борьбу. Эти кружки возглавляли Владимир Кецховели, Иосиф Джугашвили, Миха Цхакая, Александр Цулукидзе.

1900 год в Грузии был годом массовых революционных выступлений трудящихся. Назревала забастовка в железнодорожных мастерских. В подготовку к ней активно включился и Михаил Калинин. Он посещал рабочие кружки, делился своим опытом.

Сохранилось отношение прокурора Тифлисской судебной палаты Хлодовского во временную канцелярию при министерстве юстиции по производству особых уголовных дел, в котором говорится: «С июля месяца 1900 года рабочие Савченко и Калинин, образовав кружок, в состав коего вошли железнодорожные рабочие, стали устраивать сходки, собираясь для этого на квартирах. На сходках этих Савченко и Калинин говорили о тяжести положения рабочих, о необходимости борьбы с правительством, об устройстве демократической кассы для оказания помощи рабочим при забастовках; сверх того они читали разные нелегальные издания и объясняли прочитанное».

Как ярко иногда строчки подлинного документа характеризуют человека!

В редкие свободные минуты Калинин являлся в гости к Сергею Яковлевичу Аллилуеву. Сергей Яковлевич с женой Ольгой Евгеньевной и детьми жили в поселке Дидубе на Батумской улице. Стоило показаться невысокой фигуре Калинина во дворе белого домика, как навстречу бросались старшие дети — Аня и Павлик.

Михаил Иванович брал их за руки и вел гулять в старинный тенистый парк Муштаид, аллеи которого были сплошь засажены тузовыми

деревьями.

— Дядя Миша, — просил Павлик, — потряси дерево.

Дядя Миша, смеясь, тряс. Сладкая тяжелая, похожая на черную малину тута сыпалась на землю.

А потом он без устали бегал с ребятами по аллеям. Игра в «салочки» — самая излюбленная.

Детям и невдомек, что веселый дядя Миша, который приходит будто лишь для игры с ними, революционер, человек, опасный для правительства.

Однажды ночью Калинин вместе с Аллилуевым отправился в горы. Сергей Яковлевич шел уверенно, несмотря на полную темноту. Калинин старался не отставать от него. Временами из-за кустов раздавался приглушенный вопрос:

— Пароль?

Аллилуев отвечал, и они двигались дальше. На условленном месте собрались рабочие. Они пришли, чтобы договориться окончательно о времени и порядке забастовки. Настроение было боевое. Многие вообще не видели никаких трудностей, были уверены в легкой победе.

Калинин попросил слова.

— Надо правде смотреть в глаза, — сказал он. — Пока мы готовимся к забастовке, полиция и жандармерия тоже не спят. Возможно, они не преминут произвести среди нас аресты, внести замешательство в наши ряды. Готовы ли мы к этому? — спросил Михаил Иванович.

Десятки людей, слушавших его, дружно ответили:

— Готовы!

— Да, мы готовы, — решительно продолжал Калинин. — Ничто не должно нас пугать и не испугает. Мы, социал-демократы, знаем, что всякая борьба требует жертв, а наша борьба — это священная борьба за дело рабочего класса, класса созидателей, класса тружеников.

Калинин оказался прав. Буквально через день-два, в ночь с 31 июля на 1 августа, полиция произвела массовые обыски в квартирах рабочих. Пятеро организаторов, в том числе Сергей Аллилуев, были арестованы.

В этот день Калинин пришел в цех раньше всех. Собирал рабочих группами, рассказывал, что произошло. После завтрака в цехе вдруг наступила тишина. Остановились паровые машины. Рабочие хлынули в центральный пролет. Навстречу им в широко распахнутые двери вливались вагонники,

Кто-то крикнул!

— На митинг, товарищи!

Толпы мастеровых собрались возле поворотного круга. «Толпа держала себя сдержанно, — говорилось в одном из донесений прокурора, — и было видно, что рабочие действуют по обдуманному плану, так как из среды ее не выделялся ни один вожак».

Короткий митинг — и мастерские опустели.

Забастовка длилась пятнадцать дней. И хотя требования рабочих удовлетворены не были, она сыграла свою роль: научила стойкости, показала силу солидарности, обогатила опытом. «...Это поражение, — писала газета «Брдзола» в 1901 году, — по своему значению и последствиям превышало многие победы».

...Калинин по-прежнему навещал Аллилуевых, утешал, как мог, Ольгу Евгеньевну. Иногда провожал ее с детьми до Метехского замка, куда посадили Сергея.

Детская память Ани Аллилуевой сохранила воспоминания об одном из таких походов.

«Я и Павлуша, — пишет она, — всю дорогу бежим впереди. Маме и дяде Мише не догнать нас. Остановливаясь, мы спрашивали:

— Далеко еще?

Пыльные немощеные дороги окраин остаются позади. Мы пересекаем каменную мостовую и выходим к. Куре. Она здесь такая же быстрая и мутная, как и в нашем Дидубе. Высоко на горе Метехский замок — тифлисская тюрьма. Мы переходим мост и останавливаемся против тюрьмы. Я не могу оторвать глаз от решетчатых окон. Вокруг толпятся люди — родные арестованных. Как и мы, в какой-то тщетной надежде пришли они под эти окна.

Мама расстилает на камнях платок и вытаскивает из мешка арбуз. Дядя Миша купил его по дороге. Мы рассаживаемся в кружок, а мама разрезает арбуз. Дядя Миша рукой чертит в воздухе знаки, и мы видим, как, отвечая ему, показываются руки из-за решеток тюрьмы. Нельзя на таком расстоянии разобрать лиц, и мы напрасно стараемся увидеть в окнах отца. Сумеет ли дядя Миша объяснить ему, что в бараньей голове, которую мы только что передали тюремщикам, лежит скатанная в комочек записка?»

Охранка долгое время не могла найти предлога для ареста Калинина, пока, наконец, не установила, что некое лицо, подписывающееся «Чацкий» и систематически переписывающееся с проживающей в Казани «Софией», и есть Калинин. В письмах «Чацкого» содержались сведения о местном рабочем движении. Охранка правильно догадалась, что эти сведения предназначались для нелегальной печати.

В сентябре начальник жандармского полицейского управления Закавказских железных дорог потребовал уволить Калинина без права поступления на какие-либо другие предприятия Тифлиса. За ним началась слежка.

Дело принимало скверный оборот. Трудно стало приходиться на собрания кружка, трудно организовывать сбор денег на покупку марксистской литературы, распространять прокламации.

Посоветовался с друзьями и решил сменить место жительства. Написал прошение в жандармское управление: в железнодорожных мастерских работать не позволяют, частной службы найти не могу, средств для жизни нет, прошу разрешить выехать в Ревель.

Почему в Ревель?

Во-первых, это тоже крупный промышленный центр, а, во-вторых, рядом Петербург, где продолжают работу марксистские кружки, куда после ссылки возвратились многие социал-демократы, в том числе и Владимир Ульянов.

Михаил Иванович и не подозревал, что незначительная просьба безработного ссыльного докатилась до Питера, до министерства внутренних дел, откуда пришло распоряжение просьбу его «оставить без последствий».

Через две недели после этого отказа, в ночь с 22 на 23 декабря, Михаил Калинин вместе с Мироном Савченко (к тому времени они жили на Авчальской улице, 131) были арестованы и заключены в тот же самый Метехский замок, где сидел и Сергей Аллилуев. Но прямых улик против Калинина не нашлось, и начальство скрепя сердце вынуждено было в феврале 1901 года отпустить его. Почти одновременно последовало распоряжение «об учинении над ним гласного контроля полиции и запрещении проживать в университетских городах и промышленных центрах, в том числе и в Тифлисе».

Жандармский ротмистр Цисс облегченно вздохнул, выдавая документы на право проезда Михаила Ивановича Калинина в Ревель.

В РЕВЕЛЕ

Шагая по Ревелю, Михаил Иванович читал названия улиц. Таблички были на эстонском и русском языках. Дома же выглядели совсем не по-русски. Островерхие, будто к небу тянутся. Улочки узкие, но чистенькие, аккуратные. Совсем иностранный город. И заводы-то все в руках немцев. Фамилии владельцев на вывесках предприятий свидетельствовали, что немцы прочно обосновались в городской промышленности: Круль, Майер, Оссе...

Стоп! Вот на этой улочке, кажется, живет тот эстонец, к кому надлежит явиться. Шел, считал дома и удивлялся: как понять, дом 8, еще дом 8, еще... Этак и самому засыпаться можно и товарища подвести.

Поразмыслил и пошел разыскивать железнодорожные мастерские, где работал эстонец. Долго стоял у ворот, соображая, как проникнуть в цех: с «волчьим паспортом» могут и не пропустить.

Потом решился и равнодушно пошел через проходную. Сторож на него и не взглянул.

Эстонец работал токарем, жил в небольшой комнатухе на той самой улице, на которой три дома значились под № 8. «Это у нас бывает», — сказал эстонец. Принял он Калинина тепло, показал город, проводил в полицейское управление, где надлежало зарегистрироваться. Но помочь ему мало чем мог, так как русский язык знал он плохо. Да и как объяснишь окружающим, начальству свои связи со ссыльным петербуржцем?

Калинину, однако, везло. Расписываясь в полицейской книге, он увидел фамилию: Саак Карл, высланный из Петербурга на родину за революционную деятельность! Против фамилии стоял адрес. Вот это находка!

Не теряя времени, Калинин пошел к нему. Карл, энергичный, жизнерадостный парень, узнав, с кем имеет дело, искренне обрадовался.

— Вот здорово! Очень хорошо! — повторял он. — Квартира, деньги есть?

— Живу. Пятнадцать рублей еще в кармане.

— Вот здорово! — еще больше обрадовался Саак. — Теперь мы совершенные богачи. У меня осталось только полтора рубля, да твои пятнадцать — хватит на всю пасху. А со среды или четверга на следующей неделе устроишься у Вольта, где я работаю.

И действительно, в четверг Михаил Иванович стал к токарному станку

на машиностроительном заводе «Вольта».

Первые несколько дней он осматривался, приглядывался, размышлял, с чего начать. Тут куда трудней, чем в Тифлисе. Там все же было немало русских. К тому же многие грузины и армяне понимали русский язык и изъяснялись на нем. Эстонцы же немецкий знали лучше, чем русский.

Работал Калинин, как и везде, старательно. Как же иначе? Надо показать начальству свои способности, чтоб дорожило тобой. Да и рабочие больше уважают мастера своего дела.

Михаил Иванович держался со всеми ровно, по-дружески. Постепенно эстонцы привыкли к нему. Они любили поговорить с этим русским, даже просто обменяться двумя-тремя незначительными фразами.

Калинин же по выработавшейся привычке изучал людей, взвешивал на своих душевных весах каждого, с кем пойти, кому довериться.

Часто он заговаривал с Паулусом Карилайдом, работавшим на точке инструмента. Принесет резцы и непременно шутку какую-нибудь отпустит. Паулусу нравились шутки русского. Он охотно отвечал на его вопросы.

— Читать люблю, больше всего про пиратов да про охотников.

— Это хорошо, — с улыбкой отвечал Калинин. — Но есть другие книги, про житье-бытье рабочее, про жизнь нашу.

Паулус сначала не понимал, о чем речь, но больше и больше прислушивался к словам Калинина: уж больно правильно говорит этот парень. Спросил как-то:

— Откуда все это знаешь?

Вместо ответа Калинин пригласил его к себе домой.

Долго проговорили в тот воскресный вечер новые друзья. На прощание Калинин протянул Карилаиду брошюру о Первом мая:

— Вот здесь правда о нашей жизни... Читай, что не поймешь — спроси.

Подружился Калинин и с соседом по цеху. Звали его Августом Аавиком, и он знал русский язык.

Постепенно вокруг Калинина стал спланиваться кружок. В него входили и местные рабочие и ссыльные, которые после разгрома знаменитой первомайской Обуховской стачки начали один за другим приезжать в Ревель.

Используя петербургский опыт, Михаил Иванович завязывал знакомства с рабочими других предприятий. Вести революционную работу помогала теперь газета «Искра», первый номер которой вышел 11 декабря 1900 года.

Михаил внимательно следил за «Искрой», по несколько раз

прочитывал каждую статью. Пробовал писать и сам. От друзей он слышал, что автор многих статей — тот самый Владимир Ульянов. Свои статьи В. Ульянов подписывал чаще всего В. Ильин, а с конца 1901 года — Ленин — человек, основавший «Союз борьбы», а теперь упорно и настойчиво сколачивающий рабочую партию.

Из статьи «С чего начать» Калинин узнал, что большое значение Ленин придает организации сторонников газеты. Эта организация, по мысли Владимира Ильича, и должна стать ядром, костяком будущей партии. С первого же номера «Искры» Михаил Иванович твердо и бесповоротно стал на ее позиции, о чем несколько позже не преминул известить петербургскую организацию. Та, в свою очередь, направила в «Искру» письмо:

«Связываем с вами рабочего Михаила Ивановича Калинина (Август из Ревеля), писавшего в «Искру» под псевдонимом «Чужестранец», а также и в «Рабочую мысль», когда находился в Петербургском союзе. Человек весьма энергичный, имеет много связей с провинцией, которые и сообщит вам. Намерен постоянно корреспондировать и вести с вами переписку».

Все чаще и чаще Калинин задумывался о переходе на работу в железнодорожные мастерские: работая там, легче поддерживать связь с Петербургом.

Но оказалось, что устроиться в мастерские не так-то просто. Требовалось пройти множество инстанций. Надеяться миновать их человеку с «правами» Калинина нечего было и думать.

Тогда он решил действовать напролом. Пришел к воротам мастерских, стал ждать, не выйдет ли начальник. Порошин (так звали начальника мастерских) вышел лишь в конце дня. На просьбу Калинина ответил резким отказом и повернулся было уходить, но невольно задержал шаги: что-то в голосе этого ничем не приметного рабочего заставило его остановиться. Михаил Иванович, не веря себе, говорил, говорил, боясь, что тот уйдет. Однако Порошин слушал. Слушал о том, как важно этому парню с бородкой, в шляпе, сдвинутой на затылок, поступить именно в его, порошинские, мастерские, как здорово он умеет работать и что он, Порошин, не пожалеет, если возьмет такого опытного человека...

В конце концов махнул рукой и сказал:

— Скажи в конторе, что я распорядился...

Калинин жил в постоянном напряжении, каждую минуту ожидая нового ареста. Донимали бесконечные вызовы в ревельскую полицию, куда переслали его «тифлисское дело». Но запугать, остановить Калинина никакая полиция была не в силах. Короткие вечера, а главным образом

воскресные дни он тратил на встречи с людьми, на сколачивание революционных кружков. Марксистские кружки на заводе «Вольта» уже работали. Быстро удалось создать кружок и в железнодорожных мастерских... В то время там проходили практику слушатели железнодорожного училища. С двумя из них — Тирвельтом и Калниным — Михаил Иванович особенно сдружился. Они и стали первыми членами кружка. Потом в него вошли конторщик Дешкин, инженер Бобровский, работавший на заводе «Вольта», студент-медик Блюмберг, несколько рабочих типографии и других предприятий.

Так в Ревеле была создана марксистская боевая группа. На одном из собраний члены ее договорились о правилах конспирации: партийных кличках, паролях, явках. Каждому члену давалось боевое поручение. Прежде всего нужно было достать гектограф, шрифт, мастику, бумагу для листовок.

С гектографом, за что очень боялся Калинин, дело оказалось проще всего: его доставил с одним из очередных рейсов из петербургской организации свой человек. Со шрифтом и мастикой пришлось помучиться. Выручили типографские работники. Они просто-напросто выкрали необходимое количество мастики и шрифта.

Все необходимые к гектографу принадлежности изготовили на заводах. Валик же принялись делать прямо на квартире у Калинина — он снимал в подвале две комнаты за пять рублей в месяц. Комнаты мгновенно заполнились едким и густым дымом. Калинин, протирая очки, усмехался:

— Ничего, ребята, не такое еще терпеть придется...

Когда мастику начали выливать в форму, раздался стук в дверь.

«Кто бы это?» Калинин огляделся. Быстро все принадлежности сунул под кровать, помощников вытолкнул в соседнюю комнату и только тогда открыл дверь.

На пороге стоял жандарм.

«Неужели провал в самом начале?»

Однако жандарм пришел с очередным извещением о вызове на допрос по «тифлисскому делу». Калинин, облегченно вздохнув, пожаловался на печку, которая неизвестно отчего дымит и воняет.

Жандарм посочувствовал, потоптался немного и ушел.

Через несколько дней свеженькие прокламации, напечатанные на эстонском языке, заполнили железнодорожные мастерские. В них говорилось о невыносимых условиях труда, о сверхурочных работах, за которые не платили ни гроша. Они призывали бороться за восьмичасовой рабочий день. Во всех бедствиях народных прокламации обвиняли царя и

прогнивший строй России.

Гектограф пригодился и для распространения материалов «Искры». Как только приходил очередной номер, Калинин передавал его Тирвельту. Тирвельт тут же переводил на эстонский язык наиболее важные материалы и принимался размножать их на гектографе в виде листовок.

Если случалась задержка с присылкой газеты, Калинин писал Надежде Константиновне Крупской, работавшей секретарем редакции. Переписка с «Искрой» велась через Макса Блюмберга — свой адрес Михаил Иванович не указывал.

«Искра» была широко известна в Ревеле. Рабочие, несмотря на конспирацию, знали, что распространение этой газеты дело рук русского токаря и его товарищей — Тирвельта, Татьяны Словатинской и других.

Часто наезжали товарищи из Петербурга. Очередную посылку с литературой доставил Калинин Ванюшка Иванов — тот самый, с которым жили три года назад в Волынкиной под одной крышей. Друзья проговорили всю ночь. Калинин без конца спрашивал о петербургских делах, знакомил с положением дел в Ревеле.

Как родному, обрадовался Николаю Янкельсону, вместе с которым памятным июлем 1898 года был первый раз арестован. От радости не спросил даже, почему это Николай вдруг оказался в Ревеле, не заметил, что в голосе его часто звучат какие-то фальшивые нотки.

Тяжелый урок получил Калинин из-за этой ошибки. Мог ли он подозревать, что еще три года назад Николай не выдержал угроз, струсил, поддался уговорам, польстился на полицейские денежки, выделенные для иуд, подобных ему! Не знал Михаил, что не друга уже привлекает он к делу, не товарищу доверяет тайны зашифрованной переписки, а человеку, привыкшему в установленные сроки получать в полицейском управлении пакет с хрустящими бумажками. Янкельсон узнал многое, узнал даже, в каком кармане носит Михаил листовки.

В конце декабря 1902 года Михаил Иванович тайно выехал в Петербург за книгами, газетами, листовками, или, как тогда говорили социал-демократы, за «литературой». Новый год встретил у Константина Беднякова, одного из деятелей петербургской организации. На другой день, нагруженный литературой, Калинин вернулся в Ревель.

Литературу удалось быстро раздать, частью припрятать. Всегда после того, как освобождался от опасного груза, Калинин чувствовал внутренний подъем, прилив энергии, желание действовать. Да и чего греха таить, спокойнее становилось.

Но в тот день вдруг появилась в душе какая-то тревога, ожидание

неприятности. Стоял, как обычно, у станка, и его все время преследовало желание оглянуться. Не выдержал, обернулся в ту самую минуту, когда по бокам выросли два жандарма.

Мысль вдруг заработала ясно и отчетливо, отмечая малейшие детали: «Почему это вдруг жандармы сразу полезли в правый карман пиджака, что висел на гвозде? Откуда могли знать, что в нем частенько пачка листовок или газет лежит? Что дома? Там все в порядке».

Быстро успокоился. Дал себя обыскать.

Вышел из цеха в сопровождении тех же жандармов. В дверях обернулся, увидел устремленные на него взгляды товарищей. Без страха, ободряюще смотрели Каллас, Вески, молодой Карл Рохтма — все его боевые друзья.

Думал, в тюрьму, но повели домой, на Ново-Фишермайскую: обыск полагалось делать в присутствии хозяина квартиры.

Жандармы попались добросовестные. Молча, с тупой настойчивостью пересматривали книжку за книжкой. Отобрали книг пятьдесят, показавшихся подозрительными, сложили аккуратной горкой. Полковник, руководивший обыском, так же молча наблюдал за ними, постукивая пальцами по столу. Калинин смотрел на него: «Неужели не догадается открыть ящик?»

В столе был шифр. Время шло. Полковник, теряя терпение, торопил жандармов.

Михаил Иванович поспешно сорвал с кровати простыню, вытащил из шкафа веревку, начал помогать связывать книги.

«Неужели пронесло? Только бы поскорее ушли!»

Полковник сел писать протокол. Калинин, укладывая книги на простыню, уголком глаза следил за его руками: длинные, неуклюжие, весь стол занимают. «И чего он все ерзает?» И вдруг ахнул. Задев за ручку ящика, полковник приоткрыл его и заулыбался:

— Я и забыл сюда посмотреть, а они вот где!

Угодливо изогнувшись, один из жандармов выкладывал из стола брошюры. «Торжество социализма», «Ходынка»... А, это вроде как ключ для шифрованной переписки. Ну, а это, и ребенку понятно, шифр.

Калинин опять перестал волноваться. Злость только разобрала на себя: «Простыню им еще давал!» Встал, выдернул из-под книг запылившийся белый холст, аккуратно постелил на прежнее место. Веревку свернул, положил в шкаф: «Черт бы вас побрал! Свяжите сами...»

Калинин не знал, что очередной, тридцать четвертый номер «Искры» Отметил его арест в «Хронике революционной борьбы»: «Ревель. 15 января

арест, раб. Мих. Калинин (в третий раз)».

В тюрьме узнал об аресте соратников: Тирвельта, Блюмберга и других.

На сей раз он увидел Петербург не по своей воле. Привезли его под усиленным конвоем и снова бросили в дом на Шпалерной. «Дом» был знакомым, однако порядки в нем изменились: книги для политических выдавали с ограничениями, свиданий почти не разрешали, чуть какой протест — в зубы. Во время коротких прогулок Калинин постарался связаться с другими арестованными, подговорил их объявить голодовку в знак протеста против издевательств.

Шесть дней лежал Михаил Калинин пластом, в рот не брал ни крошки, выливая пищу в парашу. Обеспокоенное тюремное начальство торопилось возбудить ходатайство о переводе его в другую тюрьму.

Как-то раз щелкнул замок, вошел стражник:

— Иди в контору, без вещей.

Вместо конторы повели во двор, посадили в карету и повезли в сопровождении конвоя — тридцати солдат со штыками. Даже шапки не дали надеть.

Так Калинин оказался в «Крестах» — одной из самых страшных тюрем России, страшных по режиму и обстановке. И без того короткие прогулки здесь продолжались всего пятнадцать минут. В душных и тесных одиночках заключенные изнемогали от недостатка воздуха, от голода, от побоев, от безделья: книги категорически воспрещались.

Но Калинин и тут не сложил оружия. Выбирал минуты и через окна, выходящие во двор, умудрялся заводить разговоры с соседями. Соседом был Сергей Малышев. Вместе с ним как-то раз устроил (через окна же) обсуждение книги Чернышевского «Что делать?». Выступление Калинина всем понравилось, и ему пришлось на другой день делать доклад о творчестве М. Горького.

Радовало Михаила Ивановича, что не забывали друзья из Ревеля. Татьяна Словатинская писала письма, присылала собранные рабочими деньги.

В июне случилось невиданное даже для кровавых «Крестов».

Во время обеда Михаил Иванович услышал вдруг дикие вопли в коридоре. Прислушался. Тюремщики избивали кого-то. В настороженной тишине крик о помощи был столь страшен, что нервы не выдержали. Забарабанил кулаками в дверь, закричал неистово:

— Прекратите, изверги! Прекратите!..

И вся тюрьма всколыхнулась, закричала, затопала...

Захлопали двери. В камеры вбегали озверевшие тюремщики, хватали людей, волокли их по полу, били ногами по чем попало.

Добрались и до камеры Калинина. Ворвались сразу восемь надзирателей во главе с начальником тюрьмы. Без лишних слов навалились, начали бить. Били долго, упорно, методично, подхлестываемые молчанием теряющего сознание Калинина и хриплыми выкриками начальника тюрьмы:

— Так им и надо, мерзавцам! Я им покажу революцию!..

Минут через десять на Михаила натянули смирительную рубаху, поверх связали веревками, а потом бросили в подвал, где валялись еще человек сорок избитых.

Месяц после этого пробыл Калинин в «Крестах». А когда оправился, его вызвали в охранное отделение и предложили немедленно выехать в Ревель.

Калинин был так измучен, что не удивился столь неожиданно странному распоряжению. До сознания это дошло позже.

Итак, снова Ревель.

Назад в мастерские его, конечно, не взяли. Поступил на завод «Вольта». Поселился неподалеку, на Стрелковой улице.

С первых же дней Калинин с радостью убедился, что старания его не пропали даром: кружки продолжали работать, выпускались листовки. Постепенно Михаил Иванович вошел в курс дела, узнал, что действует вся сколоченная им в городе социал-демократическая организация.

Настал и день, когда Калинин снова собрал свою группу, собрал для того, чтобы упорядочить правила конспирации. Условились, что, пока лето, будут встречаться в лесу близ озера Юлемисте.

Собирались два-три раза в месяц. Калинин рассказывал о Ленине, о его борьбе за создание партии, о II съезде РСДРП, закончившемся 10 августа 1903 года. Радовались вместе победе ленинского, искровского направления, радовались, что наконец-то создана революционная марксистская партия. Калинин была с самого начала ясна принципиальная правота Ленина. Ему, на практике испытавшему, что такое партийная организация и партийная дисциплина, нелепыми, оторванными от жизни представлялись рассуждения Мартова о том, что не следует-де слишком жесткими условиями отпугивать от партии профессоров. Странно, что съезд все же согласился с формулировкой Мартова. Однако по вопросу о руководящих органах партии за искровцами пошло большинство. Сторонники Ленина с того времени стали называться большевиками.

Расхождения между большевиками и меньшевиками казались все же преодолимыми.

Об этом Калинин рассказывал рабочим, не подозревая, однако, что разногласия куда серьезнее, чем думалось на первый взгляд. Трудно было представить себе, что споры по организационным вопросам могут привести к разрыву, к вражде, к борьбе не на жизнь, а на смерть. В условиях нараставшего революционного подъема трудно было представить себе разрыв в лагере людей, которые вроде бы хотят одного и того же: свержения царизма, освобождения трудового люда.

Калинин вел напряженную работу не только среди рабочих, но и среди солдат и матросов. Через Митревича, призванного на флот, он держал связь с командами военных кораблей, стоявших в Ревеле.

С тревогой следил Калинин за обострением внутривластной борьбы. С болью в сердце воспринял он измену Плеханова. Плеханов! Едва ли не первый марксист в России. Блестящий, остроумный оратор, крупный философ. Выработавшимся политическим чутьем Калинин понял, что Ильич верно сделал, уйдя из ЦК и из состава редакции «Искры», им же созданной и выпестованной.

Информация поступала скупо, а хотелось знать подробности, быть поближе к центру революционной борьбы. Михаил Иванович подал прошение с просьбой разрешить выехать из Ревеля, а то, дескать, работаю не по специальности, могу дисквалифицироваться. Хитер Калинин, но и жандармы не лыком шиты. Не пустили. Но этого им показалось мало. Решили от него избавиться, хотя прямых улик подобрать и не удалось. Жандармерии ясно было, что оживление революционной работы в Ревеле связано непосредственно с Калининным.

Ясным морозным днем в цех вошел посыльный из конторы. Пошмыгал носом, пошептался с мастером и ушел. Мастер смущенно потоптался на месте, потом направился к Калининну:

— Михаил Иванович... Тебя там... того... в контору, стало быть, требуют.

Не к добру эти вызовы. Что там еще? Но об аресте и не подумал. Вошел в контору бодро, с недоумением поглядел на притихших служащих. Все стало ясно, когда увидел помощника пристава. Старый знакомый! Поздоровались. Напуская строгость и начальнический вид, помощник пристава заявил, что ему приказано арестовать Михаила Иванова Калинина.

«Михаил Иванов» ухмыльнулся:

— Собственно, почему?

— Не могу знать. Вот, извольте прочесть предписание.

Калинин взял протянутую бумажку, прочел: четыре года... в Сибирь в распоряжение иркутского генерал-губернатора. И сразу успокоился. Разве не ждал он этого со дня на день, с часу на час? Неожиданно как-то, без суда, без следствия: пожалте в Сибирь, Михаил Иванович! Ну, да что поделаешь...

Двое конвойных щелкнули каблуками.

Повернулся Калинин, твердым шагом вышел во двор. Морозный, прокопченный воздух показался таким родным да знакомым. До боли жалко стало расставаться с ним. Снял шапку, сощурил глаза, прощаясь со всем, что стало дорогим и близким.

Конвойные выжидательно стояли позади. Помощник пристава осторожно хмыкнул:

— Пора, господин Калинин.

Нахлобучив шапку, Михаил Иванович двинулся к воротам. Надрывно взвизгнув, позади хлопнула дверь проходной.

Около месяца Калинина продержали в тюрьме, а потом отправили в Петербург. В дороге громом поразила весть: война с Японией.

Для Калинина война обернулась не так уж плохо. По царскому указу ссылку в Сибирь прекратили до конца войны: транспорт был и без того перегружен. Пришло распоряжение: Калинина — в Олонецкую губернию. Из Петербурга по железной дороге сразу же и направили в Карелию. Поездом довели лишь до Лодейного поля.

Была весна, когда еще одна тюрьма стала временным домом Калинина.

Тюрьма была не такая, к каким начал уже привыкать Михаил Иванович. Деревянное одноэтажное здание. Только решетчатые окна и выдают его назначение. Внутри крохотные камеры. В «порядочной» тюрьме такими только карцеры бывают.

Несмотря на патриархальный вид, тюрьма оказалась недоброй, режим — тяжелым.

И все-таки «то, что нам пришлось пережить и перестрадать, — размышлял Калинин, — это сущий пустяк, если подумать, ради какой цели мы идем на это...».

Во время коротких прогулок в маленьком тюремном дворике Михаил Иванович познакомился с будущими попутчиками по этапу Правдиным и Заволокиным. Рассказал о себе, те поделились с ним опытом своего тюремного бытия.

Двадцатого апреля утром все трое проснулись от лязга тюремного

запора. Миска бурды, кусок хлеба — и всех повели во двор, где уже стояли пятеро уголовных, готовых в путь, — в Повенец.

На таратайке прикатил воинский начальник. Прошелся по тюремному двору, строго оглядел вытянувшихся конвойных.

— Винтовки заряжены? Запасные патроны в подсумках есть?

Не дослушав нестройного: «Так точно!..», повернулся к фельдфебелю, начальнику конвоя:

— Проверьте затворы!

Когда и эта операция закончилась, сказал короткую речь, обращаясь к конвойным: винтовок из рук не выпускать, глаз с арестованных не сводить, при попытке к бегству стрелять.

Потянулись нудные этапные дни. Проезжая, плохо мощенная дорога, вонючие, кишасшие паразитами этапки для ночлега. В одной из них — в деревне Мянсельга — Правдин, вооружившись перочинным ножом, вырезал на стене:

«Прошли

в Повен. полит.

И. Правдин

на 3 г. из Одес.

П. Заволокин

3 г.

М. Калинин

4 г.

1904 г.

Подумал и подписался своей партийной кличкой — «Вадим».

Прошли Петрозаводск. В памяти от него осталась тесная тюрьма да самодур начальник, запретивший пользоваться книгами. В отсутствие заключенных обыскали их вещи и все книги изъяли. Среди изъятых нашлась и одна нелегальная — о восьмичасовом рабочем дне. Начальник тюрьмы взбеленился. Из жандармерии пришел ротмистр, начал производить дознание. Похлопывая тоненькой брошюрой по ноге, вопрошал, обращаясь преимущественно к Калинину:

— Ну-с, так чья же это книжка?

Пряча ироническую ухмылку в усы, Калинин отвечал, что-де ничья она и, надо полагать, начальник тюрьмы сам ее и подбросил во время обыска.

Нахальство как-то очень быстро слетело с ротмистра. Он растерянно поглядывал то на Калинина, то на начальника тюрьмы, который от возмущения не мог вымолвить ни слова.

— Что же теперь делать с этой брошюрой? Калинин серьезно ответил:

— А вы отдайте ее мне. Я люблю читать хорошие книжки...

Книжку ротмистр, конечно, не отдал, но «дознание» на этом прекратил.

От Петрозаводска до Повенца, куда была определена ссылка, еще двести верст. Весь этот путь политические прошли пешком. Шли медленно, подолгу задерживались на этапах. По дороге, нарушая инструкцию, часто беседовали с приставленным конвоиром — сапожником из Повенца. Тот охотно рассказывал:

— Повенец там, где свету конец. Уездный городишко, тысяч около двух жителей. Ссылных порядком. Тюрьмы нету. Работу найти трудно.

Все оказалось так, как рассказывал конвоир.

После всяких формальностей было объявлено, что Калинину с Правдиньш надлежит отбывать срок в Мендусельге — 75 верст от Повенца, в Заволокину — того дальше — в Шунгском погосте.

Но Калинин никуда не поехал. Подал прошение: жду, дескать, семью, прошу поселить пока в Повенце. Разрешение было дано, и Калинин сначала временно, а потом и постоянно обосновался в основной колонии ссылных. Через несколько месяцев вернулся из Мендусельги Правдин и поселился в одной комнате с Михаилом Ивановичем.

Работенку найти все же удалось. Устроился он в кузницу

молотобойцем и, кроме того, брал на дом для переписки деловые бумаги у податного инспектора. За переписку листа тот платил шесть копеек. Работа была непостоянной, и часто приходилось сидеть на хлебе с квасом.

В свободное время, а его было совсем мало, Калинин читал. Книг не хватало. С радостным удивлением он получил однажды извещение о посылке. Вскрыл объемистый ящик, и первое, что бросилось в глаза, были книги, газеты. Под книгами лежали теплые вещи, а на самом дне — набор слесарных инструментов. Это эстонские рабочие передавали привет своему русскому товарищу. Потом переписка с Ревелем стала регулярной. Татьяна Александровна Словатинская писала о всех новостях, о том, как набирает сил ревельская организация большевиков.

Для партии наступили тяжелые времена. Захватив руководящие центры, меньшевистские лидеры прилагали всяческие старания, чтобы расколоть партийные организации на местах. Споры и дебаты разгорелись по всей стране. Не миновали они и Повенца. В центре внимания было обращение двадцати двух большевиков «К партии», принятое под руководством Ленина в Швейцарии. Обращение призывало к борьбе за созыв III съезда.

В небольшой комнатке повенецкой старожилки Авдотьи Родионовны Юшковой гремели страстные речи. Калинин уже в первые месяцы пребывания в ссылке сделался признанным вожаком большевиков. Неумоимо отстаивая ленинские взгляды, он оттачивал умение убеждать, доказывать свою правоту — умение, которое он пронесет через всю свою большую и яркую жизнь.

Нелегко было вести революционную работу под наблюдением полицейских стражников. Подчас с контрольными визитами заглядывал сам исправник, но особенно выслуживался стражник Климов, юркий, недалекий ханжа с бегающими глазами. Михаил Иванович частенько подшучивал над ним. А тот, принимая все, что ему ни скажут, за чистую монету, полагал, что Калинин ему доверяет.

Михаил Иванович, смеясь, как-то заметил Правдину, что Климов всерьез убеждает его в своей дружбе.

— Ну да ничего! Вот я его ужо проучу!.. Был бы случай.

Как-то раз в Повенец за покупками приехал пономарь из далекого села. Михаил Иванович пригласил его чаю попить, а Климов тут как тут! Покрутился, повертелся, стал выжидать, когда Калинин один останется. А когда дождался, бросился в избу.

— Это что ж за гость был у тебя, Михаил Иванович?

Калинин напустил на себя загадочный вид. Поглядывая исподлобья,

спросил:

— Донесешь ведь или проболтаешься? Стражник истово перекрестился, глаза нетерпеливо забегали.

— Вот те крест! Умру — никому не скажу!

Михаил Иванович встал, прикрыл поплотнее дверь, задернул зачем-то занавеску и пальцем поманил Климова.

Тот подбежал на цыпочках, стараясь не греметь сапожищами. Вытянул шею, вслушиваясь в свистящий шепот Калинина:

— Ссылный... Бежал из Архангельска... В Петербург пробирается.

Климов поспешно понимающе кивал головой, а едва Калинин кончил, стал торопливо прощаться.

О дальнейших событиях рассказал Калинину Правдин. Запыхавшись, Климов ворвался в лавку, где пономарь набивал дорожную сумку.

— А ну, голубчик, предъяви пачпорт. Пономарь опешил.

— Что ты, родимый. Я ж лицо духовное, паспорта сроду не имел.

Не обращая ни на что внимания, Климов торопливо ощупывал карманы пономаря и уж совсем было хотел взять его за локоток, как присутствующие вступились. Нашлись односельчане, подтвердившие личность заподозренного.

Климову пришлось отступить.

Долго потом не появлялся он в избе Калинина.

В конце 1904 года в очередной посылке из Ревеля Михаил Иванович обнаружил тщательно сложенную газету. Торопливо развернув, прочел на первой полосе: «Вперед», № 1, Российская социал-демократическая рабочая партия».

В передовой «Самодержавие и пролетариат» Калинина поразила огромная сила заключительных слов:

«Военный крах неизбежен, а вместе с ним неизбежно и удесятерение недовольства, брожения и возмущения.

К этому моменту должны мы готовиться со всей энергией. В этот момент одна из тех вспышек, которые все чаще повторяются то здесь, то там, поведет к громадному народному движению. В этот момент пролетариат поднимется во главе восстания, чтобы отвоевать свободу всему народу, чтобы обеспечить рабочему классу возможность открытой, широкой, обогащенной всем опытом Европы, борьбы за социализм».

Подписи не было, но Калинин догадался сразу: Ленин. Кто может еще с такой силой логики, с такой уверенностью, так смело предвидеть события, давать анализ обстановки? Еще сильнее заняла душа: там борьба, а здесь, в глуши, что? Вот уже третья неделя пошла с тех пор, как он и

Правдин подали начальству прошения о месячном отпуске — повидаться с родителями. А ответа нет. Может, сбежать?

Мысль о побеге становилась все отчетливее и яснее. Бегут ведь и из Сибири. Так неужто из Повенца не убегу? К концу года вместе с Правдиным обсудил уж и детали. Но тут неожиданно пришло разрешение на отпуск и проходные свидетельства, которые «видом на жительство служить не могли». В народе такие документы называли «волчьими паспортами».

На лошадях выехали в Петербург. Добрались за полторы недели. Подхлестывало нетерпение: что там и как? Слух о событиях 9 января уже докатился до Карелии.

В Петербурге рассчитались с крестьянином-карелом, потребовавшим до смешного мало — двадцать рублей, и отправились к Беднякову.

Константин Николаевич Бедняков только что вернулся из Мологи, где находился под особым надзором полиции. И хотя неделю назад дело против него было прекращено, он жил на чемоданах, ожидая нового ареста. И тут как снег на голову — Калинин с Правдиным. Бедняков рассказал о положении дел: в Петербурге повальные обыски, аресты, ночь провести и то опасно. Решили отправиться ночевать к Коптеву, что руководил кружком на Трубочном.

Но вот уж поистине не знаешь, где беда подстерегает. В четыре часа утра Михаил Иванович проснулся от шума. Прислушался и замер — в соседней комнате орудовала полиция. А там на стуле висел его пиджак с проходным свидетельством. Выручил случай. Полицейский, производивший обыск, попытался присвоить обнаруженные в шкафу довольно большие деньги (разумеется, общественные). Хозяйка подняла шум. Не желавшие лишних свидетелей полицейские выпустили Калинина с товарищами.

До утра друзья бродили по сонному Петербургу, заходя то к одному, то к другому. Один был арестован, у другого шел обыск...

На следующий день удалось связаться с одним из секретарей Петербургского комитета партии — Еленой Дмитриевной Стасовой. Елена Дмитриевна радушно приняла ссыльных.

Вечером встретились все с Сергеем Ивановичем Гусевым — секретарем Петербургского комитета, жившим в то время по паспорту на имя Эдуарда Эдуардовича Деннемарка, русского подданного из немцев. Посоветовались и пришли к выводу: Правдину — перейти на нелегальное положение, Калинину же — отправляться на родину. Незачем зря гусей дразнить. Пусть дело немножко поуспокоится.

В заключение разговора Стасова посоветовала Калининну посетить дискуссионное собрание, которое должно было состояться на следующий день в одной из явочных квартир на Охте.

— Сходите. Кстати, вот Сергей Иванович и докладчиком там будет. — Улыбнулась и добавила: — Надо же вам определить свою фракционную принадлежность.

...На родину Михаил Иванович приехал большевиком, с фракционным билетом в кармане.

Вот как сам он рассказывал об этом времени:

«Из Питера я поехал в деревню через Москву, где предполагал остановиться на несколько дней у С.Я. Аллилуева, но никого из семьи почему-то не оказалось дома. Пойти в гостиницу нельзя: с моими документами не пропишут, да и денег не было. Воспользовался хорошим московским обычаем — пошел искать ночную чайную. Публика расходилась с митингов, горячо на улице споря на политические темы, шли, видимо, из университета. А я, политический деятель с сумкой за плечами, идя по панели, решал, как бы провести ночь так, чтоб не попасть случайно в полицию. В чайной, которую я все-таки нашел, оказалось много народу, почему[-то] так же вынужденных пить чай всю ночь. Вероятно, у каждого были свои причины, но само собой об них в ней не было принято говорить. Так началась моя политическая жизнь в 1905 году после ссылки».

Приезд для родных был неожиданным и тем более радостным. Шутка сказать — более четырех лет не виделись! Как и прошлый раз, отбоя не было от односельчан. Каждому любопытно было взглянуть, какой стал Калинин после царской каторги.

Михаил Иванович в свидании никому не отказывал. Наоборот, шел туда, где больше народу, рассказывал о кровавых событиях 9 января, о том, как живут рабочие в городах, за что борются. Целое лето провел на родине, а в сентябре снова уехал в Петербург.

БАРОМЕТР ПОКАЗЫВАЕТ БУРЮ

Четыре города на земле носят название Портсмут. Три из них находятся в Соединенных Штатах Америки. Один из этих американских Портсмутов вошел в историю как город, закрепивший позорное поражение царизма в русско-японской войне. В сентябре 1905 года тут был подписан унижительный для России мирный договор.

Глава царской делегации председатель Комитета министров граф Сергей Юльевич Витте хорошо понимал, что уступает Японии слишком многое, но он понимал и безвыходность положения. Надо было во что бы то ни стало кончать с затянувшейся бесперспективной войной, чтобы развязать руки для борьбы с разрастающейся революцией.

Сергей Юльевич был умным и хитрым царедворцем. Он не уважал императора и презирал императрицу Александру Федоровну. Но он был монархистом едва ли не большим, чем сам монарх. Он жаждал крепкой, сильной царской власти. При этом он, однако, полагал, что лучше уступки, чем революция... Он надеялся, что после успешного выполнения задания царя — во что бы то ни стало заключить мир! — тот будет более внимательно прислушиваться к его советам. С такими мыслями он возвратился в Петербург.

Город был неузнаваем. Да что Петербург! «Вся Россия пришла в смуту, — написал Витте в своем дневнике, — и... общий лозунг заключался в крике души: «Так дальше жить нельзя», другими словами, с существующим режимом нужно покончить. А для того чтобы с ним покончить, явились борцы действия и мысли во всех без исключения классах населения, и не единичные, а исчисляемые многими тысячами. Большинство же, не двигаясь, совершенно сочувствовали действующим».

Что верно, то верно! Граф умел смотреть и на неприятные вещи трезво.

Революционная обстановка в России накалилась до предела. Достаточно было искры, чтобы страна вспыхнула пламенем восстания. Вот в такие дни почти одновременно с графом вернулся в Петербург Михаил Калинин. Вернулся после многодневного вынужденного пребывания в Верхней Троице.

За это время немало воды утекло, немало событий совершилось. Главное событие — III съезд партии, принявший резолюцию о вооруженном восстании и утвердивший первый параграф Устава в

ленинской формулировке. После съезда Ленин стал во главе единого полноправного партийного центра — ЦК и центрального органа — газеты «Пролетарий».

Родились первые рабочие Советы, произошло такое грандиозное событие, как восстание на броненосце «Потемкин», был опубликован царский манифест о созыве Государственной думы, проект которой сочинил министр Булыгин.

Петербург энергично готовился к вооруженному восстанию.

На фабриках и заводах рабочие изготавливали оружие: из напильников — наконечники пик, из стальных полосок — кинжалы. Литейщики Путиловского отливали оболочки для бомб.

Барометр показывал бурю. Именно так и написал в одной из своих статей В.И. Ленин.

Связавшись с большевистской организацией, «товарищ Никанор», как называли Калинина товарищи, с головой ушел в партийную работу. Ожидание близких перемен подхлестывало энергию, предчувствие крупных событий действовало опьяняюще. Радостно думалось: «Вот оно! Наконец-то дождались!»

В течение двух месяцев «товарищ Никанор» разъезжал по фабрикам и заводам города, призывал людей бойкотировать булыгинскую думу и готовиться к вооруженному восстанию. Он видел, какой живой отклик находят в сердцах рабочих большевистские лозунги, какой непреклонной решимостью светятся глаза рабочих.

В октябре началась всеобщая политическая стачка.

Утром 17-го числа, выйдя на улицу, Калинин увидел толпы людей. У заборов, возле круглых тумб с объявлениями, на остановках конки — всюду толпился народ.

Высокий мужчина, сняв цилиндр, читал радостным голосом какую-то бумагу, наклеенную на стену. До Калинина долетели обрывки фраз: «Смуты и волнения в столицах и во многих местностях империи нашей великою и тяжелою скорбью переполняют сердце наше. Благо российского государя неразрывно связано с благом народным, и печаль народная его печаль...»

Подошел поближе, протер очки, прочитал: «Манифест». Быстро пробежал текст: «Хм... неприкосновенность личности, свобода совести, слова, собраний и союзов...»

Толпа ликовала.

— Царь сдался! — кричал какой-то детина.

— Нет больше самодержавия, — вторила ему пышная барышня с

толстой косой.

«Как бы не так! — подумал Калинин. — Просто поняли, что на рожон лезть не следует, лучше уступить, а то не ровен час сотрут царя вовсе».

В этот день на митинге «товарищ Никанор» говорил о манифесте, призывал не верить ему, предупреждал, что это лишь маневр, который нужен царскому правительству для того, чтобы выиграть время, собраться с силами и нанести сокрушительный удар по революции.

Но как бы там ни было, а после манифеста последовала амнистия политическим. Калинин вздохнул свободнее и пошел устраиваться на родной Путиловский.

Шесть лет он не видел завода, шесть долгих лет. Все эти годы были для него суровой и жестокой школой революционной борьбы. Ушел он отсюда начинающим революционером, вернулся стойким, опытным большевиком-ленинцем.

Снова, как и шесть лет назад, Михаил Иванович поселился в одной квартире с Иваном Дмитриевичем Ивановым. С его же помощью начал входить в курс дела. Калинина поразили политический рост путиловцев: эти сразу поняли, какова настоящая цена царского манифеста! И вожаки у них оказались неплохие — Василий Буянов, Николай Полетаев. Оба депутаты Петербургского совета. Василий Буянов возглавлял, кроме того, Нарвский районный совет. Под руководством большевиков путиловцы энергично вооружались, вели активную борьбу с меньшевиками, выступавшими против вооруженного восстания. При районном комитете партии была создана боевая дружина путиловцев.

Калинин оказался в центре кипучей напряженной жизни района. Вскоре большевики избрали его членом районного комитета партии. Здесь он выступил одним из инициаторов создания легального рабочего клуба Нарвского района. Нередко и сам выступал в клубе с докладами, беседовал с рабочими, распределял нелегальную литературу.

Здесь как-то раз он увидел незнакомого человека — невысокого, с большой лысиной, обрамленной рыжеватыми волосами.

Быстрой походкой человек подошел к Калинин, протянул руку.

— Здравствуй, «товарищ Никанор». Очень рад познакомиться. Ульянов...

Так просто и буднично произошло знакомство Калинина с Лениным.

Царское правительство готовилось учинить зверскую расправу над присоединившимися к революции кронштадтскими моряками и солдатами. В знак протеста против расправы Петербургский Совет объявил стачку. Десятки тысяч рабочих тут же бросили работу. Остановился и

Путиловский.

Не присоединились к бастующим рабочие городской конки. Тогда рабочие-дружинники вышли на улицы, чтобы остановить движение конки. Однако, вместо того чтобы агитировать кондукторов, дружинники останавливали вагоны, выгоняли пассажиров и опрокидывали конку вместе с полицейскими, если те отказывались выйти из вагонов.

Некоторым большевикам-дружинникам казалось, что они делают очень полезное для революции дело. Так они и говорили на одном из заседаний Нарвского райкома партии. Калинин выслушал их и заметил:

— Полицейских в вагонах кувыркать, конечно, хорошо. Но здесь слишком восторгаются этим. Ну, опрокинули конку, перепугали кондукторов, а дальше что? А по-моему, конки конками, но главное внимание надо направить на занятие боевых дружин, на стычки с черной сотней и полицией, на то, чтобы добывать оружие. Надо расширять стачку, делать ее всеобщей. Надо сделать так, чтобы кондуктора сами остановили движение во всем городе...

Отряды черной сотни представляли серьезную опасность для революции. Толпы черносотенцев, вооруженных огнестрельным оружием, а подчас просто ломами и дубинами, набрасывались на рабочих, убивали их вожakov.

Разнузданным бандитам, пользующимся поддержкой полиции, можно было противопоставить только силу. Поэтому Калинин энергично сколачивал боевую дружину на заводе.

Клуб в это время размещался на квартире Ивана Дмитриевича Иванова. Здесь хранилась литература, оружие. Сюда приходили отдыхать дружинники. Их насчитывалось уже семьдесят. Дружина готовилась возглавить рабочих во время восстания.

В эти напряженные, отчаянные дни 1905 года в жизни Калинина произошло важное событие: он встретился с Катей.

Как-то узнал, что ревельская большевичка Татьяна Словатинская в Петербурге. Через товарищей установил адрес и отправился в гости. Был приятно удивлен, встретив многих знакомых. Но были и незнакомые — парни, девчата. Среди них Катя Лорберг.

Тридцать лет стукнуло в ту пору Калинину. Нельзя сказать, что до сей поры не нравились ему девчата, но такого еще не бывало. И началось-то все вроде с пустячных, незначущих фраз. Кто-то вспомнил о маевке возле озера Юлемисте. Катя с оживлением начала рассказывать, что и она там была, что эта маевка для нее, по сути дела, явилась боевым крещением, началом пути в революцию.

Калинин слушал, и вдруг странное чувство к этой худощавой, стройной девушке шевельнулось в сердце: «Экая милая да маленькая — ей бы танцевать да хороводы водить с девчатами, а — поди ж ты! — наш человек, революционерка».

Разговорились. Общая тема для разговоров была: Ревель, его люди, улицы. Катя рассказала о себе, о том, как работала в Ревеле ткачихой, как бастовала вместе со всеми, как, спасаясь от преследований полиции, вынуждена была с сестренкой уехать в Петербург...

Михаил вспоминал о «Крестах», о Повенце, о Тифлисе. Рассказывал о страшных вещах, а сам улыбался: в душе все пело.

С того дня стали встречаться часто: то у Словатинской, то у Лорбергов, а то просто на улице. Михаил сразу понял, что это не шутка, что полюбил на всю жизнь. Поняла это и Катя...

События в стране развивались. Начавшаяся по постановлению большевистского Московского совета забастовка в Москве перерастала в восстание. Древний город покрылся баррикадами. Петербург был готов восстать также. Фабрики и заводы забастовали. Три дня стоял Путиловский. Атмосфера для восстания была самой подходящей. Все ждали, что скажет Петербургский Совет. Но в отличие от Московского Петербургский Совет был меньшевистским. Меньшевики дружно проваливали все предложения большевиков, направленные на развитие восстания.

Незадолго до начала всеобщей политической стачки в Москве Петербургский Совет рабочих депутатов был арестован. Рабочие попытались выбрать новых депутатов. В их числе от путиловцев был избран токарь Калинин. В создавшихся условиях Совет не мог собираться в Петербурге. Михаилу Ивановичу только один раз удалось побывать на заседании Совета, состоявшемся в Териоках.

Меж тем генерал-губернатор столицы Трепов готовил к отправке в Москву Семеновский полк...

На очередном собрании боевого центра Нарвского района, куда наряду с большевиками входили и эсеры, Калинин предложил взорвать мост через Николаевскую дорогу и не пустить составы с солдатами, в Москву.

Предложение обсудили, согласились с ним. Но где взять взрывчатку? Один из входивших в боевой центр эсеров заявил: «Динамит есть, и мост беремся взорвать сами, только понадобятся люди».

В ночь с 11 на 12 декабря в небольшом доме на Петергофском шоссе, где жил Калинин вместе с Ивановым, никто не спал: ждали представителя эсеров, который должен был принести динамит. Ждали до рассвета.

Но представитель не пришел... Ранним утром 13 декабря Путиловский огласился топотом солдатских сапог. В первые же дни взяли Полетаева. Искали Буянова, но тому удалось скрыться. Аресты следовали один за другим, а после подавления Московского восстания полиция вовсе обнаглела — хватала всех, кто под руку подвернется.

Калинина с завода, конечно, уволили. Не дожидаясь ареста, он решил на месячишко податься в Верхнюю Троицу. Вновь он вернулся в Петербург в начале февраля 1906 года, когда полиция успокоилась немного, решив, что все вожаки схвачены. Арестов стало меньше, но устроиться на работу было нелегко. Заводское начальство как огня боялось революционеров и старательно допытывалось, кто это поступает на завод, откуда он, чем прежде занимался. К. Бедняков, бывший в то время одним из руководителей питерских большевиков, поручил рабочему-большевику по фамилии Маслюк устроить Калинина на Трубочный завод. Завод был военный. В опытных людях нуждался. Однако когда Маслюк попросил начальника 8-й инструментальной мастерской Перского принять на работу его «дядю», тот первым делом спросил:

— А где он шатался в 1905 году?

Все же Маслюк уговорил Перского побеседовать с Калининым.

Михаил Иванович пришел на беседу, обрядившись в короткий ватный пиджак, подстриженный по-деревенски — под скобку. Мужик — только что из деревни. Перский изумился:

— Это разве токарь?

Но сделать пробу разрешил. Калинину же только это и нужно было. Увидев выточенные Михаилом детали, Перский без лишних слов отдал распоряжение: на работу зачислить.

В Петербурге в эти дни шла подготовка к IV Объединительному съезду партии. На собраниях партийных организаций горячо обсуждались тактические платформы большевиков и меньшевиков. На многих собраниях выступал Ленин.

Большевики Трубочного избрали Калинина членом Василеостровского районного комитета партии, а вскоре и членом Петербургского комитета. Когда вплотную встал вопрос о делегате на съезд от Трубочного завода, большевики единодушно назвали «товарища Никанора».

Съезд намечалось созвать в конце апреля, и Калинин решил заблаговременно взять отпуск. Подал заявление, что болен.

Накануне отъезда зашел к Кате. Уж когда прощались, сказал, что должен на некоторое время опять уехать из Петербурга.

Катя тревожно посмотрела на него.

Михаил спросил:

— Если что — навестишь в тюрьме?

Катя ответила:

— Навещу.

— Но посторонних не пускают, — с надеждой сказал Михаил и услышал в ответ желанные слова:

— Ну что ж... Скажу, что невеста.

Огромная радость захлестывала Калинина, когда он ехал в Хельсинки, или, как его тогда называли, Гельсингфорс. Погода стояла чудесная, впереди была интересная дорога, интересный съезд, делегатом которого он был наравне с вождем партии Лениным.

Из Гельсингфорса на пароходе, зафрахтованном специально для делегатов, выехали в Стокгольм.

На пароходе собралось немало видных большевиков и меньшевиков. Днем и те и другие любовались дивными морскими видами, и никаких разногласий на этот счет между ними не было. Но стоило зайти солнцу, как в кают-компании вспыхнула дискуссия. Темой ее был аграрный вопрос. Калинин впервые находился среди таких крупных партийных работников и немного стеснялся. Но спор увлек и его.

В разгар дискуссии пароход вдруг сильно вздрогнул и остановился, словно наткнулся на стенку. Одновременно погас свет. В крошечной тьме посыпались с полок люди и чемоданы.

Когда свет, наконец, зажгли, капитан — суровый, не улыбочивый финн — объяснил, что пароход напоролся на риф, но что он послал радиосигналы и, возможно, их спасут.

Несколько минут все молчали, но потом, убедившись, что спать в залитых каютах все равно нельзя, возобновили прерванную дискуссию.

К опасностям Калинин давно привык, и это происшествие не сильно взволновало его. Вместе со всеми участвовал он в оживленном споре и не заметил, как прошла эта тревожная ночь.

Утром подул ветер, и все — матросы и пассажиры — обеспокоились: стоило кораблю сняться с каменного рифа, как он, залитый водой, перевернулся бы. Но тут кто-то увидел дымок на горизонте: из Гельсингфорса на подмогу шел пароход. Вскоре все перебрались на него. И через несколько часов Михаил Иванович увидел первый в своей жизни заграничный город — Стокгольм. Гельсингфорс был в то время российским городом.

На пристани прибывших встретили представители шведской социал-демократии. Они проводили делегатов в помещение, отведенное для

съезда, — огромное здание Народного дома.

На съезде Михаил Иванович внимательно вслушивался в каждое слово Ленина.

До этого ему доводилось встречаться с Ильичей в легальном большевистском клубе Нарвского района. Калинин видел Ленина — стремительного, уверенного, всегда знающего, чего он хочет. Но здесь, на съезде, Ленин впервые предстал перед ним, как вождь партии, во всем блеске своего ораторского таланта, со всем своим умением полемизировать, отстаивать свою точку зрения. Казалось невероятным, что кто-то мог придерживаться иных взглядов. И все же перевес сил был на стороне меньшевиков. Они имели многочисленные организации в непромышленных районах страны. Многие же большевистские организации, поглощенные участием в вооруженном восстании, не смогли прислать своих делегатов. А численное преимущество меньшевиков на съезде обусловило и меньшевистский характер принятых резолюций. Руководство также было избрано меньшевистское. Объединение большевиков и меньшевиков в рамках РСДРП оказалось чисто формальным.

После возвращения из Стокгольма Калинин получил от Петербургского комитета партии задание — объединить металлистов Васильевского острова в профессиональный союз.

Профсоюзы в это время возникали повсюду десятками и сотнями. К 1907 году в России насчитывалось шестьсот пятьдесят профсоюзов.

Но не так-то просто эти организации рождались. Возникновению каждого профсоюза предшествовала большая работа десятков людей, работа в условиях слежки, преследования.

Трижды полиция разгоняла собрание инициативной группы, созданной Калининым для обсуждения вопроса о профсоюзе, и только на четвертый раз удалось спокойно условиться о разных организационных делах: членском взносе (пятьдесят копеек), делегатах на общегородские собрания, очередном районном собрании и т. п.

Очередное собрание состоялось через неделю после первого в помещении спасательной Галерной станции. Это собрание избрало бюро Василеостровского союза металлистов, а секретарем бюро — М.И. Калинина.

На общегородском делегатском собрании Михаил Иванович был избран членом правления Союза металлистов. Здесь он познакомился с секретарем правления Романом Малиновским — человеком, который

сыграл в дальнейшем, пожалуй, одну из самых подлых ролей в истории нашей революции.

Калинину приходилось много часов, много дней уделять созданию профсоюзных организаций на крупнейших заводах столицы. Союз металлистов быстро разрастался. В июне 1906 года союз насчитывал 885 человек, а в следующем месяце число его членов превышало 9,5 тысячи.

В июне 1906 года Михаил Калинин и Катя Лорберг поженились. Событие было отмечено скромно. На чай с пирогами собрались близкие друзья новобрачных, которые пожелали молодым счастья и согласия.

Летом 1906 года пожар революции продолжал полыхать, хотя правительству кое-где удалось сбить пламя. Особенно бурные события происходили в деревне. Целые села и уезды отказывались от уплаты податей. В числе «бунтующих» оказалась и Верхняя Троица. Мария Васильевна сообщала в письмах, что мужики волнуются, ждут перемен. Писала также, что Иван Калиныч стал совсем плох. Исхудал, все больше на печи лежит, встает редко. Звала сына приехать, помочь по хозяйству.

А как приедешь, когда такое вокруг творится!

В эти дни Калинин целиком был поглощен подготовкой стачки в поддержку восстания кронштадтских моряков. Однако, прежде чем стачка началась, царское правительство подавило восстание.

Расправился царь и с моряками Свеаборга, Ревеля, поднявшими оружие против существующего строя. «Восстания подавлены, — писал Ленин, — но восстание живет, ширится и растет».

Чтобы окончательно расправиться с революцией, царь повелел распустить I Думу и объявил о подготовке к выборам во вторую.

Большевики решили на этот раз участвовать в выборах. По заданию партии Калинин в эти дни подробно разъясняет рабочим, в чем отличие избирательной платформы большевиков от платформы меньшевиков. Освободить крестьянство из-под влияния либеральной буржуазии, указывал Калинин, создать в Думе тесный союз представителей рабочих и представителей крестьян — вот цель большевиков. Меньшевики же хотят союза с кадетами, вводят народ в заблуждение, уверяя, будто можно завоевать свободу без вооруженного восстания.

Даже неискушенным в политике рабочим становилось все более очевидно, что своей тактикой меньшевики тянут партию в болото оппортунизма, приспособленчества, беспринципности.

По требованию ряда партийных организаций, в том числе и

петербургской, в апреле — мае 1907 года в Лондоне состоялся V съезд РСДРП, который по всем обсуждавшимся вопросам принял большевистские резолюции.

Работа съезда проходила в условиях спада революции. Было очевидно, что придется отступить: у рабочих и крестьян не хватило сил и организованности для свержения царизма.

В жизни многострадальной России наступала еще одна страшная полоса — полоса оголтелой черносотенной реакции.

Вслед за разгоном 3 июня 1907 года II Государственной думы последовали аресты, суды, репрессии. Находившийся долгое время под негласным наблюдением полиции Калинин (по протоколам охранки «Живой») также был арестован. Ищейки надеялись, что им удастся спровоцировать против него дело и надолго упрятать его куда-нибудь подальше. Однако годы борьбы не прошли для Калинина даром. Он в совершенстве овладел законами конспирация. Ничего компрометирующего его найти не удалось. Бессильная что-либо предпринять, охранка вынуждена была отпустить Михаила Ивановича, но глаз с него не спускала. Революционную работу приходилось вести крайне осторожно.

Но осторожность у Калинина никогда не соприкасалась с трусостью. Когда рабочие попросили его возглавить делегацию к заместителю директора завода, он, ни минуты не колеблясь, согласился, хотя и знал, что добром это дело не кончится.

Рабочие давно уже возмущались издевательскими обысками, которые ежедневно устраивались в проходной завода. Людей бесцеремонно ощупывали, толкали, всячески оскорбляли. Дошли до того, что стали пальцами лазить рабочим в рот.

Об этом Калинин, как глава делегации, рассказал заместителю директора полковнику Данилову.

Данилов, одновременно преподававший в ряде юнкерских училищ, привык к солдафонским нравам. Всем своим видом он говорил: «Что? Депутация? Не потерплю!»

Когда Калинин изложил требование — вернуть на завод рабочего, уволенного только за то, что он жаловался на грубый обыск, Данилов не выдержал.

— Вы не имеете права за таких людей просить, — заявил он. — Я навел об этом рабочем справки. Оказывается, он занимается агитацией...

— Сила на вашей стороне, — ответил Калинин. — Вы можете уволить любого из нас. Но лично я и пославшие меня товарищи, все мы считаем это увольнение несправедливым.

Полковник взорвался.

— А, вы пришли учить меня? Нотацию читать?! Не умеете разговаривать с начальством. Вон отсюда!.. А тебе, — он ткнул пальцем в Калинина, — штраф!

Потом полковнику показалось мало штрафа. Распоряжением по заводу от 30 ноября 1907 года он приказал рассчитать Калинина «за неуместный разговор со мною по вопросу, его не касающемуся»...

По рекомендации одного знакомого инженера Калинин поступил было на оптический завод Рейхеля, но и отсюда вскоре был уволен за демонстративный невыход на работу в день 1 Мая.

Калинину никак нельзя было оставаться безработным. Он теперь был человеком семейным. Дома его дожидалась не одна Катя, а и только что родившийся Мальчонка, которого называли Валерьяном.

В этом же году из Верхней Троицы пришло известие о смерти Ивана Калиныча. Умер Иван Калиныч, оставив семью без хозяина. Все нехитрое, но тяжелое крестьянское хозяйство легло на плечи Марии Васильевны. Надо было что-то придумать, чтобы помочь матери. И Михаил Иванович решил переехать в Верхнюю Троицу.

Вместе с семьей Калининых отправилась и жена Ивана Дмитриевича Иванова — Мария Тимофеевна.

Каждый раз, когда Михаил Иванович приезжал в Верхнюю Троицу, сердце его кровью обливалось. Избу давно уже надо было новую ставить. Единственная лошадь того гляди сдохнет. Мария Тимофеевна оставила впоследствии свои воспоминания о жизни в семье Калининых.

«Семья Михаила Ивановича, — писала она, — ютилась в маленькой избушке в одну комнату с перегородкой. В хозяйстве была одна корова и лошадь. А семья — шесть человек: кроме Михаила Ивановича, его жена и сын, старушка мать и две сестры. Единственным работником-мужчиной был Михаил Иванович. Питались скудно: картошка, черный хлеб да постный суп, побеленный молоком».

Не лучше жили и другие крестьяне. Самое страшное, что и просвета не было видно в нужде безысходной. На чудо в деревне никто не надеялся.

Михаил Иванович впрягся в крестьянскую работу. Вставал в три-четыре часа утра — и в поле.

Мария Тимофеевна поглядела, как косит, — в горле комок стал. Худой, изнуренный непосильной работой на заводе, бесконечными арестами и тюрьмами, Калинин не сдавался — шел наравне с другими да еще находил силы шутить.

Вечером в избу набивался народ. Михаил Иванович приглашал всех на улицу. Мужики дружно, как по команде, свертывали самокрутки, отчаянно дымили потрескивающим крупным самосадом. Бабы стояли поодаль — не их дело политика, а послушать интересно. Вон он какой стал, Мишутка-то Калинин! У бар вырос, а против бар идет.

После очередного разговора кто-либо непременно вздохнет да и скажет:

— Скорей бы уж начиналось-то, что ли...

Под словом «начиналось» имелась в виду революция. Лет десять назад в таком случае среди мужиков непременно разгорелся бы спор. Немало нашлось бы таких, что принялись «заступаться» за царя-батюшку, которому, дескать, не все рассказывают о нуждах крестьянских. Стоит, мол, «пожалиться» ему, как все на свои места станет.

После пятого года слов в защиту царя на деревне что-то не стало слышно.

Ближе к ночи Мария Васильевна приглашала чай пить. На столе горделиво шипел большой медный самовар, украшенный вычеканенными медалями. В который раз уж хозяйка рассказывала, как чуть было не лишилась этой семейной реликвии.

Дело было так. Осенью 1906 года деревню навестили незваные гости — царские стражники. Навестили затем, чтобы заставить крестьян платить подати, а буде откажутся от таковых — конфисковать имущество.

Мария Васильевна, прихлебывая из блюдечка, говорила, с трудом сдерживая волнение:

— Вбегают, стало быть, стражники в избу — и к отцу. А он уж, больной вовсе, высох совсем. Лежит, едва головой шевелит. А стражники — к нему. «Ты что, — говорят, — старый черт, бунтовать вздумал?» Я им отвечаю: «Куда как страшно бунтует, на печи лежа». Тут один шубу мою увидал — и хватить ее! Я вцепилась. «Не отдам! — кричу. — В чем ходить-то буду?» Потянул он, потянул, да и плюнул. «Сын-то, — говорит, — я думал, в кого бунтовщик? Оказывается, в мать». Выругался скверными словами да пошел к двери. А самовар у порога стоял. Схватил он его, да и за дверь. Я им вдогонку: «Псы краснорожие! Последнее утешение унесли!» А отец говорит, где силы-то у него брались: «Не горюй, мать, полно тебе, выручим!» И правда, выручил. Встал, посчитал деньги и ушел. Смотрю я в окошко: шатается, а идет. А за окошком будто пожар в деревне. Стражники носятся, вещи тащат. Бабы за ними — вырывают. Скотина ревет. Ребята плачут... Как уж он там, с кем говорил — не знаю. Только вернулся с самоваром. — Мария Васильевна кончала рассказ и тяжело всхлипывала.

Блюдечко дрожало в ее натруженных, грубых руках.

Все лето проработал Михаил Иванович в деревне. Из сил выбивался, но видел, что хозяйство без денег не поправишь. Приходилось подрабатывать. Еще в детстве научился он уголь жечь. Иван Калиныч был большой мастер этого дела. Вот теперь и занялся этим Михаил Иванович вместе с сестрой Прасковьей.

Прасковья Ивановна вспоминала впоследствии, как ездила с Михаилом в Кашин продавать уголь.

«Тридцать километров пути ехали ночью, а грязь была непролазная. Михаил Иванович почти всю дорогу шел пешком. Выручив копейки, возвращались обратно».

Мало что удавалось сделать для дома, а все-таки жизнь понемногу налаживалась.

К НОВОМУ ПОДЪЕМУ

Так получилось, что Михаилу Ивановичу пришлось сменить любимую специальность на другую — тогда довольно редкую. В Москве, куда семья Калининых приехала в 1908 году, он стал работать на Лубянской электростанции помощником монтера.

Лубянка, как и другие московские площади и улицы, не была похожа на привычные петербургские. Древние стены Китай-города роняли на площадь тень седой старины, необычную для молодого града Петрова. Больше других петербургские здания напоминал Лубянский пассаж. Совсем по-современному выглядело здание подстанции, выстроенное между двумя проломными воротами Китай-города в 1904 году, когда по рельсам конки побежали вагоны электрического трамвая.

Калинин снял на Большой Полянке квартиру из двух комнат в мезонине. Все бы хорошо, да с обстановкой неважно дело. Но и тут выход из положения нашелся. Катя по дешевке приобрела несколько ящиков из-под яблок. Вечерами Михаил Иванович мастерил из них нехитрую мебель. Сколотил прежде всего кроватку для Валерьяна, стол и некое подобие шкафа для посуды.

Москва еще не оправилась от баррикад 1905 года. На работу устроиться было трудно: московские промышленники ввели «черные списки». Раз попадешь в них — на работу уж нигде не поступишь. С продуктами плохо.

В Москве у Калининых родилась девочка. Ребята требовали внимания, и Михаил Иванович, по горло занятый работой на подстанции и установлением связей с большевистскими организациями, чувствовал себя виноватым перед женой. Времени на семью почти не оставалось.

Связь с организацией установить удалось, хотя и нелегко было. Москва, по выражению одного товарища, была «нашпикована» до предела. Провалы следовали за провалами.

Осенью 1909 года по заданию ЦК в Москву приезжал Яков Михайлович Свердлов. Ему удалось восстановить потерянные связи, оживить работу Московского комитета партии. Но деятельность его продолжалась недолго. В конце года выслеженный шпиками Свердлов был арестован прямо на заседании Московского комитета.

В этих условиях меньшевики оказались совершенно деморализованными. В панике они отказывались от всякой нелегальной

работы, звали рабочий класс к примирению с буржуазией. По существу, вся их деятельность была направлена к ликвидации партии. Надеясь получить от царских властей право на легальное существование, они готовы были отказаться от программы и тактики партии, от ее славных боевых традиций.

А среди большевиков нашлись такие, кто, не поняв обстановки, напротив, стал призывать к ликвидации всех легальных форм работы. Революционер только тот, говорили они, кто зовет на баррикады. Они предлагали отозвать из Думы социал-демократическую фракцию. «Отзовистами» передовые рабочие прозвали таких неудачливых политиков. Они-то хорошо понимали» что отказ от использования легальных возможностей привел бы к разрыву партии с массами, а следовательно, к ликвидации партии.

Такая обстановка сложилась, разумеется, не только в Москве, но и в Питере и других городах. К моменту приезда Михаила Калинина московская организация большевиков была занята яростной борьбой с ликвидаторами и отзовистами, с эпидемией отступничества и измен идеалам социал-демократии. Калинин остро чувствовал, что разгром революции породил среди некоторой части пролетариата (да и крестьян) усталость и равнодушие. Воспринимал он это болезненно. Поэтому с ожесточением принялся за революционную работу.

Вскоре с Лубянской подстанции Калинина перевели на Миусскую трамвайную подстанцию — тоже помощником дежурного монтера. Техником подстанции в то время работал опытный профессиональный революционер Петр Смидович. Здесь, на станции, вместе с монтерами С. Чуркиным и М. Ивановым Калинин устроил хранилище подпольной литературы.

Будни и праздники были насыщены собраниями, диспутами, печатанием листовок, опасными ночными рейдами по путаным московским улицам — приходилось ночью распространять листовки, переправлять их надежным людям.

На бесконечных диспутах с меньшевиками-ликвидаторами и отзовистами Калинин доказывал, что новый революционный кризис неизбежен, что главное сейчас в том, чтобы воспитать, организовать и сплотить пролетариат, крестьянство, армию, используя и легальные и нелегальные формы борьбы.

Законы того времени давали рабочим некоторую возможность для легального объединения. Пользуясь этими возможностями, они создавали свои клубы, культурно-просветительные общества, курсы, воскресные

школы. Все эти легальные организации большевики стремились использовать для налаживания марксистской учебы, проведения нелегальных собраний и т. п. Вот за создание такой легальной организации взялся и М.И. Калинин.

На одном из небольших домишек в районе Миусской площади вскоре появилась вывеска: «Клуб для небогатых слоев населения». Сюда вечерами приходили рабочие. Убедившись, что все спокойно, выставляли у дверей патруль и начинали очередное собрание.

Внешне все выглядело вполне законно: и название — клуб, и сборы рабочих по вечерам — собираются члены профсоюза рабочих и служащих московских предприятий — организации, разрешенной правительством, читают дозволенную литературу. И все же полиция пристально следила за клубом. Калинина занесли в списки охраны. Он продолжал числиться под кличкой «Живой».

Если бы даже не было ничего известно об этом периоде жизни Калинина, то по одной лишь его кличке можно было судить о его делах. Полиции он казался вездесущим. Там, где едва лишь намечалось волнение рабочих, можно было видеть Калинина. В профсоюзе — Калинин, в клубе — Калинин, после работы дольше всех задерживается на подстанции опять Калинин.

Михаил Иванович уже привык жить настороженно, привык каждое свое действие сопровождать вопросом: «А все ли улики уничтожены?» И полиция, понимая, что без Калинина революционная работа не обходится, усиленно искала предлог для его ареста. И такой предлог нашелся. Официально клуб «Для небогатых слоев населения» зарегистрирован не был. Придравшись к этому обстоятельству, полиция выписала ордер на арест Калинина.

Так на счету Михаила Ивановича прибавилась еще одна тюрьма — Суцевский полицейский дом.

Долго держать Калинина в тюрьме было нельзя — улик не хватало. Поэтому полиция вынуждена была отпустить его, взяв подписку, что он немедленно покинет Москву.

Снова — в который уж раз! — вынужден был Михаил Иванович уехать в Верхнюю Троицу.

Эта ссылка в деревню была для него особенно тягостной. В Питере начинался новый подъем революционного движения, а тут сиди себе в тишине! Несколько раз пытался он в это время устроиться в Петербурге, но вынужден был снова и снова возвращаться в деревню — либо высылали, либо сам скрывался от полиции.

Так Михаил Иванович приехал в Питер в начале 1911 года и устроился было на Орудийный завод, но не успел включиться в работу, как был арестован и без лишних слов выслан в деревню.

Но и здесь полиция не оставляла его в покое. Раз в деревню (это было в 1912 году) явился отряд жандармов во главе с приставом. Начали обыск. Ощупали даже Марию Васильевну. Осерчав, она сбросила с себя пониток, кинула в лицо стражнику:

— Натe, ищите хорошенько...

Искали долго и, конечно, ничего не нашли. Потом начали допрашивать крестьян.

Пристав интересовался, не собирает ли Калинин народ, не ведет ли противоправительственных бесед, не читает ли книг запрещенных. Крестьяне прикидывались непонимающими.

— Не-е, — говорил один, — Михайло живет справедливо, мужик хороший.

— Хороший! — злился пристав. — Ссылный, не по своей воле в деревне живет, а ты говоришь — хороший...

— Грамотный мужик Михайло, ваше благородие, — стоял на своем крестьянин, — умный мужик...

В пот вогнали пристава, а ничего не сказали.

Выждав некоторое время, Калинин опять едет в Питер. Вновь ему удается устроиться на Орудийный.

Об этих своих поездках в Петербург он с большой теплотой будет вспоминать позднее.

«...Приедешь из провинции на Николаевский вокзал, денег, по обыкновению, ни гроша, выходишь на Знаменскую площадь, идет липкий, мокрый снег. Скупой питерский свет скрывает конец проспекта 25 Октября (Невский проспект. — А.Т.). Вдыхаешь полной грудью воздух столицы. Ах, как хорошо! Если есть деньги, на трамвай сядешь, а нет — быстрее трамвая айда на Васильевский, Выборгскую или Нарвскую заставу, к выходу рабочих из заводов. Там встреча с товарищами, выходящими с ра-: бот. Кормят обедом. Устраивают с квартирой. Пускаются в ход все пружины на поступление в завод на работу.

Вечером тесная компания — идет обсуждение заграничных новинок, новые тезисы Ленина, дающие богатый материал в полемике против меньшевиков...»

Ликвидаторы и троцкисты в это время обратились к рабочим с призывом подписать петицию в Думу с просьбой разрешить свободу союзов, собраний, стачек и т. п. Большевики разъясняли вздорность этих

требований. Они говорили о том, что никакие свободы невозможны, пока страной правят черносотенцы, а во главе государства стоит главный помещик — царь. Рабочие не пошли за меньшевиками. Им удалось собрать под петицией лишь 1 300 подписей.

Перед большевиками встала задача — укрепить партию, усилить руководство революционным движением масс.

В период реакции Центральный Комитет партии фактически перестал существовать. Уцелевшие после разгрома большевистские группы находились в глубоком подполье. По указанию Ленина, жившего в то время в Париже, развернула работу Российская организационная комиссия, куда входили Г.К. Орджоникидзе, С. Спандарян, И.И. Шварц. Они вели подготовку к партийной конференции, которая должна была очистить партию от ликвидаторов.

Усилия Российской организационной комиссии давали свои плоды. Вскоре был восстановлен Петербургский комитет партии. Условия и характер работы руководящего партийного органа тогда были, конечно, совсем не похожи на сегодняшние. Достаточно сказать, что во всей петербургской организации в то время насчитывалось не более ста двадцати большевиков. Из них двадцать два — в Выборгском районе. ПК создавался в эти годы так: заводские ячейки посылали своих представителей в районные комитеты, а те, в свою очередь, тайным голосованием избирали свои исполнительные комиссии. Из представителей этих комиссий и создавался Петербургский комитет, также избравший Исполнительную комиссию. Правда, нередко случалось так, что по конспиративным соображениям Петербургский комитет вынужден был, не дожидаясь выборов в районных организациях, привлекать к работе комитета новых членов. Это называлось кооптацией.

При ПК создавались различные комиссии для проведения легальной и нелегальной работы. Была, например, группа подпольщиков-техников, занимающихся созданием и работой нелегальных типографий. Большую работу вела межклубная комиссия, пропагандистская коллегия и др. От Выборгского района в Петербургский комитет, кроме М. И. Калинина, входил еще В. В. Шмидт. От других районов членами ПК были многие давнишние друзья Михаила Ивановича — Правдин, Иванов, Митревич, Ермаков, а также новые знакомые — Подвойский, Бадаев, Дерябина.

Ванюшка Иванов по-прежнему работал на Путиловском. Митревич — в трамвайном парке, Костя Бедняков — на Орудийном. Связь с ЦК и Лениным осуществлялась через Александра Васильевича Шотмана, которого друзья прозвали «Дипломатом», поскольку он без конца разъезжал

за границу и обратно.

Несмотря на самые строгие меры конспирации, провалы были довольно частым явлением. Однако вплоть до начала первой мировой войны Петербургский комитет работал непрерывно.

Собирались чаще всего у Иванова, где разрабатывали планы очередных действий.

Наученный горьким опытом, Калинин особенно предостерегал друзей против бессмысленного бравирования, учил конспирации.

— Мы, генералы революции, должны руководить боевой армией так, чтобы неприятель не знал, где находится главная действующая сила...

Эти «генералы революции» умели не только конспирироваться и громить ликвидаторов. Это были обыкновенные люди, которые любили собраться вечером за бутылкой пива, потолковать о романах Л. Толстого и рассказах А. Чехова. Любили пошутить, посмеяться, отпустить в адрес друга острое словцо. Правдин обычно награждал всех кличками. Калинина, например, прозвал «деревенским кулаком». Как-то Михаил Иванович приехал в Питер и зашел к Митревичу. Остановился на пороге в поддевке и валенках. Правдин глянул на него — и улыбка во весь рот. Приняв позу оратора, заговорил, обращаясь к товарищам:

— Смотрите, братцы, вы имеете перед собой деревенского кулака, с которым нам потом придется воевать.

Калинин, сбросив шапку, в том же тоне ответил:

— Вам, представителям пролетариата, нужно гордиться тем, что вы имеете в своих рядах представителя деревенщины — этого ближайшего своего союзника в будущем, без которого далеко никуда не уйдете...

В начале 1912 года состоявшаяся в Праге VI конференция большевиков заочно выбрала Калинина кандидатом в члены ЦК и ввела в состав Русского бюро ЦК, созданного для руководства практической революционной работой в России. Конференция, проходившая под руководством Ленина, изгнала из партии оппортунистов, меньшевиков-ликвидаторов и покончила с формальным объединением большевиков в одной партии с меньшевиками. По предложению Ленина был решен вопрос об издании ежедневной большевистской газеты.

Петербургский комитет при участии Калинина призвал к всеобщей поддержке и проведению в жизнь постановлений конференции. Со всех концов страны также приходили вести об одобрении принятых в Праге постановлений.

Революционное движение в России разрасталось с каждым днем.

Весна 1912 года принесла большевикам большую радость. 22 апреля

(5 мая) вышел первый номер новой партийной газеты.

Называлась эта газета «Правда».

Калинин как-то повстречал знакомого еще по Путиловскому заводу Николая Полетаева — официального издателя «Правды». Поинтересовался у него, как придумали такое яркое, хорошее название.

Полетаев рассказал. Инспектор типографии, выдававший разрешение на название газеты, уверял, что все названия, предложенные нами, заняты. Просматривая списки разрешенных газет, Полетаев натолкнулся на название «Правда». Под ним выходила некая газетенка религиозно-нравственного содержания. Жаль было оставлять такое название за этим изданием. Но как быть? Выручил инспектор:

— А вы съездите к издателю и поговорите.

Полетаев поехал и за двадцать пять рублей выкупил у «неподкупного» синодского чиновника название, ныне известное всему миру.

Получив первый номер «Правды», Владимир Ильич решил перебраться из Парижа поближе к России в Краков. В Кракове было удобнее работать. Польская полиция враждовала с русской. Все русское для нее было ненавистно: царь, правительство... И, уж конечно, полиция. Можно было надеяться, что ни слезки, ни тайной цензуры за перепиской, как во Франции, не будет.

В Кракове все оказалось так, как и предполагал Владимир Ильич. Даже лучше, чем предполагал.

Сюда как-то проездом из Парижа в Питер явилась Инесса Арманд — старая приятельница Ленина, знакомая еще по французской эмиграции. Два дня Ильич обговаривал с ней адреса, явки, планы. Предусмотрели все столь точно и подробно, что уже через несколько дней после ее отъезда стали поступать письма — подробные, деловые, обнадеживающие.

Из этих писем Ильич узнал о «генералах революции», что собирались за Нарвской заставой и именовали себя ПК — Петербургским комитетом. Потом пришло известие о создании Северного областного бюро. Ильич внимательно следил за ходом партийной работы в Питере и знал о делах и думах Калинина и его друзей, может быть, даже больше, чем они предполагали.

Большое значение Ленин придавал очередным выборам в Государственную думу. Это подтвердил и Шотман, приезжавший на короткое время в Краков.

По новому избирательному закону рабочим разрешалось на своих собраниях выбрать лишь уполномоченных, которые избирали выборщиков.

Выборщики же лишь намечали кандидата от рабочих. Избирали кандидата на губернском избирательном собрании выборщиков, где господствовали помещики и капиталисты.

Задача состояла в том, чтобы на собраниях уполномоченных от рабочих принимались решения, обязывающие каждого выборщика снимать свою кандидатуру в пользу партийного кандидата.

Калинин понимал, что с ликвидаторами найти общий язык по поводу кандидата в депутаты будет трудно. Но все же решил попробовать. Вместе с Правдиным, Ивановым, Митревичем созвали совещание выборщиков. Собрались в лесу, вечером. Спорили до хрипоты. И не пришли ни к какому соглашению. Ну что ж, этого и следовало ожидать! Калинин сказал, обращаясь к товарищам:

— Чтобы мы да не победили ликвидаторов...

Слово «ликвидатор» прозвучало как ругательство.

...Осенью Ильич получил сообщение, что депутатом Думы, от Петербурга избран большевик Алексей Егорович Бадаев. От всех шести крупнейших промышленных районов страны депутатами от рабочих были избраны большевики. Меншевиков оказалось на одного больше, но они представляли лишь четверть миллиона рабочих, в то время как большевики — миллион!

Петербургский комитет поручил Калинин и Правдину шефство над социал-демократической Фракцией Думы. По очереди они и ходили на заседания фракции. От большевиков тут, кроме Бадаева, было еще пятеро.

Калинину нравились эти мужественные, уверенные люди — рабочие депутаты.

Лишь к одному старому знакомому по Союзу металлистов — Роману Малиновскому, избранному от рабочих Москвы, Михаил Иванович не питал доверия, присматривался к нему и убеждался: такой же, как и в шестом году. Разве еще более истеричен стал,

К Петровскому же Калинин проникся особой симпатией. Прямой, честный, нестигаемой воли человек. Григорий Иванович, в свою очередь, с большим уважением относился к Калинин. Он вспоминал впоследствии, что Калинин, казалось, приносил с собой на заседания фракции боевой дух петербургских пролетариев. Дыханием борьбы, волнением питерских заводов веяло от его речей, когда он обосновывал большевистскую точку зрения или разоблачал политику правительства.

Однажды, рассказывал Петровский, Калинин пришел во время обсуждения вопроса о том, как относиться к утверждению сметы святейшего синода.

Кто-то из меньшевиков вяло доказывал, что-де незачем в этот вопрос глубоко вникать, надо воздержаться, все равно ничего не изменишь.

Михаил Иванович долго слушал, сжимая кулаки от гнева.

Но выступил, как всегда, спокойно. Сказал, что обсуждение сметы святейшего синода надо рассматривать как удобный предлог для разоблачения политической системы царского самодержавия. Надо показать, как духовенство глушит сознание пролетариата и крестьянства, как церковники помогают царю держать народ в кабале. Да разве можно при таком вопросе говорить о нейтралитете?

После заседания фракции Калинин сказал Петровскому:

— Рано иль поздно наши дорожки с меньшевиками окончательно разойдутся. Встанет вопрос о создании самостоятельной большевистской фракции. Как ты думаешь?

Петровский мотнул головой в знак согласия.

Встречались они и вечерами. Михаил Иванович рассказывал о товарищах по Орудийному заводу, о забастовке в знак протеста против смертных приговоров, вынесенных царским судом группе севастопольских матросов, о том, как тогда его чуть не арестовали. Околоточный надзиратель явился уже в проходную завода. Да рабочие подслушали его разговор с помощником начальника завода Старком и предупредили Калинина. Михаилу Ивановичу удалось выйти другим ходом. Правда, через десять дней его все же арестовали и предложили уехать на родину.

— Но я, как видишь, здесь, — смеясь, закончил Калинин, — хотя знаю, что в покое меня все равно не оставят.

И правда, полиция вскоре стала действовать решительнее. 17 января 1913 года к проходной Орудийного завода явился сам жандармский офицер с околоточным и четырьмя агентами охраны. От вызванного в проходную Старка потребовали немедленной выдачи Калинина и Беднякова. Беднякова на месте не оказалось, а Калинина в сопровождении многочисленного эскорта отправили в тюрьму,

Екатерина Ивановна, лишь недавно приехавшая из деревни, побежала в охранное отделение. Дежурный жандарм наорал на нее, а потом сообщил все же, что Калинин вернется дня через три, но жительство в Петербурге ему будет запрещено. Екатерина Ивановна вздохнула свободнее: «Запрещено так запрещено... К этому не привыкать», И пошла собирать чемоданы.

НА ЗАВОДЕ «АЙВАЗ»

Одним из признаков надвигавшейся войны был промышленный подъем. Промышленность, особенно военная, развивалась бурными темпами. В Петербурге еще недавно Я.М. Айваз владел небольшим заводиком, изготовлявшим машины для табачных фабрик, а в 1913 году акционерному обществу «Айваз» принадлежали, кроме этого, тоже разросшегося завода, еще завод с поэтическим названием «Светлана», изготовлявший электролампочки, и «Новый Айваз», вновь построенный завод для выполнения военных заказов.

На этот завод в феврале 1913 года и поступил Михаил Иванович Калинин.

Порядки в России были поистине удивительными. Жить в Петербурге Калинину запретили, а работать — пожалуйста. Черта запрета для проживания проходила в нескольких километрах от границы Петербургского уезда. Михаил Иванович поселился «за чертой» — в Озерках, а работать ходил «в черту», на «Новый Айваз», преодолевая каждый день около четырех километров в один конец.

Конечно, не один Калинин был таким хитрым. В Озерках существовала целая большевистская колония, члены которой работали на «Айвазе», на Орудийном, на Путиловском.

Жил здесь и Иван Дмитриевич Иванов с женой Марией Тимофеевной.

Несколько месяцев, пока преследования полиции не загнали его вновь в Верхнюю Троицу, Калинин посвятил организации работы с «Правдой». За короткий срок «Айваз» установил своего рода рекорд среди других заводов Питера: каждый четвертый рабочий «Айваза» подписался на большевистскую газету.

Калинин хорошо понимал, что «Правда» дает партийным организациям огромные возможности для усиления борьбы против царизма. Проведение подписки на газету, сбор средств на ее издание, доставка газеты на завод и раздача ее подписчикам — все это вовлекало значительное количество рабочих в революционную борьбу. Своим друзьям Михаил Иванович любил напоминать слова Ленина, что газета не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но и коллективный организатор.

Работа с газетой была делом не столь легким, как это может показаться на первый взгляд. Взять, например, доставку газеты.

«Это очень трудная работа, — писал позднее Калинин. — Как правило, с часу ночи надо было быть в типографии и прямо с машины нести газету на завод. Цензура часто конфисковала номера газеты, и наши товарищи, должны были захватывать первые оттиски. Это делалось так: первый отпечатанный лист шел в цензуру, машина же продолжала печатать, не дожидаясь разрешения, а пришедшие за газетой люди забирали и уносили ее к себе. Когда приходил приказ о конфискации номера, часть тиража газеты уже была на квартирах у разносчиков. Утром, бывало, читаешь сообщение о конфискации номера и одновременно видишь его в руках рабочих. И для наших товарищей было делом чести доставить на завод именно конфискованный номер.

Распределение газеты среди подписчиков завода производилось другой группой членов партии. Принесенные кипы газет распределялись по цехам, а там, в свою очередь, уже среди подписчиков. Разумеется, все это делалось полулегально и для постороннего человека незаметно. В каждом цехе был уполномоченный по подписке на газету. Его задача заключалась в том, чтобы как можно больше рабочих охватить подпиской, собирать подписные деньги и все это сдавать особому уполномоченному, который от имени всей партийной организации завода имел дело с редакцией газеты.

Сейчас на память трудно воспроизвести полную картину организации доставки и распространения «Правды» на заводе. Одно можно сказать: она потребовала от заводской партийной ячейки значительных усилий и втянула в работу много не только партийных, но и беспартийных рабочих, особенно молодежь».

Молодежь охотно бралась выполнять поручения Калинина и особенно связанные с распространением «Правды». Молодых рабочих привлекало дело, требовавшее риска. Они горячо тянулись к Калинину, считали честью для себя получить от него задание.

Калинин их называл «генерального штаба полковниками», а те его в шутку — «ваше превосходительство». «Полковники» были незаменимым народом. Распространить ли газету, организовать ли сбор денег, поднять людей на демонстрацию — за все они брались с жаром.

Меньшевики презрительно шурились на подростков, а их действия именовали «вспышкопускательством». Михаил Иванович только посмеивался.

Привлекал Калинин не только молодежь, но и пожилых рабочих. Эти были осторожнее. Постоянных поручений избегали.

В обеденный перерыв рабочие постоянно собирались возле станка Калинина. Читали статьи из «Правды», обсуждали их. Обсуждение нередко

переходило в горячую острую полемику с меньшевиками, эсерами, троцкистами. Перерыва не хватало, приходилось прихватывать рабочее время. Мастера все видели, ворчали:

— Все митингуешь, Калинин? Когда работать будешь?

Но решительных мер не принимали. Знали: иностранец Айваз ценит квалифицированных рабочих. Для него главное — прибыли, а политические убеждения — чепуха! Какое ему дело, большевик ли Калинин, за войну ли он или против? Лишь бы работал хорошо.

В эти дни на Михаила Ивановича нежданно-негаданно свалилась тяжелая болезнь. Сначала он крепился, потом пришлось обратиться к врачу. Болезнь оказалась заразной — рожистое воспаление лица. Калинина уложили в постель.

Друзья навещали его, и особенно часто бывали Иван Дмитриевич и Мария Тимофеевна.

Калинин лежал в постели с красным, распухшим лицом — глаз не видно, сильно страдал от боли. Иногда, обращаясь к Ивановой, он вдруг спрашивал:

— Ну, какое там у тебя дело?

— Да нет, что ты, Миша, лежи, никаких дел нет. — Врешь, вижу, посоветоваться пришла. Приходилось соглашаться: Калинина все равно не обманешь.

Мария Тимофеевна выкладывала свои горести. Намечаются перевыборы правления Сампсониевского общества (было такое легальное культурно-просветительное общество в Питере). Так вот, как быть с меньшевиками? Допускать ли их туда — тоже ведь социал-демократы?

Калинин сердился:

— «Социал-демократы»!.. Ликвидаторы они, а не социал-демократы! Бейте их, никого не пускайте. Так и скажи: Калинин «против». Ни одного ликвидатора в правление...

— Как бить-то, Миша? Чем?

— Ха! — кривая гримаса искажала лицо. — Ха! Фактами бейте, фактами! У нас же факты — факты их прямой измены рабочему классу. А у них что? Демагогия!

Калинин волновался. Лицо краснело еще больше. Иван Дмитриевич дергал жену за рукав, начинал спешно прощаться.

Через день-другой все повторялось сначала.

Доверие, которое Калинину оказывала партия, обязывало его утратить энергию, успевать на всех участках партийной работы. И все-таки он ни за что не справился бы с такой огромной нагрузкой, если бы не умел

привлекать массы.

Уходя на заседание ПК, он знал, что на «Айвазе» дела без него идут нормально: «Правда» будет доставлена в срок, правление больничной кассы вопросы решит правильно, очередная прокламация будет отпечатана.

Всю работу приходилось вести в обстановке неусыпной жандармской слежки. Аресты, провалы, репрессии следовали непрерывно один за другим.

Осенью 1912 года после разнузданного набега полиции был закрыт Союз металлистов — любимое детище Калинина. Не успел Яков Михайлович Свердлов вернуться из ссылки и возглавить «Правду», как его вновь арестовали.

Конфискации, штрафы, запреты обрушивались на «Правду». Дело усугублялась тем, что и в партии и в «Правде» работали подосланные охранкой провокаторы. Маскировались они тонко, и разоблачить их, а порой даже заподозрить было трудно.

В «Правде» работал ночным выпускающим некий Черномазов. Он сознательно вел газету так, чтобы вызывать репрессии правительства. Помещал статьи, которые не могли не вызвать конфискации номера. Его «старания» привели к тому, что «Правда» оказалась на грани финансового краха. Калинин не доверял Черномазову. Наблюдая за его работой, он заметил как-то Конкордии Николаевне Самойловой, работавшей ответственным секретарем газеты:

— Этому верить нельзя.

«Правда» держалась благодаря жертвованиям рабочих. Ежедневно в редакцию поступало от двухсот до трехсот рублей от рабочих Питера и других городов. В это дело большие усилия вкладывал Калинин,

Особенно много внимания он вынужден был уделять газете после ареста Свердлова. Вместе с Бадаевым, которому большевистская фракция Думы поручила издание газеты, Михаил Иванович старался не допустить ее провала, придумывал множество приемов и уловок, чтобы очередной номер дошел до рабочих.

Однажды вечером, направляясь в типографию «Правды», располагавшуюся на Ивановской улице, Калинин с удивлением обнаружил и на углах улицы и возле ворот фигуры людей, чью профессию он давно уже научился отгадывать. Шпики! Еще больше заволновался он, увидев во дворе дома, где помещалась типография, наряд конной полиции.

Выяснилось, что полиция раскусила хитрость рабочих, умудрявшихся выносить конфискованные номера, и решила больше не допускать этого. Возле печатных машин стояли чиновники из комитета печати, положившие

тут же на месте арест на газету.

Пока Бадаев, как член Думы, вел «дипломатические переговоры» с чиновниками, Калинин собрал типографских рабочих.

— Чего смотрите, ребята! Тащите пачки, прячьте куда попало, там разберемся.

Рабочие не заставили себя долго упрашивать...

Когда чиновники увезли «весь», как они думали, тираж, рабочие со смехом стали вытаскивать пачки отпечатанных газет с чердака, из-под лестницы, даже из пустой бочки, что стояла возле пожарного стенда.

Большинство подписчиков и на сей раз получило свою газету.

В июле 1913 года «Правда» была закрыта, но через несколько дней вышла снова под названием «Рабочая правда».

В эти дни Калинин заметил вдруг, что за ним следят. От проходной «Айваза» до дому, от дома до «Правды» следят. Несколько дней, до самого воскресенья, Михаил Иванович никуда не ходил, кроме как на завод. А в воскресенье весь день просидел дома. Утром в понедельник, выйдя на улицу, снова заметил шпика, нарочито равнодушно покуривавшего возле рекламной тумбы. Стало ясно? Милиция ищет предлога для ареста.

И Калинин исчез. Исчез, конечно, для полиции, которая, поймав его неделю-другую, успокоилась. Калинин же в это время был в своей спасительной Верхней Троице.

Вернулся он обратно только в ноябре.

Несколько раньше большевики — депутаты IV Думы уехали в Польшу, в Поронино, куда Ленин пригласил их на совещание Центрального Комитета совместно с партийными работниками. От Петербурга на совещание поехал также и Шотман.

Участники совещания докладывали Центральному Комитету о положении на местах. Шотман и Бадаев рассказали о том, как обстоит дело в Питере. В заключение выступил Владимир Ильич. Он отметил, что партийная работа приобрела огромный размах: в России находилось одиннадцать доверенных лиц Центрального Комитета, из которых шестеро депутатов Думы пользовались правом неприкосновенности. Несмотря на неоднократные провалы, непрерывно работало Русское бюро ЦК.

Ленин говорил о том, что, если рабочие хотят создать организацию, пусть знают, что, кроме них, никто ее «е создаст. Пусть рабочие выдвинут из своей среды доверенных лиц, которые вели бы городскую и областную работу. Из них должны вербоваться делегаты на центральные партийные должности.

Вернувшись из Поронина, Шотман сразу же отправился к Калинин.

— Поздравляю тебя, Михаил! Ты — член Центрального Комитета партии.

Калинин забросал Шотмана вопросами. Когда Александр Васильевич пояснил, что его кандидатуру в ЦК предложил Ленин, Михаил Иванович не на шутку разволновался, но виду не показал. Спросил только:

— Ну, а литературу привез?

Они долго еще разговаривали в этот день. Шотман рассказал, что на совещании особенно много говорилось о сочетании нелегальной и легальной работы, о необходимости шире развивать революционную активность масс. Особо Ленин подчеркнул значение массовых стачек и демонстраций. Шотман показал принятое на совещании обращение ЦК к партийным организациям. Калинин прочитал вслух простой и ясный призыв:

— «Самое трудное время позади, товарищи! Наступают новые времена. Надвигаются величайшей важности события, которые решают судьбу нашей родины.

За работу же!»

...Все важные партийные дела обсуждались обычно в узком кругу: Шотман, Петровский, Правдин, Малиновский... Никто, кроме них, не знал, что Калинин и Правдин кооптированы в Центральный Комитет.

Как снег на голову обрушился арест Правдина. В тревожном волнении потекли дни, недели. «За что, чем он разоблачил себя?..»

Правдина скоро освободили, и он рассказал друзьям, что полиции известна его принадлежность к ЦК, хотя доказательств у нее никаких нет. Только благодаря этому удалось выкрутиться. Но откуда у полиции такие точные сведения? Уж не появился ли среди них провокатор?

Атмосферу разрядил Петровский.

— Провокатор либо я, либо Малиновский — больше некому.

И такой абсурдной показалась эта мысль, что все рассмеялись и разошлись с легким сердцем.

Григорий Иванович и не подозревал, насколько его шутка была близка к истине. Трудно было представить, что Роман Малиновский — старый агент охраны, опытный и коварный провокатор.

В августе 1914 года Россия вступила в войну — эту первую огромную мировую мясорубку, войну бессмысленную, не нужную никому, кроме кучки империалистов.

Война началась для России слезами и воплями женщин, посуровевшими лицами мужчин, истерическими застольными тостами

либералов, лицемерными словами царского манифеста: «В грозный час испытания да будут забыты все внутренние распри... и да отразит Россия дерзкий натиск врага».

Газеты пестрели ура-патриотическими лозунгами, призывавшими к защите отечества. В угаре «патриотизма» вожди II Интернационала забыли о своих интернационалистских клятвах и подвывали буржуазным подголоскам, требовавшим войны до победного конца во что бы то ни стало.

В день объявления мобилизации айвазовцы стихийно собрались на митинг. Над гудящей толпой вскинулась худощавая фигура Калинина:

— Товарищи!

...Каждое его слово западало в душу. Каждый думал о том же, что говорил оратор, только не мог все это так складно выразить.

Действительно, кому нужна эта бойня? Народу? Нет! Значит, правительствам? Конечно! Тогда долой эти правительства, несущие народам смерть и страдания! Трудящимся, где бы они ни жили — в Германии, Австрии, Франции или России, — нечего делить. Они хотят хлеба и свободы. Они хотят мира. Не лучше ли поэтому повернуть штыки в сторону своих правительств и самим начать строить дружную семью пролетариев всех стран? Конечно, лучше! Тогда — долой войну!

Сотни мускулистых рук вскинулись кверху,

— Долой войну!

— Долой!..

Кто-то дребезжащим голосом запел!

*Отречемся от старого мира,
Отряхнем его прах с наших ног...
И все подхватили:
Нам не надо золотого кумира,
Ненавистен нам царский чертог...*

Никто не подавал команды строиться. Просто вышел вперед Калинин и направился к воротам. За ним потянулась колонна айвазовцев. Откуда-то появился фанерный плакат с лозунгом: «Долой войну!»

По Сампсониевокому проспекту айвазовцы двинулись к центру города. Навстречу вышли рабочие брезентовой фабрики. Обе колонны соединились. Могучая двухтысячная лавина! А с соседних улиц уже вливались новые потоки демонстрантов! с заводов «Новый Лесснер»,

Нобеля, фабрики Эриксона...

Выборгская сторона вышла на улицы, чтобы показать самодержцу и его прихвостням, что она остается верной своим классовым интересам, что ее не обмануть пышными фразами царского манифеста.

Калинин еще издали увидел возле «Нового Лесснера» наряд полиции. Но не отступать же! В громких возгласах негодования потонула команда жандармского офицера. Раздался нестройный залп...

Гневом взорвались тысячи глоток. Пушечными ядрами полетели в полицию бульжники, вывороченные тут же из мостовой.

Залп... Еще залп! Подхватив раненых, расходились в разные стороны рабочие. Расходились, чтобы собраться снова. И вот уже весь Сампсониевский проспект запружен народом. Почти пятнадцать тысяч человек!

Отряды конной полиции с шашками наголо безнадежно вязли в этом людском море.

...До позднего вечера бурлил и волновался рабочий Питер. Несколько десятков убитых и не одна сотня раненых — таков был итог этого кровавого дня.

На следующее утро, как обычно, Калинин явился на завод. Вечером собрал кружковцев — рабочих-большевиков, с которыми каждую неделю проводил занятия. Пришел кое-кто из меньшевиков.

И сразу начались споры. «Вот ваше большевистское вспышкوپускательство до чего доводит! Вместо того чтоб забыть о распрях и встать на защиту родины, вы все демонстрируете!»

Калинин отвечал:

— Что вам на это сказать? У вас осталась только способность носить шлейф буржуазии. Посмотрите на германскую социал-демократию, во что она превратилась! Вы в ней увидите себя...

Чем больше горячились меньшевики, тем спокойнее становился Калинин. Он не знал еще решения ЦК по поводу войны, не слышал о решениях, принятых под руководством Ленина в далеком швейцарском Циммервальде, но революционным инстинктом чувствовал: именно так надо поступать.

На тему войны Калинин толковал и в другом своем кружке. Пятнадцать боевых, энергичных девчат — активных деятельниц профсоюза металлистов входили в этот кружок.

Вообще женщин на «Айвазе» было немало, и Михаил Иванович понимал, что от их активности во многом зависит судьба революционного дела. По его заданиям девчата занимались обследованием условий жизни

рабочих, с тем чтобы наиболее нуждающимся оказать материальную помощь, помогали организовать систему страхования, провести выборы правления больничных касс. Женщины проводили сборы денег в фонд «Правды», возлекали все новых и новых подруг в профсоюз.

Авторитет Союза металлистов в глазах женщин значительно вырос после такого случая. Одна работница долгое время болела, а когда снова пришла на завод, мастер отказался ее принять. Женщины пришли к Михаилу Ивановичу посоветоваться, что делать. Калинин сказал:

— Передайте мастеру, что, если эта женщина не будет оставлена на работе, весь завод остановим.

Работницу, разумеется, оставили на работе. Мастер знал, что угроза Калинина не пустой звук...

Многие женщины в то время хотели вступить в профсоюз, но некоторых удерживала необходимость платить взносы. Зарплата женщин тогда была значительно меньше, чем зарплата мужчин, а взносы взимались одинаковые. Михаил Иванович поставил этот вопрос на заседании правления Союза металлистов и добился того, что для женщин членский взнос уменьшили наполовину.

В связи с войной в стране вновь усилились репрессии. Приходилось глубже забираться в подполье. О том, насколько это удалось, можно судить хотя бы по тому, что оба политических кружка «продержались» до середины 1916 года, не замеченные полицией.

Между тем аресты и разгромы большевистских организаций следовали непрерывно. За время войны в здание Петербургского комитета свыше тридцати раз врывались жандармы. И каждый раз Калинину удавалось уходить из-под носа у стражников.

Четвертого ноября полиция вломилась в квартиру Гавриловой, жившей в небольшом домишке по Выборгскому шоссе. Как удалось этим ищейкам узнать, что здесь уже третий день заседает конференция РСДРП вместе с членами большевистской фракции Государственной думы? Жандармы ворвались в тот момент, когда шло обсуждение тезисов В.И. Ленина о войне.

Обыскали всех, в том числе и депутатов-большевиков. Арестовать их на этот раз пока не решились. Арест последовал на другой день.

Через несколько дней Петербургский комитет с участием М.И. Калинина разработал и выпустил листовку, призывающую рабочих к однодневной забастовке и митингам протеста против незаконных действий властей. 11 ноября на всех заводах Питера рабочие повторяли лозунги, которыми заканчивалась листовка: «Долой царское правительство!

Да здравствует демократическая рабочая партия! Да здравствует социализм!»

Двенадцатого ноября забастовали «Айваз», «Новый Лесснер» и другие заводы Выборгской стороны. Вслед за ними остановились все заводы Питера. По городу прокатилась волна студенческих митингов, высказавших свою солидарность с рабочими.

Несмотря на протесты, царские власти предали суду депутатов-большевиков. Руководить революционной работой легально стало трудно. Напуганные взрывами народного негодования, власти закрыли даже такую легальную организацию, как «Общество самообразования».

В марте 1915 года на довыборах уполномоченных в больничную кассу на «Айвазе» разгорелась ожесточенная борьба с меньшевиками. Исход борьбы решало голосование, За чей список проголосуют рабочие, за кем пойдут? Голосование открытое, без шаров и бюллетеней. Просто, кто за большевиков, отходи вправо, за меньшевиков — влево. За большевистский список, где среди тридцати кандидатов был и Калинин (или по партийной кличке «Никанор Петров»), проголосовало подавляющее большинство.

Условия нелегальности осложнили работу. Порой казалось, нет ни часа, чтоб сесть и подумать над уставом больничной кассы или над версткой журнала «Вопросы страхования».

И все-таки дышать теперь было легче, чем в то время, когда Калинин начинал революционную работу на Путиловском. Тогда многое приходилось брать на себя, не было еще этого великолепного чувства единения с партией. Теперь же он знал, что дело в надежных руках, что движение прочно стало на ноги и не заглохнет, не остановится с его арестом.

В эти годы не нужно было изощряться, как прежде, чтобы проникнуть на то или иное предприятие. На каждом заводе имелись друзья, которых всегда можно было собрать, договориться с ними о совместном выступлении, о единых требованиях. Молодые, неопытные в недалеком прошлом революционеры ныне стали умелыми организаторами.

Михаил Иванович знал: Выборгская сторона — железный бастион грядущей революции. В других районах Питера в это время работали Валериан Владимирович Куйбышев, Андрей Андреевич Андреев, сестры Ленина Анна Ильинична и Мария Ильинична — все опытные, закаленные революционеры ленинской школы.

1 Мая 1915 года айвазовские большевики решили отпраздновать в Лееашавском лесу. Ни один человек в этот день не стал к станку. Мастера и администрация бесновались, но ничего поделать не могли. Калинина

можно было видеть во всех цехах.

Полиция пыталась схватить рабочих вожаков. Когда айвазовцы стали уходить с завода, чтобы вновь собраться в лесу, обнаружилось, что ворота заперты, а выпускают всех через проходную. В проходной можно было арестовать поодиночке всех вожаков, а в воротах поди разгляди, кого хватать! Могучей лавиной рабочие накатились на ворота. Охранники еле успели посторониться...

На маевке в Левашовском лесу выступил Калинин. Он говорил о войне, о свободе, о грядущей революции.

Михаил Иванович понимал, что его открытые выступления против идей классового мира с буржуазией, против «рабочих групп» в создаваемых буржуазией для «подтверждения» верности этих идей Военно-промышленных комитетах не останутся незамеченными. Но молчать было бы неверно, недостойно большевика.

Маевка сошла благополучно. Правда, в охранке появился такой документ:

«Калинин, Михаил Иванов, по агентурным сведениям, — социал-демократ (большевик), ленинец. Видный и деятельный партийный работник, член Выборгского районного комитета... В прежние годы состоял членом Петроградского комитета, был на съездах социал-демократов, имеет большой опыт организационной работы, ведет широкое знакомство с интеллигенцией, пользуется большой популярностью среди рабочих, много раз выступал на митингах, призывал к забастовке, хороший оратор и пропагандист. В 1915 году имел партийный псевдоним «Никанор Петров». Вел агитацию за забастовку 1 мая среди рабочих завода «Айваз»...»

Вот какие точные сведения поступили в охранку! Не обошлось, разумеется, и тут без провокатора.

В начале января 1916 года Калинин выступил на митинге с речью, посвященной годовщине «Кровавого воскресенья».

И тогда полиция, наконец, решила, что настала пора покончить с беспокойным агитатором. 8 января в последний раз в своей жизни Михаил Иванович услышал фразу: «Вы арестованы!»

Ухмыльнулся: «Не надо было сегодня ночевать дома... Сам виноват». А вслух сказал:

— Ну вот, теперь и отдохну и почитаю... Вечером этого же дня его вызвали на допрос. Жандарм, просматривавший «дело», удивленно вскинул брови:

— Неужели четырнадцатый раз привлекаетесь? Калинин

неопределенно повел плечами. Подумал:

«Кто его знает, — может, и четырнадцатый». Перебрал в памяти тюрьмы и ссылки. «Да... похоже, что четырнадцать».

В тюрьме потом долго вспоминал удивленное лицо жандармского офицера. Если бы он знал, сколько, помимо того, было арестов, допросов, обысков!.. И вот теперь, когда страна бурлит и, как локомотив, на всех парах несется к революции, изволь сидеть под следствием!

Недели и месяцы тянулись медленно. Утомительные, однообразные допросы, надоевшие лица тюремщиков... Калинин все ждал, когда же будет суд. Суда не было. Долгий год мучительного ожидания, двенадцать месяцев! От нечего делать занимался подсчетами, считал не только дни, но и часы и минуты.

Догадывался, в чем дело: улик не хватает для суда, вот и держат — авось что-нибудь удастся раскопать. На одном заявлении провокатора ведь далеко не уедешь.

Каждую неделю он получал передачи — от Кати и от товарищей по заводу. Катя писала, что первое время трудно было, да товарищи помогли — организовали сбор средств на заводе. Сейчас хорошо — поступила на «Айваз». Михаил Иванович недоволен морщился. Не любил принимать помощь. Но радостно было, что друзья не забывают.

Утешение он, как всегда, находил в книгах, Читал, читал все, что удавалось достать, что разрешало тюремное начальство.

В начале 1917 года, убедившись, что улик против Калинина все равно не добыть, власти решили в административном порядке выслать его в Восточную Сибирь.

Через несколько дней после приговора Калинин появился в Петербургском комитете, рассказал о приговоре, о том, что добился разрешения выехать за свой счет. Комитет единодушно постановил: в ссылку не ехать, перейти на нелегальное положение.

...Неподалеку от Финляндского вокзала стояла небольшая кооперативная мастерская, именовавшаяся инструментальной. В эту мастерскую и поступил Калинин, взявший себе девичью фамилию Кати — Лорберг. Вечерами его часто можно было видеть в небольшом ресторанчике «Пальмира». Внимательный наблюдатель мог заметить, что за столиком этого странного посетителя, сидевшего за неизменной бутылкой пива, за вечер менялось множество соседей. И со всеми из них он о чем-то беседовал, будто со знакомыми.

Сюда, в «Пальмиру», сходились ниточки с заводов Выборгской стороны. Отсюда уходили агитаторы на фабрики и заводы, в Волынский

полк и другие армейские части. Здесь, за столиком с сероватой скатертью, решались важнейшие вопросы революции.

ДОЛОЙ ЦАРЯ!

В грохоте сражений изголодавшаяся, задолжавшая «союзникам» почти восемь миллиардов рублей Россия вступила в 1917 год.

Недовольство политикой царизма охватило все слои русского общества. Еще в 1916 году Дума начала вынашивать планы создания ответственного министерства, то есть министерства, отвечающего лишь перед Думой. Но Николай II не пошел навстречу своим верноподданным.

Главари финансово-промышленной буржуазии — Гучков, Львов, генералы Крымов, Брусилов и другие — разработали план захвата Николая II в поезде во время одной из его поездок на фронт. Они хотели заставить его отречься от престола в пользу сына Алексея. Путем смены царя буржуазные политиканы надеялись предотвратить революцию.

Царь между тем вынашивал планы роспуска Государственной думы и заключения сепаратного мира с Германией. По его мнению, именно это помогло бы борьбе с революцией. Однако планы царя противоречили интересам буржуазии, лишавшейся в таком случае прибылей. И уж, разумеется, против таких намерений царя была Антанта. В английском посольстве открыто в присутствии посла Джорджа Бьюкенена собирались заговорщики для обсуждения плана дворцового переворота.

Пока царь с одной стороны, а буржуазия — с другой строили разные планы, партия большевиков, трудящиеся действовали по-своему.

Забастовки, крестьянские волнения охватили всю страну. Целые полки на фронте отказывались выполнять приказы командования. Восстания вспыхнули на порабощенных царизмом национальных окраинах России.

Напряжение нарастало с каждым днем,

Двадцать третьего февраля по призыву Петербургского комитета большевиков рабочие вышли на улицы. Суровой мощной колонной двигались к центру Питера путиловцы, орудейщики, айвазовцы... Калинин узнавал знакомых, видел взволнованные лица, слышал звенящие голоса. Он чувствовал приближение мощной освежающей грозы.

На другой день в Петрограде забастовало двести тысяч человек. Митинги и демонстрации шли беспрерывно. Калинин, как и другие большевики, призывал ко всеобщей стачке, к восстанию.

Двадцать пятого февраля стачка началась. Власти начали принимать свои меры — замаршировали отряды полицейских, засвистели пули. Слепли закрытые ставнями окна обывателей.

Из ставки поступил приказ уже почти безвластного императора: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки...» Во исполнение приказа полиция обрушилась на рабочие кварталы. Тюремные застенки наполнились арестованными, среди которых были и члены Петербургского комитета.

Еще один день — и огонь восстания охватил Питер. Теперь исход событий зависел от того, на чью сторону станут солдаты.

Двадцать седьмого февраля рабочие взяли Арсенал. С вооруженными отрядами восставших Михаил Иванович шел захватывать Финляндский вокзал. Страшновато и весело было на душе: все же первая настоящая боевая стычка. Думалось: «Вот бы сейчас солдат сюда!» И вдруг — слева drobный стук подкованных сапог.

— Вольтеры!

— Вольтерский полк!

— Наши! Ура!..

Смешались серые шинели и рабочие блузы. Вместе кинулись к вокзалу. Охрана и пикнуть не успела, как была разоружена. После первых взрывов восторга настало замешательство.

— Что дальше?

Действительно, что же дальше? Надо сейчас же, не медля ни минуты, пока народ жаждет действия, повести его на борьбу. Но куда идти, с кем бороться?

— Где вожаки? Ведите нас!

Калинин вскочил на платформу, крикнул:

— Если хотите иметь вождей, то вон рядом «Кресты». Вождей надо сначала освободить!..

— Верно! Освободим политических! Появились организаторы, возникли отряды. Посыпались предложения:

— Освободим сначала из военной тюрьмы.

— Почему из военной? На обе тюрьмы народу хватит.

Сердце переполняла радость: да это же революция, наша, рабочая революция! Это же тот союз рабочих и крестьян в серых шинелях, о котором мечтал Ленин!..

К вечеру стало ясно, что вооруженное восстание победило.

Улицы города запестрели большевистскими листовками, обращенными к рабочим:

«Приступайте немедленно на заводах к выборам в заводские стачечные комитеты. Их представители составят Совет рабочих депутатов, который возьмет на себя организующую роль в движении, который создаст Временное революционное правительство».

Через час-другой после большевистского призыва к Таврическому дворцу начали сходитьсь делегаты, избранные на заводах, фабриках, в воинских частях.

Калинин думал: «Если бы все это видел Ильич!»

А Ильич всей душой рвался в Россию из Швейцарии. В письме к Коллонтай сообщал: «Мы боимся, что выехать из проклятой Швейцарии не скоро удастся».

Между тем депутаты Думы, собравшись, решили не разъезжаться, а образовать Временный комитет Думы. В это же время в Таврическом дворце состоялось первое заседание Совета рабочих депутатов, где был избран Временный Исполнительный Комитет»

В часы, полные глубокого значения для России, поезд последнего русского самодержца беспомощно мотался между ставкой и Царским Селом. Еще совсем недавно могущественный император ныне не имел поддержки ни в ставке, ни в своей бывшей вотчине — Петрограде, занятом восставшими.

Решившись на последний шаг, Николай II направился в Псков, надеясь встретить там верноподданные войска. Но и в Пскове командующий Северным фронтом генерал Рузский также высказался за отречение.

Второго марта представители Временного комитета Думы Гучков и Шульгин прибыли в Псков, чтобы уговорить Николая II отказаться от власти в пользу Алексея.

В царском салон-вагоне, куда они вошли по приглашению адъютанта, стояли во всем параде министр двора Фредерике и генерал Данилов. В форме одного из кавказских полков вошел Николай — с лицом бледным и невыразительным.

Сели. Николай время от времени ощупывал боковой карман, где лежал заготовленный акт об отречении. Депутаты выступили с речами. Николай молча выслушал и заявил, что отрекается от престола не только за себя, но и за сына Алексея и передает «царственное наследство» брату Михаилу,

Около четверти двенадцатого ночи царь протянул депутатам небольшого формата листочки, произнес глухим голосом:

— Вот акт отречения, прочтите...

На другой день Исполнительный комитет Петроградского Совета принял решение арестовать династию Романовых, предложить созданному накануне

Временному правительству произвести арест совместно с Советом рабочих депутатов.

Однако лишь 7 марта Временное правительств под давлением народа вынуждено было дать распоряжение об аресте «отреченного императора Николая II и его супруги».

После 28 февраля функции городского комитета, большинство членов которого было арестовано, взял на себя Выборгский райком. Калинин понимал, что это, конечно, временная мера. И верно. 2 марта, в день, когда был объявлен состав Временного правительства, в помещении Петроградской биржи труда состоялось собрание членов РСДРП (б). Обсуждали вопрос о восстановлении городского комитета партии. Собрание создало временный ПК. В него вошли М.И. Калинин, В.В. Шмидт, Н.Н. Подвойский, П.И. Стучка и другие. В этот же день в Таврическом дворце Петербургский комитет собрался на свое первое легальное заседание.

Питер в эти дни бурлил. Вечно молчавшие, вынужденные сдерживать свои чувства люди торопились высказать все, что наболело на душе. На площадях там и сям возникали трибуны. Один за другим на них поднимались ораторы. Звучали речи о светлом будущем, о вечном мире между народами, о том, что проклятое старое никогда не вернется.

Но рабочих интересовал и практически деловой вопрос: что делать дальше — продолжать бастовать или заступать на работу? Это был важный принципиальный вопрос. От правильного ответа на него во многом зависела судьба революции.

На заседании Петербургского комитета партии многие высказались против возобновления работы, Они утверждали, что революция еще не закончена, кое-кто может еще попытаться восстановить монархию. Если-де в этих условиях прервать забастовку, то рабочие остынут, потеряют вкус к борьбе. Кроме того, силы рабочих расплывутся по заводам — поди собери!

Калинин слушал выступающих и думал: «Как это в пылу революционной борьбы люди могут забыть о тех трудностях, которые переживают рабочие? Ведь каждый день забастовки жестоко бил по карману трудового человека, обрекал его семью на лишний день голода. Нет, надо возобновить работу, и немедленно. Но работать, конечно, по-новому: восемь часов — и ни секунды больше!»

Об этом он и сказал сидящим в зале членам комитета.

— А то, что силы рабочих на заводах расплывены, — говорил Калинин, — это ошибочный взгляд. Наоборот, самыми удачными забастовками были те, что начинались именно с завода.

Решили: к работе приступить, восьмичасовой рабочий день

осуществить явочным порядком.

На этом заседании Калинин был избран представителем Петербургского комитета с правом решающего голоса в Бюро ЦК РСДРП (б). Вскоре ЦК партии включил Калинина в состав редакции «Правды».

Несмотря на большую загрузку, Михаил Иванович выкраивал время, чтобы написать в «Правду» о том, что волновало его — о деревне, о крестьянах, о земле. Статьи он подписывал: «Рабочий М. Калинин».

Так и называлась одна из его статей, напечатанная 12 марта, «О земле». Когда Калинин писал эту статью, в памяти вставала родная Верхняя Троица. Вспоминал взволнованные лица односельчан, их несвязные выступления, отрывочные замечания: «Скорей бы начиналось, что ли...»

Ну вот, свершилось то, чего ждали, на что надеялись односельчане! Свершилась революция. Надо ее доводить до конца руками революционного народа. Ему никто не поможет. Надо и в деревне менять порядки. Надо отбирать у помещиков землю, создавать волостные комитеты как народные органы власти на местах и приступать к делу.

В статье «Революция и деревня» он писал, что перед крестьянскими комитетами, помимо задач политических, стоит целый ряд задач социального творчества в области овладения и пользования землей.

Через «Солдатскую правду» Калинин обращался к солдатам: не думайте, что ваши интересы расходятся с интересами рабочих. Буржуазия пытается сейчас натравить солдат на рабочих в связи с проведением восьмичасового рабочего дня. Ясно для чего это делается: чтобы продлить войну. Но сегодняшний солдат завтра будет рабочим, ему также нужен восьмичасовой рабочий день.

Раньше казалось, что после революции вроде как и делать нечего будет. Однако дел прибавлялось с каждым днем.

Седьмого марта Калинин был кооптирован в Бюро Центрального Комитета, а после перевыборов ПК (в Марте решением ЦК партии он был переименован в Петроградский комитет) избран членом Исполнительной комиссии.

Третьего апреля, рано утром, Калинин пришел, как всегда в эти дни, в особняк Кшесинской. Здесь, где до февральских событий жила балерина — фаворитка императора Николая II, разместились, ЦК и ПК большевиков вместе со всеми созданными при них организациями: военной, лекторской группой, редакцией газеты «Солдатская правда» и др.

Поразила Калинина необычайно взволнованная, радостная атмосфера,

царящая в здании. Он спросил проходившего мимо солдата с красной повязкой на рукаве:

— Что случилось?

— Ленин нынче приезжает. Ночью.

— Откуда узнали?

— Телеграмму приносила сестра его, показывала, говорят.

- Точно?!

Калинин бросился к дежурному. Дежурил Подвойский. Он подтвердил:

— Да, Ильич приезжает на Финляндский вокзал в одиннадцать часов вечера.

Как и другие члены Петроградского комитета, в этот день Михаил Иванович сбился с ног: надо было оповестить рабочих о таком событии, а как это сделать? Выборгская сторона изобретательна. Выход из положения нашли — написали на транспарантах: «Сегодня приезжает Ленин», — и пошли с ними по улицам. Известие мигом облетело район.

Вечером, задолго до прихода поезда, Калинин с выборжцами явились на площадь Финляндского вокзала. Думали — первые, а оказалось, полно народу, и люди все прибывают. Площадь уже не вмещает желающих встретить Ленина. Народ теснится на соседних улочках. Молодежь взбирается на штабеля дров, что выстроились возле товарной станции, на заборы.

Над головами собравшихся флаги, плакаты. Впереди оркестр.

Стоило только Ленину появиться на площади, как под громкие приветственные возгласы собравшихся матросы и солдаты подхватили его и подняли на броневик, заранее приготовленный солдатами. Калинин стоял близко и хорошо видел Ильича в распахнувшемся пальто, с торчащей из кармана кепкой. Когда Ленин, энергично вытянув вперед руку, воскликнул: «Да здравствует социалистическая революция!», Калинин вместе с другими до боли стал колотить в ладоши. Броневик тронулся, и вся масса народа двинулась за ним. С балкона дворца Кшесинской Ленин повторил речь.

На другой день Михаил Иванович слушал знаменитые Апрельские тезисы Ленина: надо взять курс на перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. Никакой поддержки Временному правительству! Вся власть Советам! Двух диктатур быть не может. Следовательно, борьба продолжается до тех пор, пока власть не перейдет в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства.

Ох, какой вой вслед за буржуазией подняли соглашатели!.. Если посмотреть меньшевистские, эсеровские и иные реакционные газеты тех

дней, можно увидеть, что главная тема их выступлений — это травля Ленина, газеты «Правда». Эти газетенки договорились до того, будто бы Ленин связан с германским генеральным штабом, будто он играет на руку реакции.

Правоту Ленина, большевиков подтверждала сама жизнь.

В майские дни рабочие и солдаты впервые свободно вышли на демонстрацию под лозунгами: «Долой войну!», «Вся власть Советам!»

Но соглашатели упорно не хотели прислушиваться к настроениям рабочих масс. В конце мая исполком Пороховского районного Совета, где большевики не пользовались сильным влиянием, принял нелепое решение, звучавшее как ультиматум большевикам района; исполком требовал, чтобы они отказались от своих партийно-политических взглядов. В противном случае меньшевики и эсеры грозили выйти из всех районных общественных организаций.

Понятно, что меньшевикам из исполкома Петроградского Совета такое решение очень понравилось.

Для обсуждения создавшегося положения 30 мая собралось заседание Петроградского комитета. Калинин не возмущался и не негодовал по поводу инцидента с Пороховским исполкомом. Жизнь научила его не удивляться действиям соглашателей. Дело не в брехне, не в глупых решениях, а в том, кого поддерживает народ. И Калинин предложил собрать рабочих мастерской, которая выбрала в Совет большевика, и спросить, как, по их мнению, должен поступить депутат, от которого потребовали изменить свою политику. Вот так быстрее и лучше всего мы разоблачим нелепые маневры соглашателей. Такое решение и было принято.

Временное правительство, видя, что теряет всякую поддержку в народе, пошло на соглашение с меньшевиками и эсерами. В состав правительства 5 мая были введены эсер Чернов, меньшевики Церетели, Скобелев и другие. Так эсеры и меньшевики открыто перешли на сторону буржуазии.

Обстановка все более накалялась. Центральный Комитет партии призвал рабочих выйти 10 июня на демонстрацию под лозунгами: «Вся власть Советам!», «Долой десять министров-капиталистов!»

К демонстрации все было подготовлено, но 9 июня I Всероссийский съезд Советов, где верховодили меньшевики и эсеры, запретил проведение демонстрации. ЦК большевиков в тех условиях не мог не подчиниться решениям съезда. Демонстрацию надо было отменять. Трудно пришлось

большевикам. Требовались большие усилия, чтобы удержать массы от демонстрации. Калинин охрип, выступая на «Айвазе». В конце концов айвазовцы согласились не выходить на демонстрацию, но потребовали, чтобы Петроградский Совет объяснил, какие обстоятельства понудили его отменить демонстрацию.

Что могли ответить соглашатели? Вместо ответа I съезд вынес решение назначить демонстрацию на 18 июня, надеясь провести ее под своими лозунгами.

На другой день после отмены демонстрации Михаил Иванович встретился с Лениным во дворце Кшесинской. Ленин докладывал Петроградскому комитету о причинах отмены демонстрации. Нашлись такие, кто был недоволен отменой. Томский кричал о неслыханном поражении, о величайшем позоре для партии. Калинин же думал, что так рассуждать может только очень незрелый человек, привыкший обо всем судить лишь со своей, местной точки зрения. Сам он уже давно привык мерить дела и поступки интересами партии, страны.

— Ну, подумайте, — говорил он, — что получилось бы, если бы мы не подчинились требованиям Совета. Ну, Питер нас поддержал бы, это ясно, а провинция? Что в таком случае могло бы сделать Временное правительство? Не исключена возможность, что Временное правительство устроило бы против нас кровавую провокацию.

Дебаты по этому вопросу были продолжены через день, когда уже стало известно о назначении демонстрации на 18 июня. И снова выступил Калинин. Он заверил, что девять десятых заводов Выборгской стороны на этой демонстрации пойдут за большевиками.

Действительно, выборжцы шли под лозунгом «Вся власть Советам!». И не только выборжцы. Лишь небольшая группка демонстрантов требовала доверия Временному правительству.

В день демонстрации по приказу Керенского, бывшего тогда министром обороны, на фронте началось наступление русских войск. Наступление окончилось жестоким провалом. Немецкие войска, в свою очередь, перешли в наступление и прорвали русский фронт под Тарнополем.

Воспользовались провалом наступления кадеты — это была, пожалуй, самая махровая реакционная партия. Ее представители вышли из правительства, надеясь создать кризис власти. Они рассчитывали, что меньшевики и эсеры, побоявшись остаться в правительстве в одиночестве, согласятся на их условия. А условия были такие: разоружение рабочих, вывод революционных войск из Петрограда и, главное, — запрещение

партии большевиков. Только и всего!

В эти дни в «Солдатской правде» Михаил Иванович выступил со статьей, которую так и назвал: «Кризис власти».

«Политический кризис в Питере назревает с каждым днем, — писал он, — массы все лучше начинают понимать истинное лицо соглашательских партий... Недалекое будущее покажет, какими вождями будут социалистические министры, вождями революции или контрреволюции».

И будущее показало. 3 июля в городе началась мощная демонстрация. Солдаты, рабочие вышли на улицы, чтобы выразить свое возмущение политикой Временного правительства — политикой войны и голода.

Большевики поначалу решили воздержаться от участия в выступлении: время брать власть в свои руки еще не настало. Но народ не хотел ждать. Представителей большевиков терпеливо выслушивали на митингах и собраниях и настойчиво требовали активных выступлений. В создавшихся условиях большевистский ЦК решил участвовать в демонстрации, постараться придать ей мирный характер и провести под лозунгом «Вся власть Советам!».

Полмиллиона питерцев вышли на улицы. С балкона дворца Кшесинской смотрел Калинин на колышущееся море людей. Мимо проходили рабочие петроградских заводов и фабрик, вооруженные отряды красногвардейцев. Шли кронштадтские моряки. В серых потрепанных шинелях, сжимая в руках фронтовое оружие, шагали солдаты.

Возле дворца колонны задерживались. Раздавались приветственные возгласы. Калинин обратился к демонстрантам с речью:

— Величайшая дисциплина и организованность — вот что нам нужнее всего! Не поддаваться провокации, которой только и ждет Временное правительство, чтобы в крови потопить мирное движение питерцев!

От имени петроградской партийной организации Михаил Иванович предложил выделить от каждого предприятия и от каждой воинской части делегатов. Пусть эти делегаты пойдут в Таврический дворец и передадут Центральному Исполнительному Комитету требование народа — взять всю власть в руки Советов.

От колонны к колонне передавали предложение Калинина. На ходу выбирали делегатов, которые занимали места впереди своих колонн.

Возле Таврического делегаты собрались вместе. Эсеро-меньшевистский ЦИК вынужден был выслушать представителей рабочих и солдат Питера. Выслушать выслушал, но за спиной делегатов продолжал творить свое черное дело — сговариваться с правительством о разгроме

демонстрации. Войска Временного правительства расстреляли мирную демонстрацию.

В последующие дни революционный Петроград убедился, насколько правы были большевики, призывавшие не верить меньшевикам и эсерам, Временное правительство, куда входили представители этих партий, начало кровавые репрессии. Рабочих избивали и даже убивали.

На большевиков контрреволюция обрушилась с особой яростью. Активных деятелей партии большевиков арестовывали. «Правда» была разгромлена. Ленин обвинен в измене. Для его поимки был создан специальный отряд. Командующий войсками Петроградского военного округа генерал Половцев дал командиру отряда приказ — расстрелять Ленина на месте.

Так окончилось двоевластие. Большевики и эсеры окончательно перешли в лагерь контрреволюции. Советы под их руководством стали придатком буржуазного Временного правительства.

Дорогой, очень дорогой ценой массы подходили к пониманию того, что лишь большевистская партия — единственная последовательная защитница трудового народа.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ!

В июле партия послала своих лучших представителей на крупнейшие предприятия Петрограда. Большевики должны быть в гуще масс, должны знать их настроения, помогать им разбираться в обстановке. Калинин получил назначение на Трубочный завод. Теперь это был уже не тот Трубочный, где Михаил Иванович работал десять лет назад. Завод разросся, стал одним из промышленных гигантов страны. На нем работало свыше двадцати тысяч человек.

Калинин поступил токарем по металлу в знакомую 8-ю инструментальную мастерскую и сразу же вошел в атмосферу привычной политической жизни. Обычно в обеденный перерыв мастерская превращалась в гудящий улей. Жизнь ежедневно давала новые темы для дискуссий. Приближались перевыборы завкома, и большевики прилагали все силы к тому, чтобы вытеснить оттуда меньшевиков и эсеров.

В эти дни шла также подготовка к выборам в Центральную городскую думу и в думы вновь созданных районов Петрограда. Кандидатура Калинина была выдвинута в городскую думу и в думу одного из новых городских районов — Лесновского, созданного из пригорода Лесного. С завода приходилось ехать в район, оттуда в Петроградский комитет, оттуда еще куда-нибудь, но только не домой. Часто о доме не хватало времени даже подумать.

Екатерина Ивановна привыкла подолгу не видеть мужа. Но даже она начала беспокоиться. Шутка-ли, неделями он не появлялся дома! А если и приходил, то ненадолго — усталый, небритый. Умывался, садился за стол и рассказывал об очередной стычке с меньшевиками на Трубочном.

Политика большевиков находила все более решительную поддержку трудящихся. Момент был напряженный до крайности. Мирный путь развития революции исключался из-за предательства меньшевиков и эсеров. Следовало брать курс на вооруженное восстание.

Двадцать шестого июля открылся VI съезд партии. Съезд проходил в полулегальной обстановке, Ленин на нем не мог присутствовать: он вынужден был скрываться. Здание, где заседал съезд, охраняли вооруженные отряды рабочих.

Съезд все свои решения подчинил главной цели — подготовить

пролетариат и беднейшее крестьянство к вооруженному восстанию, к победоносной социалистической революции.

В условиях травли большевиков и захвата Советов соглашателями лозунг «Вся власть Советам» был временно снят.

Буржуазные правители неуклонно толкали страну на путь экономического разорения. Они закрывали заводы и фабрики, надеялись, что «костлявая рука голода» задушит революцию. Толпы безработных ходили по улицам. Появились зловещие фигуры спекулянтов. Их становилось тем больше, чем меньше товаров оказывалось на полках магазинов. Хозяйки, пришедшие утром на базар, со страхом узнавали, что за ночь цены выросли снова.

Но буржуазии мало было экономических санкций против революции. 25 августа главнокомандующий русской армией генерал Корнилов во главе конного корпуса двинулся на Петроград. Его подголоски распускали слух, что Корнилов хочет свергнуть Временное правительство. На самом же деле Временное Правительство выступало активным соучастником корниловского мятежа. Посредством контрреволюционного переворота установить в стране военную диктатуру — вот задача, которую оно преследовало.

Мятеж провалился. По призыву Ленина, по призыву большевиков рабочие и крестьяне подавили это выступление, а Корнилова арестовали.

Вот в таких-то условиях и состоялось на Трубочном делегатское собрание. Готовясь к нему, Калинин волновался. Он понимал, что собрание должно показать, за кем идут заводские рабочие.

В шумном, прокуренном зале заседали восемьсот делегатов. Выступил представитель меньшевиков, потом предводитель заводских эсеров. Оба напирала на то, что Временное правительство — правительство демократическое. Разве его состав — в него входят социал-демократы и социалисты-революционеры — не доказывает, что это правительство подлинно революционное?

Затем предоставили слово Калинину.

— Контрреволюционная сущность буржуазной власти, — начал он, — нисколько не изменилась из-за того, что в состав Временного правительства вошли представители соглашательских партий. Всю власть надо сосредоточить в руках революционных рабочих, крестьян, солдат.

От имени большевиков Михаил Иванович предложил резолюцию с требованием немедленно и безвозмездно передать все помещичьи земли крестьянским комитетам, национализировать важнейшие отрасли промышленности, арестовать «Временный комитет» Государственной

думы, отдать под суд всех контрреволюционных заговорщиков.

За большевистскую резолюцию взметнулся лес рук. «Кто против?» — «Нет». — «Воздержался?» — «Один».

Это была настоящая победа. Она показала, что соглашательские партии перестают пользоваться доверием у рабочих. Обстановка на других заводах подтверждала это. Массы все более убеждались в том, что спасение страны — в ликвидации антинародного Временного правительства.

В сентябре, после того как большевики получили большинство в столичных Советах, снова на очередь дня встал лозунг «Вся власть Советам!».

В первых числах сентября состоялись выборы в Лесновскую районную думу. Из сорока двух избранных гласных почти половина были большевики, а среди них и М.И. Калинин. 7 сентября на заседании думы Калинина избрали председателем районной управы.

С первых же дней он подобрал надежных помощников. Комендантом назначил большевика и секретарем себе взял тоже большевичку — Катю Алексееву, которую знал по работе на «Айвазе». Калинин предвидел, что здание думы может пригодиться в будущем.

По всему чувствовалось, что время активных выступлений приближается. В сентябре и октябре Ленин, живший в это время в Финляндии, написал несколько писем в Центральный, Московский и Петроградский комитеты РСДРП (б). Он требовал от них быстрой подготовки вооруженного восстания. Ждать нельзя. Ждать — преступление перед революцией.

Пятого октября Михаил Иванович открыл заседание Петроградского комитета, собравшегося для обсуждения ленинских писем. Он хорошо понимал историческое значение заседания. Понимало это и большинство присутствующих. Решение, которое должен был принять Петроградский комитет, их не пугало. Нашлись, однако, и неверящие, опасавшиеся провала.

Твердо и настойчиво Калинин возражал им:

— Если все предусмотрим, провала не будет. Ясно одно: власть надо брать в свои руки, а мирным путем этого сделать невозможно. Нельзя терять подходящего момента для стратегического нападения.

Большинство членов ПК поддержало точку зрения Калинина.

Через день после этого заседания в Петроград вернулся Владимир Ильич. А еще через день он уже проводил заседание ЦК, на котором было решено в ближайшие дни начать вооруженное восстание.

В эти дни Ильич не раз приглашал к себе руководителей петроградской организации. Побывал у него и Михаил Иванович Калинин. На вопрос Ленина, как, дескать, он, Калинин, смотрит, настал ли момент решительных действий, Михаил Иванович твердо ответил:

— Безусловно!

Несколько позднее дома у Калинина на Выборгском шоссе Ильич с группой членов ЦК снова обсуждал вопрос о свержении Временного правительства.

Барометром развивавшихся событий для Калинина служил Трубочный завод. Здесь, в низах, сразу было видно, как приближается, нарастает революция.

Восьмого и девятого октября на заводе проходило собрание по вопросу о текущем моменте. После выступления Калинина рабочие постановили: потребовать от ЦИК, чтобы он опубликовал во всех социалистических газетах большевистскую резолюцию этого собрания, которую решили послать в адрес ЦИК вместе с деньгами. Остаток собранных денег было решено передать на нужды боевой дружины.

Через два дня состоялись выборы завкома. Список большевиков, возглавляемый Калининым, получил абсолютное большинство голосов.

Михаил Иванович не упускал случая для агитации за большевистский лозунг «Вся власть Советам!». Не забывал он об этом, выступая в прениях по различным вопросам в Центральной городской думе. Меньшевики, эсеры, кадеты своим поведением и речами постоянно давали повод для критики. 13 октября в думе в первый раз обсуждался продовольственный вопрос. Никто из представителей соглашательских партий не смог внести никакого конкретного предложения. Предлагали, правда, принять обращение к народу с призывом сократить потребление. Большинство же депутатов попросту заявляли, что они не видят выхода из создавшегося положения. Калинин считал, что при известных мерах с голодом бороться можно: и предложил взять на учет имеющиеся продукты и распределять их по твердой норме.

— Единственное обращение, которое может сделать дума, — это сказать: современное правительство при современном составе окончательно разрушило экономическую жизнь, и Петроградская городская дума приглашает население переменить это правительство, поставить у власти то правительство, которое сумеет эту экономическую жизнь наладить...

С места кто-то крикнул:

— Какое?

Михаил Иванович ответил просто:

— Это Советы рабочих и солдатских депутатов.

Пятнадцатого октября вновь собрался Петербургский комитет. Обсуждали резолюцию ЦК, принятую пять дней назад по докладу Ленина — о вооруженном восстании. Точку зрения большинства по поводу этой резолюции Калинин выразил такими словами:

— Резолюция Центрального Комитета — это одна из лучших резолюций, которые когда-либо ЦК выносил. Эта резолюция призывает организацию к политическому действию. Мы практически уперлись, подошли к вооруженному восстанию.

Михаил Иванович доложил ЦК, как обстоит дело с подготовкой к восстанию в Лесновском районе, как формируются отряды Красной гвардии.

В этот же день Михаил Иванович встретился с Шотманом. Тот рассказал, что Ильич поручил ему подыскать помещение для расширенного заседания ЦК вместе с представителями Петроградского комитета, Военной организации Петроградского Совета, Петроградского окружного комитета, фабзавкомов и профсоюзов. Хорошо бы провести такое заседание в здании Лесновской думы.

На другой день Михаил Иванович вызвал Катю Алексееву и дал понять, что вечером будет важное заседание. Сотрудников аппарата эсеров он отпустил пораньше.

Около семи часов вечера пришел Яков Михайлович Свердлов, потом Крыленко, Володарский. За ними — Зиновьев и Каменев.

А Владимир Ильич в это время вместе с Шотманом и Эйно Рахья в пустынном переулке около думы дождался, когда соберутся все приглашенные на заседание.

Владимир Ильич был весел, подшучивал над собой. По дороге у него с головы сорвало ветром фуражку вместе с париком — все перепачкалось в грязи.

Шотман напускал на себя строгость. Сейчас смешно, а если бы в то время кто оказался на улице?..

Примерно около восьми часов вечера Михаил Иванович проводил Ленина в комнату культурно-просветительного отдела.

Владимир Ильич начал доклад о заседании ЦК 10 октября.

— История не простит нам, если мы не возьмем власть теперь же! — так закончил Владимир Ильич свой доклад.

Когда попросил слово Каменев, Калинин знал, что этот сейчас начнет, как и на заседании ЦК 10 октября, доказывать, что рабочий класс не

способен осуществить социалистическую революцию, что буржуазная республика на данном этапе еще не изжила себя, что вооруженное выступление преждевременно и так далее и тому подобное.

Так и оказалось.

После Каменева те же взгляды развивал Зиновьев.

Троцкий открыто против ленинского предложения не выступил. Он только посоветовал отложить восстание до II съезда Советов.

Калинин в ответ на эти возражения сказал, что Для него лично вопрос о необходимости восстания не подлежит сомнению. Речь может идти только о подходящем моменте, чтобы обеспечить военный успех.

Ленина поддержали также Свердлов, Дзержинский, Крыленко и другие.

В разгар дебатов вошла Катя Алексеева. Все настороженно повернулись к ней. Оказалось, ничего страшного, но громовой голос Володарского слышен на улице.

Ленин предложил резолюцию:

«Собрание вполне приветствует и всецело поддерживает резолюцию ЦК, призывает все организации и всех рабочих и солдат к всесторонней и усиленной подготовке вооруженного восстания, к поддержке создаваемого для этого Центральным Комитетом центра и выражают полную уверенность, что ЦК и Совет своевременно укажут благоприятный момент и целесообразные способы наступления».

Каменев и Зиновьев подняли руки против этой резолюции. Четверо воздержалось. Остальные проголосовали «за».

Вопрос о захвате власти был решен. Теперь предстояло это решение провести в жизнь. На этом же заседании был создан Военно-революционный центр ЦК по руководству восстанием.

Уже светало, когда начали расходиться. Ленин с Шотманом и Э. Рахья ушли первыми. Потом небольшими группами потянулись другие.

Последующие дни вплоть до восстания прошли в лихорадочной организаторской работе. Днем в Лесновском районе, на Трубочном заводе, вечерами в ПК, куда сходились сведения о ходе подготовки восстания.

Двадцать второго октября газета «Рабочий путь» вышла с заголовком: «Сегодня День Петроградского Совета. Товарищи рабочие и солдаты! Устраивайте сборы и отчисления. Зовите массы под знамя Петроградского

Совета! Все на митинги!»

Калинин в этот день выступал на нескольких митингах и собраниях. В разных районах города выступали также Я.М. Свердлов, А.В. Луначарский, Н.В. Крыленко, В.И. Невский, К.Н. Самойлова.

Рабочие в своих речах заявляли, что готовы по первому зову Всероссийского съезда Советов подняться с оружием в руках на его поддержку.

Двадцать четвертого Калинин последний раз перед восстанием пришел на заседание Петроградского комитета. Комитет решил, что необходимо «перейти в наступление всей организованной силой революции, без малейшего промедления».

Поздно вечером 24-го без всякой охраны, не предупредив никого, загримированный Ленин явился в Смольный, чтобы возглавить вооруженное восстание. Ночью отряды Красной гвардии начали захватывать вокзалы, телефон, телеграф... К утру стало ясно, что победа социалистической революции обеспечена.

Утром 25 октября Михаил Иванович Калинин вместе с депутатами-большевиками Анатолием Васильевичем Луначарским, Дмитрием Захаровичем Мануильским и другими пришел на заседание Петроградской городской думы. Зал заседаний походил на гудящий улей, но замер, когда за столом поднялась фигура городского головы — правого эсера Шрейдера. Весь олицетворение «благородного возмущения», Шрейдер говорил о том, что Военно-революционный комитет предъявил Временному правительству ультиматум с требованием сдаться. Он призывал депутатов принять все меры, чтобы не допустить свержения Временного правительства.

Зал снова загудел, заволновался. Представители буржуазных и мелкобуржуазных партий выступали один за другим, и смысл их выступлений сводился к одному:

— Узурпация, вандализм!..

— Не допустим свержения правительства жандармским путем!

Но вот председательствующий объявил, что слово просит представитель большевиков депутат Калинин.

Михаил Иванович решительно направился к трибуне и встал, пристально всматриваясь в бушевавший зал.

Кто-то крикнул:

— Предлагаю прекратить прения!

Председатель поставил предложение на голосование, и оно было принято. Но Калинин продолжал стоять на трибуне, всем своим видом

показывая, что никуда уходить он не собирается. Тогда председатель обратился к нему:

— Ну что ж, говорите...

В это время снова поднялся Шрейдер с требованием дать ему слово для чрезвычайного сообщения.

— По сведениям, полученным мною, — заявил он, — правительству дано второе предупреждение и через несколько минут открывается стрельба.

Затем Шрейдер предложил немедленно послать делегацию на крейсер «Аврора».

Калинин стоял возле трибуны, наблюдая за тем, как контрреволюционная дума избирает депутацию на «Аврору», в Зимний дворец и в Совет рабочих и солдатских депутатов. Вся процедура выборов заняла не более десяти минут. Последняя бесплодная попытка сделать хоть что-то для спасения обреченного Зимнего!

Когда двери за депутациями закрылись, Калинин: обратился к присутствующим.

— Меня страшно удивило, — сказал он, — заявление целого ряда гласных о том, что вдруг правительство свергается физической силой, силой штыков, что правительство свергается «жандармским путем». Я не знаю, покажите мне хоть какой-нибудь пример в истории, когда бы правительство не свергалось физической силой. Мы свою тактику и раньше не скрывали перед народом. Мы всегда призывали народ и говорили: власть, враждебную народу, можно свергнуть только вооруженным восстанием. И вот, когда пришло время, когда это восстание стало нужным, смешно было бы, чтобы наша партия отказывалась от этого восстания...

В это время раздался пушечный выстрел. «Гласные думы — меньшевики, эсеры, кадеты, — вспоминал позднее Калинин, — поднялись с мест. Слышны крики: «Узурпаторы, узурпаторы!»

Поднялся страшный шум. Они пошли «выручать» правительство, осажденное в Зимнем дворце, а мы — в Петроградский совет приветствовать его от имени революционной части думы».

Вместе с другими членами думы большевиками Михаил Иванович явился вечером 25 октября на II съезд Советов — съезд, принявший величайшие ленинские декреты о мире и о земле.

В разгар заседания могучее «ура» сотрясло здание. Это пришло известие от Подвойского о взятии Зимнего дворца и об аресте членов Временного правительства...

В истории человечества началась новая эра — эра торжества

социализма и коммунизма.

ГОРОДСКОЙ ГОЛОВА

Центральная городская дума более чем на две трети состояла из меньшевиков и эсеров. «Сам» городской голова Шрейдер — махровый эсер. Можно ли было надеяться, что такая дума подчинится советской власти, что она без сопротивления сдаст свои позиции?

Уже на второй день после падения Зимнего думские деятели сформировали контрреволюционную буржуазную организацию, которой дали громкое название «Комитет спасения родины и революции». Вокруг «Комитета» засновали подозрительные типы, среди которых Калинин узнавал представителей иностранных посольств. Под прикрытием думы готовился антисоветский мятеж юнкеров.

Двадцать девятого октября юнкера сделали попытку выступить, но благодаря бдительности большевиков мятеж был подавлен в тот же день.

Ослепленное ненавистью к Советам, реакционное большинство думы разрабатывало нелепые, авантюристические планы захвата власти.

Пользуясь большинством, меньшевики и эсеры превратили думу в один из центров контрреволюции в городе. В то же время дума все больше и больше запускала свои повседневные практические дела. Дальше терпеть такое положение было невозможно.

Вскоре Совет Народных Комиссаров принял декрет о роспуске Государственной думы.

В конце ноября состоялись выборы новой городской думы. Среди двухсот избранных гласных оказалось сто восемьдесят восемь большевиков, в числе их был и Михаил Иванович Калинин.

Он уже знал, что Петроградский комитет решил рекомендовать его на пост городского головы.

Настал день, когда Калинин вошел в здание думы рядовым членом, а вышел оттуда городским головой. Избран он был почти единогласно.

Опыт думской работы у Калинина имелся: хоть и немного, но он стоял, во главе Лесновской думы. Но одно дело руководить хозяйством окраинного района, другое — всего Петрограда,

С чего начинать?

А начинать пришлось с борьбы за свои права. Старая управа во главе со Шрейдерам продолжала заседать.

Первого декабря вместе с заместителем Наркомпрода Дмитрием Захаровичем Мануильским Михаил Иванович направился на Невский, 33

— в думу. Перед дверью зала заседаний управы он на минуту остановился. За стеной был слышен невнятный шум.

Как только Калинин открыл дверь, шум в зале мгновенно смолк. Все головы настороженно повернулись в сторону вошедшего. Михаил Иванович молча рассматривал присутствующих.

Молчание становилось тягостным, и Калинин, сделав зачем-то шаг вперед, сказал, насколько мог, внушительно:

— Господа, я, избранный на основании всеобщего, равного избирательного права петербургским городским головой, прошу вас сложить свои полномочия и оставить помещение.

В напряженной тишине кто-то хихикнул. Затрясся в смехе Шрейдер, загоготали и остальные.

Трудно стоять спокойно перед гогочущим враждебным сборищем. Калинин поначалу даже немного растерялся, но быстро взял себя в руки и, выждав, когда смех слегка затих, проговорил:

— Уважаемые господа, вы рано смеетесь. Пословица говорит: «Хорошо смеяться последнему». А вы засмеялись первыми.

Повернулся и вышел из зала своей легкой походкой,

Кабинет головы был не заперт. Калинин открыл дверь, вошел. Массивный стол, кресло с высокой спинкой, телефонный аппарат — старомодный, с высокой подставкой для трубки. На полу ковер.

Калинин взглянул на свои сапоги, обошел ковер стороной, отодвинул кресло, сел.

Несколько минут сидел молча. Потом поднял трубку, вызвал старшего бухгалтера. Подбирая вежливые выражения, попросил его зайти к нему в кабинет. Старший бухгалтер заявил, что не придет. Калинин рассердился, потребовал, чтобы комендант привел бухгалтера, если нужно, применив и силу. Через две-три минуты растерянный комендант доложил, что «старший бухгалтер отбыли со службы».

На приглашение Калинина не отозвались и другие служащие — Шрейдер выплатил им жалованье за месяц-два вперед. Этот срок казался ему достаточным для того, чтобы советская власть скомпрометировала себя и старые порядки были восстановлены.

Управа опустела. Михаил Иванович ходил по зданию и всюду видел одну и ту же картину: в безлюдных комнатах в беспорядке валялись бумаги. Беспорядок был наведен умышленно: дела были расшиты, многие документы порваны. Саботаж налицо...

Калинин собрал всех, кто остался в управе, — сторожей, истопников, курьеров, мелких чиновников, проживавших в здании думы. Они пришли,

пораженные тем, что их вызывает сам голова. А когда поняли, что голова просит их помочь наладить управление городскими делами, с радостью принялись наводить порядок. Дума ожила. Калинин же в это время писал свое первое распоряжение об увольнении с 1 декабря 1917 года всех не явившихся на работу служащих.

В этот день, вечером, Михаил Иванович побывал на многих предприятиях городского самоуправления. Рабочие встречали его приветливо, административный же персонал — настороженно. Но с ним-то меньше всего собирался беседовать голова. Он говорил с рабочими, объяснял им, что такое саботаж и кому он на руку, призывал принять все меры, чтобы наладить бесперебойную деятельность городского хозяйства.

На другой день саботаж охватил всех служащих, и все-таки ни одно предприятие городского хозяйства не прекратило работы. Лишь на несколько часов удалось саботажникам внести замешательство в работу трамвайного управления, водопровода, электростанции. Всюду места саботажников занимали рабочие, выделенные партийными и профсоюзными организациями. Они приходили прямо от станков, порой не успев сменить одежду и как следует умыться.

И дело шло. Огромная машина городского хозяйства Петрограда работала.

На первых порах руководил Калинин хозяйством города пятью помощниками — работниками управы. При Шрейдере аппарат управы превышал тысячу человек, да еще столько же насчитывалось в разного рода комиссиях, присутствиях и канцеляриях.

Если в самой управе саботажники перепутали все дела, то можно себе представить, что они натворили в присутствиях. В особом присутствии «по призрению больных и увечных воинов и семей запасных» исчезли все документы, на основании которых выдавались денежные пособия. Тысячи больных и раненых солдат и их жен ежедневно толпились в Минском переулке, возле дома, где помещалось присутствие. Среди них сновали провокаторы. Где тайком, где громогласно они убеждали людей, что большевики не будут выплачивать пособий. Люди волновались и требовали денег.

Что было делать? Платить? Кому, сколько? На основании чего? Казалось, для наведения порядка в этом деле нужны месяцы. А люди не хотели и не могли ждать.

Калинин решил этот вопрос за полторы недели. По его совету собрали солдат и жен запасных, объяснили им положение, предложили самим навести порядок в присутствии. Тут же открытым голосованием выбрали

сорок человек для работы в социально-экономическом отделе городского самоуправления. За десять суток эти люди разобрались со всеми делами. Вскоре пособия начали выдавать.

Калинин был беспощаден к организаторам саботажа. Он арестовывал служащих, прячущих документы и ключи от сейфов, выселял из заводских квартир инженеров, не выходявших на работу. Каждое его действие было проникнуто духом высшей революционной справедливости, поэтому он всегда мог рассчитывать на безоговорочную поддержку народа.

Бывшие служащие управы только удивлялись: откуда у этого мужика такая крепкая хозяйственная хватка? На их глазах создавался новый — гибкий и оперативный — аппарат городского самоуправления, улучшалась работа коммунальных предприятий, укреплялся порядок в городе.

Особенно поражало их то обстоятельство, что новая управа не задерживала выплату жалованья многочисленным рабочим и служащим. Уж кто-кто, а саботажники отлично знали, какой бюджет они оставили в наследство Калинину. Только по смете 1917 года дефицит достигал ста восьми миллионов рублей. Наличными же оставалось сорок тысяч.

Казалось, невозможно найти выход из положения: и водопровод, и канализация, и трамвайное хозяйство — все основные предприятия управы, призванные приносить ей доход, работали с убытком. Каждый день требовались десятки и сотни тысяч рублей дотации. Со всех сторон летели заявки на материалы. Милиция жаловалась, что уже три месяца не выплачивает милиционерам жалованье.

Калинин только руками разводил: «Ну и хозяйева эти эсеры — болтуны и слюнтяи!»

Финансовую задолженность удалось погасить, выпустив городской заем и сделав заем у кредитных учреждений. Обложили высокими налогами капиталистов — и получили возможность хозяйствовать смело, без боязни, что денег не хватит. К лету 1918 года многие городские предприятия стали приносить прибыль, и это Позволило истратить часть денег на их ремонт.

С каждым днем революционный Петроград становился чище, оживленнее. Весело позванивая, сновали трамваи, прекратились перебои в подаче воды, заработал телефон.

Тяжело приходилось с домовладельцами. Многие из них даже дворы перестали убирать, чтобы хоть так показать свою ненависть к новому строю. Под всяческими предлогами они отказывались ремонтировать здания, придумывая различные причины, чтобы уклониться от уплаты налогов.

С разрешения Совета Народных Комиссаров Петроградская дума стала конфисковывать дома саботажников-домовладельцев. К августу было конфисковано две тысячи семьсот крупных домов.

Трудное то было время для Петрограда. Голод, холод — что может быть страшнее для человека! Осьмушка хлеба в день. Нынче многие не знают даже, что означает слово «осьмушка». А ведь это восьмая часть фунта, всего-навсего пятьдесят граммов. Дров вовсе не было. Люди жгли в печках мебель, заборы, дома.

Вместе со всеми жителями города голодал и Калинин и его семья. Он не хотел ничем отличаться от других. Тяжело было видеть, как дети радуются горбушке хлеба, случайному куску сахара...

Вдобавок ко всем невзгодам на город обрушилась эпидемия тифа. Калинин поставил вопрос о муниципализации бань, аптек, об устройстве дезинфекционных камер при банях и провел свои предложения в жизнь.

Он посещал рабочие кварталы Выборгской стороны и Васильевского острова, Нарвской и Невской застав. По его указанию в квартиры рабочих был проведен электрический свет, многие семьи из негодных комнат на окраинах были переселены в благоустроенные дома центра.

В часы приема каждый мог беспрепятственно прийти в кабинет Калинина, расположенный на втором этаже управы. Швейцар временами ворчал:

— Раньше у нас и к писцу не пройдешь без доклада, а теперь к самому голове свободно... Проходите, он в кабинете.

Михаил Иванович встречал посетителей приветливо, терпеливо выслушивал жалобы, иногда быстро записывал что-то в записную книжечку.

Очень часто приходили с просьбами помочь устроиться на работу. Безработные в городе считались тысячами. В условиях ужасающей разрухи найти работу людям было очень трудно.

Вопрос надо было решать кардинально, чтобы сразу существенно уменьшить количество безработных. Вскоре на совещании работников городского хозяйства Калинин предложил свой план организации общественных работ: сорок тысяч человек бросить на ремонт улиц, еще тридцать с лишним тысяч занять на ремонте пришедшей в негодность канализации, на торфяных разработках и огородных работах.

Этот план был реализован. Огороды же, созданные весной 1918 года, помогли трудящимся пережить голодные годы, сгладить остроту продовольственного кризиса.

Много времени, особенно в первые два месяца, отнимал у Калинина

подбор работников управы, специалистов городского хозяйства. Пришедших устраиваться на работу он лично и с пристрастием опрашивал, старался понять, что за человек перед ним. Просто, без прикрас Михаил Иванович рассказывал, что дело трудное, щадить себя не придется. Иногда он даже сгущал краски, а когда испуганный посетитель уходил, с сожалением смотрел ему вслед: «Опять переборщил!..»

Как-то раз Михаил Иванович сидел за столом в своем кабинете, увлеченный анализом сметы, и вдруг услышал мягкий вопрос:

— Можно к вам?

Калинин поднял голову и радостно потянулся навстречу вошедшему. В дверях стоял Саша Мордухай-Болтовский. Впрочем, какой же Саша? Этот тридцатилетний мужчина был уже Александром Дмитриевичем.

Уселась в кресла друг против друга, закурили.

Александр Дмитриевич рассказал о семье. Отец умер. Мать по-прежнему живет на Рыночной улице. Братья все живы-здоровы. Никто в контрреволюцию не подался.

— А я вот, — закончил он свой рассказ, — тоже инженер, специалист городского хозяйства. Дай, думаю, найду. Может быть, найдется работенка по специальности.

Работа, конечно, нашлась.

В думе было много специальной технической литературы, и Калинин каждый раз приходил домой с какой-нибудь книгой под мышкой — читал до глубокой ночи.

Поначалу кое-кто из инженеров пытался было являться к нему на доклад, не готовясь, но вскоре все убедились, что этого делать не следует. Когда доклад заканчивался, Калинин ставил вопросы, которые сразу же показывали, насколько глубоко и детально знает он существо дела. Специалисты говорили о Калинине:

— К нему без подготовки лучше не ходить. Михаил Иванович знал, что нетребовательность

руководителя расхолаживает подчиненных, приучает их работать небрежно, спустя рукава. И он старался быть требовательным ко всем, начиная с уборщицы. При этом нотации Калинин читать не любил, старался сделать так, чтобы люди сами поняли, как следует поступать.

Пришел он как-то раз раньше обычного. Застал в кабинете уборщицу, которая при виде его быстро стерла пыль с нескольких стульев и кое-как смахнула ее с книг, лежащих на столе. Убедившись, что уборщица ничего больше делать не собирается, Михаил Иванович попросил:

— Дай-ка тряпку.

Он старательно вытер свой стул, навел порядок на столе, потом сел.
Уборщица обиженно подобрала губы.

— Что же это вы, Михаил Иванович, сами...

— Да так. Я люблю, чтобы все хорошо было сделано и чтобы везде было чисто...

С тех пор, когда бы ни пришел он, в кабинете был идеальный порядок.

Узнал как-то Калинин, что заведующий хозяйством думского здания — работник старый и многоопытный — занимает казенную квартиру из пяти комнат, а дворник с семьей в подвале ютится.

Михаил Иванович вызвал заведующего, сказал, глядя в сторону:

— Пожалуйста, найдите комнатку, хочу устроить там свой прием.

Завхоз удивился:

— А тут, в кабинете, что будет?

Калинин объяснил, что хочет поселить в кабинете семью дворника.

Завхоз, видно, был человек неглупый, сообразил, в чем дело. Ответил:

— Я семью дворника устрою у себя: отдам им две комнаты.

Взгляд Михаила Ивановича потеплел,

— Хвалю за догадливость. Позаботьтесь кстати приобрести для него за наш счет и кровати.

В августе 1918 года петроградская Центральная городская дума и все ее комиссии были распущены. Упразднен был и ее исполнительный орган — управа. Вместо думы был образован Комиссариат городского хозяйства Петроградской городской коммуны, занявший положение одного из отделов Петроградского Совета. Михаил Иванович Калинин стал комиссаром городского хозяйства.

По заданию партии Калинин уделяет много внимания и работе отделов городского хозяйства при губернских и уездных Советах. Он выезжает в города и уезды Новгородской губернии и Северной области, изучает там положение дел. В начале 1919 года по его инициативе созывается I съезд отделов коммунального хозяйства Северной области.

«ВСЕРОССИЙСКИЙ СТАРОСТА»

Год 1919-й был суровым и тревожным. Контрреволюция готовила новый натиск на Советскую Россию, который впоследствии получил название первого похода Антанты.

Уже прибыл в Омск в английском поезде адмирал Колчак, полный презрения к бунтующей черни и уверенности, что через месяц-другой с оркестром войдет в Белокаменную.

Собирали свои банды Деникин и Юденич. Насторожился на севере еще один россиянин с заграничной фамилией — Миллер.

В эти тревожные дни партия, народ молодой республики понесли тяжелую утрату: умер Яков Михайлович Свердлов.

— ... Пролетарская революция, — говорил Ленин на экстренном заседании ВЦИК, посвященном памяти Якова Михайловича, — сильна именно глубиной своих источников. Мы знаем, что на место людей, беззаветно отдавших свою жизнь, положивших ее в этой борьбе, она выдвигает шеренги других людей, может быть, менее опытных, менее знающих и менее подготовленных в начале их пути, но людей, которые широко связаны с массами и которые способны на место ушедших крупнейших талантов выдвигать группы людей, продолжающих их дело, идущих по — < их пути, довершающих то, что они начали.

Тридцатого марта, в пять часов вечера, в Москве, во 2-м доме Советов собралась большевистская фракция ВЦИК. Открывая заседание, секретарь ВЦИК Енукидзе сообщил, что Политбюро ЦК решило рекомендовать фракции при избрании председателя ВЦИК голосовать за кандидатуру Калинина.

В семь часов открылось XII заседание ВЦИК. Слово взял Владимир Ильич. Он говорил о том, что найти настоящего заместителя Якову Михайловичу Свердлову — задача чрезвычайно трудная.

— Мы знаем, — заявил он, — что, если мы найдем товарища, который соединит в себе жизненный опыт и знакомство с жизнью среднего крестьянства, мы эту задачу разрешить сможем, и я думаю, что кандидатура, о которой вы прочли сегодня в газете, удовлетворяет всем этим условиям. Это — кандидатура тов. Калинина.

В поддержку предложенной Лениным кандидатуры выступили другие товарищи. Калинину запомнилась яркая, душевная речь наркома просвещения Луначарского.

Когда члены ВЦИК проголосовали и Владимир Ильич подошел к Калинин с поздравлениями, последний заметил:

— Не знаю, Владимир Ильич, как я буду в сапогах, я еще не привык к изысканному обществу. Черт знает, может быть, еще придется с Клемансо мир заключать...

Ленин рассмеялся.

— Ничего, товарищ Калинин, не все же нам приучаться к их благородству, пусть и они немножко приучатся к нашей грубости.

Поселился Калинин в Кремле. Комендант Кремля И.Д. Мальков позднее вспоминал, что Владимир Ильич Ленин несколько раз звонил ему, интересуясь, как устроили Калинина.

Апрель 1919 года был для Калинина очень трудным. Предстояло принять дела, вникнуть в них. Калинин проделал это чрезвычайно быстро, несмотря на то, что очень много времени отнимали выступления на собраниях и митингах. В Москве по пятницам проводились митинги. Ораторов на них утверждал Московский комитет партии. Решение звучало примерно так: «Обязать тов. Калинина выступить на митинге в Хамовническом районе». И Калинин брал путевку и выступал. Такие же путевки получали и другие партийные и государственные работники.

В пятницу 4 апреля Михаила Ивановича видели в Сокольническом и Рогожском районах, в театре «Наполеон» и кинотеатре «Вулкан», на хлебной бирже, в Введенском и Алексеевском народных домах, мастерских Нижегородской и Северной железных дорог. Он призывал трудящихся к упорной работе для скорейшего разгрома врага.

Через несколько дней на заседании ВЦИК Михаил Иванович выступил с декларацией о ближайших задачах ВЦИК. Но прежде он сердечно поблагодарил всех присутствовавших за то доверие, которое они оказали ему, избрав на столь ответственный пост.

— Это доверие, — сказал Михаил Иванович, — я принимаю как доверие революционному петроградскому пролетариату от российских рабоче-крестьянских масс.

...Мое избрание я рассматриваю как символ тесного союза крестьян с рабочими массами, так как в моем лице объединяется рабочий Петрограда с тверским крестьянином.

От того, куда и за кем пойдет крестьянство, во многом зависела окончательная победа революции. VIII съезд партии подтвердил, что строить социализм можно только в союзе с середняком, потому что середняки в то время составляли основную массу крестьян. Очень важно было, чтобы эта основная масса поняла политику партии.

Ленин как-то предложил послать в длительные поездки по стране выдающихся пропагандистов и агитаторов партии. Создать специальные агитпоезда, агитпароходы, снабдить их необходимыми пособиями, сформировать бригады людей из различных наркоматов и ведомств и направить в различные уголки страны.

Ленинское предложение понравилось Калинин, Он решил оборудовать агитационно-инструкторский поезд ВЦИК. Этот поезд вошел в историю под названием «Октябрьская революция».

Возглавить поезд партия поручила самому Михаилу Ивановичу Калинин.

Двадцать девятого апреля Калинин отправился в свою первую поездку по стране.

Длинные старомодные угловатые вагоны поезд: были ярко расписаны символическими картинками и «революционного быта». Один вагон был занят под кинематограф, другой — под склад литературы, ту; же оборудовали книжный магазин. Купе просторные, рассчитанные на длительное пребывание. Уже сидя в купе, Калинин принял корреспонденте: «Правды» и «Известий» и обстоятельно ответил на все вопросы.

— Моя главная цель — непосредственно подойти к уезду и волости, к трудящемуся народу, отдаленному от центра, и узнать его нужды, подслушать голос самой жизни.

Калинин попросил особо подчеркнуть политическое значение поездки.

— Губернии, по которым мы намерены проехать, близки к колчаковскому фронту, и политическая агитация в той области имеет огромное значение. Появление агитаторов из центра, митинги, которые мы будем устраивать на местах, раздача литературы, плакатов, воззваний, демонстрирование лент советского кинематографа, самое соприкосновение с представителями центральной рабоче-крестьянской власти должно поднять настроение народа, рассеять сомнения, вносимые колчаковскими агентами-provокаторами.

И вот замелькали города, полустанки, деревни. Останавливались в крупных пунктах: Муром, Арзамас, Алатырь, Казань, Свияжск, Рузаевка, Симбирск, Мелекесс, Рязань, Голутвин. Тут же, на станциях, вспыхивали митинги.

Калинин смотрел в суровые лица людей. Хотелось сказать им что-нибудь радостное, обнадеживающее. Но хорошего было мало. Так что ж, замазывать недостатки, приукрашивать действительность? Нет, на это он не пойдет. Лучше честно объяснить людям — нам очень трудно: они много

перенесли, они поймут.

На первой же станции, в Муроме, направляясь на митинг в железнодорожные мастерские, Калинин остановился возле вагон-кинматографа. Вагон осаждали ребяташки — худые, с землистыми от недоедания лицами. А глаза, как у всех ребяташек во всем мире, — веселые, радостные. И голоса звонкие-звонкие. Многие из них впервые в жизни видели движущиеся изображения. С одинаковым ребячьим изумлением смотрели они сказку «О рыбаке и рыбке» и «Праздник коммунистической молодежи», «Стрекоза и Муравей» и «Китайские тени».

Потом, когда Калинин выступал перед людьми, в глазах стояли эти худенькие девчонки и мальчишки.

И он говорил:

— У нас голод, нет товаров, нет обуви. Почему? Потому что такие важнейшие промышленные районы, как Дон, Туркестан, Баку, Сибирь, до сих пор в руках врага. Если еще и Волга попадет в руки Колчака, то положение станет еще хуже. Теперь главная задача рабоче-крестьянских масс — разбить Колчака... Каждый человек нынче вправе сказать: «В настоящее время я исполняю самую небольшую работу, но этой маленькой работой я укрепляю советскую власть». И я призываю вас, товарищи, к самому энергичному проявлению творческих сил, в чем бы они ни выражались: в обработке ли полей, в возделывании картофеля, в совершенствовании производства.

Всматриваясь в глаза людей, Калинин видел, что слова его доходят до них. Это подтвердила и принятая после его выступления резолюция, торжественная и искренняя: «Напрягая все наши силы и разум для улучшения транспорта, изгоняя из своей среды клеветников и предателей, мы в любую минуту готовы встать на защиту Советов от посягательств с чьей бы то ни было стороны, а тем более от палачей, идущих против них войною, дабы тем самым приблизить желанный день, когда над всем миром водружено будет боевое Красное знамя — символ великих завоеваний революционного пролетариата всего мира».

Всего таких митингов и собраний работники агитпоезда провели до семидесяти. На сорока одном из них выступал М.И. Калинин.

После городского митинга на «фордике» или на лошадях Михаил Иванович обычно отправлялся в деревни. Там принимал традиционные хлеб-соль на расшитых красными петухами полотенцах. А потом начинался разговор. Стоя в толпе крестьян, Калинин уверенными движениями свертывал самокрутку, привычно склеивал. Закурив, произносил: «Ну вот, перед вами власть. Можете говорить как на духу». Выслушивал жалобы:

исполком притесняет, последнюю корову отобрали, чрезвычайный налог режет.

Большинство вопросов решал на месте.

Были вопросы и другого рода: «Почему нет свободы торговли?», «А нельзя ли сделать Учредительное собрание?»

Михаил Иванович отвечал подробно, не жалея времени.

...Калинин вернулся в Москву 18 мая. Съездил ненадолго на родину. Первый раз приехал в Троицу уже не как «бунтовщик»-подпольщик и даже не просто ответственный работник, а первый человек в государстве — президент Советской республики. Выходя из чайной Карцева, где он всегда останавливался на пути домой, Калинин увидел своего односельчанина Ивана Клюева. Иван стоял на коленях перед крыльцом. На непокрытой голове лежало прошение. Калинин не сразу понял, что все это обращено в его адрес. Потом догадался, залился краской.

— Что ты?.. Что ты, Иван Трофимович!..

Взял сложенную вчетверо бумажку, заботливо поднял земляка. Сели тут же на крыльце. Клюев рассказывал:

— Не знаешь, с какой стороны беда к бедняку подберется. Повез на мельницу зерно на муку смолоть: восемнадцать пудов — все, что было. Что ж, казалось, плохого из этого может выйти? Так вышло же — сгорела мельница-то! Остался с пустыми сусеками. Сам — ладно, и корой бы пропитался, так ребята-то как?..

Близка Калинин к крестьянская беда.

— У тебя ведь, кажется, пятеро?

— Пятеро...

Успокоил, как мог, дал записку с ходатайством в Тверь, чтоб выдали восемнадцать пудов хлеба бедняку Клюеву. А потом долго еще мерещилась сгорбленная спина земляка с бумажкой на голове.

Заехал Михаил Иванович и в Яковлевское — село, где учился в школе. Анна Алексеевна, его старая учительница, была жива. Встретила его, поцеловала и всплакнула немножко. Долго сидели они, вспоминая давно прошедшие годы...

После первой поездки с агитпоездом последовала вторая: Рига, Двинск, Молодечно, Минск, Бобруйск, Жлобин и Гомель — Западный фронт. Потом третья, на Южный фронт, четвертая — опять на Восточный фронт, по следам отступления Колчака.

Нелегко пришлось во время поездки вдоль Западного фронта...

На Смоленщине Калинин столкнулся с откровенным сопротивлением

властям, с массовым дезертирством из армии.

Выступая на сходке в одной из деревень, Калинин, сердито поблескивая очками из-под нахлобученного на лоб картуза, говорил:

— Сохранять свою шкуру, прятаться в кустах в то время, когда твой сосед-крестьянин умирает на Фронте, — это же самая большая подлость, какую можно выдумать!

Мы готовы оказать крестьянам любую помощь, на какую только способны, но мы будем жестоко карать тех, кто хочет спасти свою шкуру за счет других. Вот ваш помещик Оболенский. Он не сидит дома, а участвует в войне на стороне Деникина, чтобы отвоевать опять свои земли. А вы не понимаете, что, если возвратятся помещики, придет Деникин, то они вытащат вас из темных углов.

На Бежицком заводе в Брянской губернии меньшевики и эсеры, воспользовавшись продовольственными затруднениями, стали подбивать рабочих на забастовку. Калинин появился на заводе в разгар волнений. Когда он, забравшись на паровозный тендер, обратился к меньшевикам и эсерам с негодующими словами, из толпы кто-то выкрикнул:

— К черту речи! Хлеба давай!.. Калинин выждал, пока все успокоились.

— Хлеба я вам не дам и не обещаю... — Он снова повернулся к меньшевикам. — А ваше поведение есть предательство по отношению к рабочему классу и к Красной Армии. Вы меня не запугивайте и не думайте, что я позволю задержать хлебный маршрут, отправляемый на фронт. Я не поверю, чтобы хоть один рабочий согласился с этим...

Пройдет семь лет, и Михаил Иванович вновь выступит здесь. Многим тогда стыдно будет смотреть в глаза «всероссийскому старосте».

В Минске, Могилеве, Бобруйске дело уже обстояло по-другому. На каждом полустанке собирались толпы народа в надежде услышать хоть несколько слов от Калинина.

Двадцатого июня площадь Свободы в Минске заполнили дети. Пятнадцать тысяч школьников пришли приветствовать Калинина. Потом состоялся парад рабочего полка и всеобуча. А на другой день утром Калинин проснулся в своем вагоне, разбуженный разрывами бомб. Выскочил на подножку. Увидел в облаках вражеский самолет. Со всех сторон по нему палили из ружей и пулеметов. Самолет стремительно уходил в сторону Молодечно. Дымились станционные постройки, зияли дырами выбитые стекла. Вечером налет повторился, и снова бомбы рвались вокруг поезда.

Политкомиссар поезда Воеводин сказал: — Первый раз на Минск

налетели. Не иначе, как про вас пронюхали, Михаил Иванович.

Утром, чуть свет, Воеводин направил Ленину телеграмму: «... белогвардейцы определенно покушались на поезд председателя ВЦИК, Состояние всех поездных работников и местных товарищей во время сбрасывания бомб было твердое и спокойное».

Третья поездка агитпоезда началась 12 июля. К тому времени положение на фронтах изменилось. Изумленный и перепуганный «правитель омский» покотился на восток. На первый план выдвинулся властолюбивый карьерист Антон Деникин. Южный фронт стал главным.

В тот же день, когда поезд Калинина, или, как его тогда стали называть, «ВЦИК на колесах», покотился в направлении Саратова, В.И. Ленин выступил на московской конференции РКП (б) с докладом о внутреннем и внешнем положении республики.

— ...Учитывая все пережитое, — сказал он, — весь опыт этого года, мы с уверенностью говорим, что трудности преодолеем, что этот июль — последний тяжелый июль...

Отчет об этой речи вождя, напечатанный в «Правде», Калинин прочел в Аткарске. Новой молодой энергией наполнилось сердце, нашлись новые слова для людей, слушавших его в Ртищеве, Сердобске, Покровске, Вольске. Из Вольска Михаил Иванович отправился на пароходе в Балаков и другие приволжские города. Побывал в деревнях и селах. При виде полей сжималось от боли крестьянское сердце: «Урожай-то, урожай какой!..» Из Аткарска Калинин послал телеграмму Ильичу:

«Урожай Аткарского уезда небывалый. Хлеб на корню больше недели стоять не может. Рабочих рук не хватает. Необходимо откомандировать аткарские воинские части для уборки хлеба. В противном случае часть урожая погибнет. Просим срочно сделать распоряжение; просим срочно ответить».

Вечером Калинин с волнением читал ленинский ответ:

«Немедленно организуйте все неиспользованные еще технические силы и средства для уборки урожая. С той же целью широко и планомерно проведите трудовую повинность городского и сельского населения. Проявите всю энергию и организованность в деле своевременной уборки урожая. О принятых мерах телеграфируйте наркомзему для доклада Совнаркому.

Предсовобороны Ленин».

Сам Калинин, политком Воеводин, уполномоченные Наркомпрода Соколов, Некрасов — все до одного выступали на митингах, собраниях, сходках. В течение нескольких дней удалось мобилизовать трудоспособное население, в том числе и городских жителей, красноармейцев, безработных, эвакуированных.

Калинин работал день и ночь. Он распорядился перебросить на уборку людей из других губерний, устроить мастерские для срочного ремонта сельскохозяйственных орудий. Лично пересматривал дела крестьян, осужденных за мелкие преступления. Многих освобождал и тоже направлял на полевые работы.

В результате указание Ленина было выполнено: хлеб убран. Михаил Иванович не успокоился, пока не увидел первый эшелон, отправившийся на Южный фронт.

В Балакове Калинин созвал всех ответственных работников города и уезда и предложил немедленно образовать Чрезвычайную комиссию для мобилизации всех сил и средств на уборку урожая. Предложение было принято. В Баронске городской Совет решил в честь посещения города «всероссийским старостой» отправить для рабочих Москвы и Питера пятьдесят тысяч пудов хлеба.

Отовсюду, где проезжал поезд Председателя ВЦИК, отправлялись до отказа груженые хлебом эшелоны.

Такую же работу М.И. Калинин проводил и во время четвертого рейса — осенью. Это была самая продолжительная поездка Калинина в 1919 году. Через Тулу, Пензу, Самару агитпоезд доехал до Оренбурга.

В Оренбурге Калинин выступил на митинге военнопленных колчаковцев, смотревших на него как на чудо: «Простой мужик — верховная власть?» Калинин почувствовал это.

Свою речь он начал так:

— Казаки, военнопленные! Перед вами стоит представитель рабоче-крестьянской власти. Перед вами стоит не человек белой кости, не человек, умеющий красиво гарцевать на коне...

И он заговорил о страданиях народа, о том, за что воюет советская власть. Как старший, справедливый брат стыдил он их за то, что поддались на белогвардейскую удочку:

— Вы могли думать, что великий русский народ, который создал все фабрики, который построил тысячеверстные железные дороги, у которого в руках дворцы и все богатства этого мира, — вы могли подумать, что этот

русский народ придет отнимать у вас эту землю...

Только опьяненная ненавистью голова может подумать, что английский купец из милости, из сожаления к вам посылает пулеметы и деньги. Нет, он посылает эти пулеметы для того, чтобы вас, дураков, связать крепкими цепями, а потом и нас — всю коренную Россию...

В заключение он сказал:

— Борьба отчаянная, момент острый. Вы должны продумать, за кем идти, и если вы решите, что ваше место с крестьянами и рабочими, то приходите, и вы будете приняты как товарищи...

Митинг принял резолюцию: «Мы до сего времени были обмануты царскими старыми слугами, которые силой гнали многих из нас в свою разбойничью шайку. Мы клянемся перед всем честным трудовым народом Советской России, перед лицом высшего представителя трудовой рабоче-крестьянской власти Председателя ВЦИК товарища Калинина, что отныне с оружием в руках пойдем рука об руку со всеми рабочими и крестьянами против богачей и кровопийц мира».

Семь дней провел Михаил Иванович в Оренбуржье. Своими глазами видел, как вступали в строй шахты и рудники, начинали дымить заводские трубы, оживали полумертвые паровозы. А самое главное — людские сердца загорались энергией, желанием быстрее ликвидировать разруху, построить новую жизнь.

Двадцать третьего октября в Москве, открывая очередное заседание ВЦИК, Калинин заявил, что считает своим долгом поделиться с присутствующим; впечатлениями и наблюдениями от четырех поездов; по стране.

— ...Самый беглый, самый поверхностный осмотр Российской Советской Республики и органов советской власти, — заявил он, — привел нас к полному убеждению, что в Российской Советской Республике сейчас происходит огромный процесс, который в провинции особенно ярко наблюдается, — это укрепление влияния советской власти и сознание ее необходимости в глубинных массах рабочих и, крестьян и даже в обывательской массе.

...На другой день Михаил Иванович отправился в свой пятый рейс по стране. На сей раз путь агитпоезда лежал снова на Южный фронт.

Здесь в это время Красная Армия начала решительное наступление против Деникина, 20 октября был взят Орел. 24-го конники Буденного, сверкая клинками, ворвались в Воронеж. В ноябре взвился красный флаг над Курском. Это были решающие дни гражданской войны.

В Воронеж поезд прибыл 3 ноября, а на другой день вместе с

политкомом — председателем ЦИК Украины Григорием Ивановичем Петровским Калинин выехал в направлении Землянска, где располагался штаб Буденного.

«Наша встреча, по-моему, — вспоминает С.М. Буденный, — была самая оригинальная, какая возможна только в боевой обстановке. С одного из передаточных пунктов связи телефонограммой сообщили, что в конный корпус едет сам Михаил Иванович. Тут же было отдано распоряжение выставить пост для встречи и караул. Все шло, как положено. Вдруг с одного из участков на взмыленной лошади прискакал боец и, торопясь, невпопад доложил, что наши задержали автомобиль с двумя штатскими, которых приведут сюда. Бойцу же было приказано скакать наперерез, чтобы предупредить штаб.

— Наверное, деникинские генералы, отставшие в Воронеже, — добавил он. — Переодевшись в штатское, они думают убежать.

Я не смог удержаться и рассмеялся,

— Это не старые генералы, а наши гости: товарищ Калинин к нам в армию приехал.

Боец оторопел, а виновник сего происшествия, Михаил Иванович, уже прибывший к этому времени, кусая усы, добродушно улыбался и своим взглядом говорил: «Правильно, так и надо, зато шпионы не подкрадутся».

С конниками Буденного Михаилу Ивановичу не пришлось долго побыть. После смотра войска Калинин в сопровождении караула, возглавляемого Олеко Дундичем, выехал в Воронеж. Но, как пишет Буденный, долго потом после посещения Михаила Ивановича конники рассказывали о нем бойцам корпуса. Они воочию убедились, что у власти в Советской республике стоят не богачи, а простые люди, трудящиеся.

В Воронеже сложилось крайне тяжелое положение с продовольствием. Калинин докладывали: даже раненые неделями не получают хлеба. Он тут же продиктовал приказ: губпродкому немедленно произвести поволостную разверстку среди сельского населения.

Так же, как и в предыдущие поездки, Калинин разъяснял решения партии и правительства, особенно среди крестьян.

Подробно объяснял, почему необходима продразверстка, просил понять, что мера эта временная. Она вынуждена суровыми условиями, в которых оказалась страна. Ему жаловались на спекулянтов, и он растолковывал терпеливо, что спекуляция — это только кажущееся благополучие. По существу же это разрушение государства, а те богатства, которые крестьянин заработает спекуляцией, в конце концов превратят его в нищего.

Возвращаясь из этой поездки, Калинин еще не знал, как высоко оценил Ленин его работу среди крестьян. 18 ноября, выступая на I совещании по партийной работе в деревне, Владимир Ильич сказал: «... Благодаря тов. Калинину работа в деревне получила значительный толчок. Крестьянин, несомненно, получил возможность более непосредственного сношения с Советской властью, обращаясь к тов. Калинину, который представляет в своем лице высшую власть Советской республики».

Позже Михаил Иванович вспоминал о своем разговоре с Лениным, состоявшемся после этой поездки:

«С обратной дороги являюсь к Владимиру Ильичу, а он быстро вбегает в комнату, потирает голову ладонью и весело смеется. «Ну, говорит, как? Швах дело?» Вижу, испытывает, с этакой подковырочкой подходит, а в глазах огоньки играют. «Нет, говорю, Владимир Ильич, положение на фронте крепче, чем когда бы то ни было. Все уверены в разгроме Деникина. Боевой дух высокий, нам нечего беспокоиться». Нужно было видеть, как Ленин радовался и горел. «Отлично, отлично, товарищ Калинин! Все ясно как божий день!»

К началу 1920 года с Деникиным было покончено. Но до Нового года Калинин со своим агитпоездом побывал еще и в Петрограде.

Петроград... При воспоминании о нем у Калинина становилось теплее на душе. Внимательно следил он за Петроградским фронтом, ни на минуту не сомневаясь в разгроме Юденича. Не раз говорил: «За Петроград я спокоен. Петроградские рабочие — это те рабочие, которые больше, чем кто-либо, положили свои головы за Советскую республику. Они отстают Петроград».

И они отстояли.

Пятого — девятого декабря состоялся VII Всероссийский съезд Советов, вновь избравший М.И. Калинина членом ВЦИК. На съезде Михаил Ивано-Бич предложил наградить Петроград за героическую оборону от Юденича боевым орденом Красного Знамени.

Двадцатого декабря М.И. Калинин вновь перешагнул порог Таврического дворца. Казалось, совсем недавно он слушал тут гневные обличительные речи депутатов-большевиков IV Государственной думы, а затем ленинские тезисы на апрельской конференции, голосовал за решения Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Совсем недавно...

Голос Калинина слегка дрогнул, когда, стоя на трибуне, он произнес:

— Товарищи, по поручению VII Всероссийского съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов вручаю боевое знамя с орденом Красного Знамени Петрограду, красному революционному

пролетариату города Петрограда...

Петроградский пролетариат привык знамена брать, а не отдавать. Армии, которые возымеют дерзость захватить это знамя, поплатятся своими знаменами. Это знамя на веки вечные водрузится здесь, и петроградский пролетариат будет высоко держать его перед всем миром.

Калинин побывал на некоторых заводах, и уж, конечно, на Путиловском.

Второго января он вернулся в столицу. Вернулся, чтобы через несколько дней снова окунуться в дорожную жизнь — жизнь, полную новых забот, тревог, радостей и огорчений.

ОТ ВОЙНЫ К МИРНОМУ СТРОИТЕЛЬСТВУ

На глазах всего мира происходило чудо. Оборванный, полуголодный народ — рабочие и крестьяне громили и гнали из своей страны отлично вооруженные и экипированные войска интервентов и белогвардейцев и одновременно поднимали из руин заводы и шахты.

Но страна все еще была голодной и разоренной. К тому же и новый враг не дремал. Собирали силы для похода на Россию польские империалисты. На юге готовил армию «черный барон» Врангель. Как могли, вредили советской власти остатки меньшевиков и эсеров.

В начале февраля 1920 года Калинин приехал в Иваново-Вознесенск. Познакомился, как и всюду, где приходилось бывать, с состоянием советской работы. 8 февраля выступил на собрании рабочих, а весь следующий день посвятил губернской конференции беспартийных крестьян.

На конференцию он пришел задолго до открытия, потолкался среди делегатов, поговорил с руководителями. Немного времени потребовалось, чтобы понять: тон здесь задают эсеры и значительная часть крестьян поддалась их влиянию.

Съезд открыл председатель Ивановского горсовета — старый рабочий. Затем стали выбирать президиум. В предложенном списке ни Калинина, ни председателя горсовета не оказалось. Но когда делегаты уже проголосовали, поступило предложение с места избрать в президиум Калинина. Михаил Иванович отказался войти в президиум и попросил слова.

— Как же это получается так? — спросил он. — Ваш съезд происходит в губернии, где по крайней мере семьдесят процентов населения составляют рабочие и крестьяне, работающие на фабриках. Да и собрались-то вы в помещении, которое вам гостеприимно предоставили рабочие организации. А вы не избрали представителя ивановских рабочих в свой президиум.

Инцидент накалил обстановку. По ходу дела пришлось перестроить доклад. Обрисовав международное и внутреннее положение страны, Калинин острие своего доклада направил против эсеров.

Как всегда, когда чувствовал перед собой враждебную аудиторию, он

говорил напористо, страстно:

«Возьмите крестьян. В течение многих веков боролись они за землю и волю. Эта борьба стоила очень больших жертв...

Крестьянин и рабочий — это два родных брата. Я сам являюсь крестьянином, но я не боюсь никаких «ужасов» коммунизма, о которых нашептывают нам враги народа. А мое хозяйство, пожалуй, не хуже, чем хозяйство многих из вас. И все-таки я за коммунизм, за прочный и нерушимый союз крестьян с рабочими. А вы вдруг испугались и выразили черную неблагодарность, грубое неуважение к одному из лучших отрядов российского пролетариата... А вы, представители иваново-вознесенских крестьян, забаллотировали представителя иваново-вознесенских рабочих...

Ведь если бы не рабочий класс, если бы он не вывел нас на новую дорогу, то мы, крестьяне, до сих пор оставались бы рабами помещиков и кулаков... И вот я думаю, товарищи, что после моей речи вы пересмотрите свое глубоко ошибочное решение и тем самым выбьете из рук врагов народа тот клин, который они стремятся вбить между рабочими и крестьянами».

Сердито поблескивая стеклами очков, Калинин сошел с трибуны. Председательствующий — эсер — пробормотал что-то, долженствующее оправдать невключение в список президиума представителя рабочих, но вынужден был поставить вопрос на голосование. Подавляющим большинством голосов съезд избрал в президиум и представителя рабочих и Калинина.

Но Михаил Иванович понимал, что сделано далеко не все. Трудно одной, даже самой яркой, речью разбить заблуждения, навеянные умелой эсеровской агитацией. Да и вожди эсеров, по всему видно, сдаваться не собирались.

В президиум поступил целый ворох записок, одна злее другой. Калинин отвечал обстоятельно и долго. Но все время чувствовал неудовлетворенность: главного еще не ухватил, что-то надо сказать такое, что одним махом положит конец всем неясностям. И вдруг... Вот оно наконец! С удовольствием прочел вслух записку: «А что дороже для советской власти — рабочий или крестьянин?»

— А что, — в свою очередь, спросил Михаил Иванович, — для человека дороже: правая или левая нога?..

Восторженная овация заглушила слова Калинина. Крестьянские делегаты оглушительно хлопали в ладоши. В их глазах Михаил Иванович прочитал доверие к себе, как представителю большевистской партии. Может быть, остались у людей еще неясные вопросы, но вражды уже не

было.

Теперь можно было смело вести их за собой и добивать эсеров, что Михаил Иванович и сделал.

— Все эти шептуны, которые рядятся в тогу крестьянских «благодетелей», обманывают вас, толкают вас на путь разрыва союза с рабочими, чтобы восстановить власть помещиков и капиталистов. Говоря между нами, я бы на вашем месте гнал их в шею, как врагов своих.

К чему зовут вас лжекрестьянские вожди? К использованию конъюнктуры, к спекулятивной продаже хлеба, к политической спекуляции, к ослаблению советской власти. Я задаю вам, крестьянам, вопрос: может ли на этих условиях существовать союз рабочих и крестьян? Ведь спекулировать можно не только хлебом, но и гвоздями, солью. Как вы думаете, кто будет в накладе от такой всеобщей спекуляции? Я думаю, и рабочий и крестьянин. А обогатится кучка тунеядцев.

Конференция затянулась до поздней ночи. Калинин неувовимо чувствовал, как изменилась атмосфера. Из натянутой, враждебной стала доброжелательной, деловой. Претензии к представителю рабоче-крестьянской власти еще оставались, но высказывались они по-другому — дружелюбно.

Конференция выразила полное доверие советской власти.

А на другой день вместе с делегатами Калинин ходил по фабрикам и заводам, знакомился с их работой.

Подозрительная возня на советско-польской границе показывала, что польские империалисты готовятся к нападению на Страну Советов. Все мирные предложения Советского правительства не дали результатов. Напротив, поляки расценили их, как слабость большевиков. 25 апреля польская армия перешла границу Советской республики и вскоре заняла Киев. Одновременно выступили дислоцировавшиеся в Крыму войска Врангеля.

Во второй половине мая Михаил Иванович на агитпоезде «Октябрьская революция» отправился по маршруту Орел — Харьков — Кременчуг — Умань — Екатеринослав — Лозовая — Павлоград. На Юго-Западный фронт.

Здесь, неподалеку от Киева, он снова встретился с войсками Первой Конной армии, переброшенной сюда с Южного фронта.

Встречаясь с бойцами одной из дивизий, Калинин Рассказывал о том, кто такие коммунисты и чего они Добиваются:

— Коммунисты... хотят, чтобы люди были все равны под этим ярким

солнцем, они хотят, чтобы каждый человек имел право на определенный кусок земли, на определенный труд...

Заглушая слова оратора, над полем пронесся самолет с красными звездами на крыльях. Все проводили его взглядом — «свой». Но минут через пять самолет возвратился и открыл пулеметный огонь по войскам. Замаскировался под своего, подлюга!

Бойцы вскинули винтовки. Треск ружейных залпов разорвал воздух. Запахло порохом, боем.

Калинин спокойно остался стоять на тачанке. Во всяком случае, так казалось окружающим. Между тем Михаил Иванович чувствовал себя неважно, или, как он сам потом вспоминал, был «в дурацком положении». «...Красноармейцы на коварство врага отвечают пулями... я же стою на чистом месте лишним человеком, и в кармане нет даже револьвера; спрятаться, кроме как под тачанку, некуда, но кто же позволит себе спрятаться на глазах целой дивизии? А между тем враг льет и льет свои пули, а ты беспомощно стоишь и ждешь, когда его прогонят. Положение не из важных».

Шесть-семь минут, пока вражеский самолет не скрылся за горизонтом, показались очень длинными. Но вот возбужденные перестрелкой бойцы вновь собрались вокруг тачанки. С уважением посматривали они на сугубо штатскую фигуру Председателя В ЦИК.

Калинин между тем откашлялся и как ни в чем не бывало продолжал речь:

— Коммунисты — сыновья великого трудового народа, они бойцы, которые поклялись перед всем трудовым народом или умереть, или добыть свободу. И эта свобода будет. Ни польские паны, ни английские лорды, ни американские фабриканты — никто не задушит миллионный народ, который хочет быть свободным и создал армию, которая непобедима.

В начале июня Первая Конная армия прорвала фронт белополяков, за ней двинулись в наступление все войска Юго-Западного фронта. К концу июля Красная Армия подошла к Варшаве...

Вернувшись в Москву, Михаил Иванович снова думает о поездке. На этот раз он направится на юг, в районы, освобожденные от белогвардейцев. Дон, Кубань — вот где необходимо побывать!

Выступив на I Всероссийском съезде трудовых казаков, Калинин выехал по задуманному маршруту.

На Дону и Кубани жестокою драму пережили семьи, члены которых служили в Красной Армии. В одной белоказаки расстреляли отца, в другой — сыновей, в третьей заперли до смерти мать... В некоторых станицах

деникинцы расстреляли не одну тысячу людей. Запомнилось крестьянское собрание в слободке Николаевке Таганрогского уезда. Крестьяне там в своем большинстве поддерживали советскую власть. Но большинство это было пассивно, не верило в свои силы и боялось высказать открыто симпатии к советской власти. А меньшинство — кулаки, попы, бывшие офицеры, чиновники, — эти кричали на всех перекрестках, что советская власть притесняет-де казачество, хочет отобрать у него землю, лишить вековых вольностей. Оно, это меньшинство, не только кричало, но и действовало... И создавалось впечатление, что все казаки недовольны новыми порядками.

Михаил Иванович разъяснял, что советская власть не собирается мстить казакам, попавшим под влияние белых, что теперь наступило равенство для всех национальностей, для мужчин и женщин, что надо решительно становиться на рельсы новой жизни.

Говорил Калинин, как всегда, просто и убедительно и видел, что крестьяне живо реагируют на его слова. Не всему еще верят, иногда посмеиваются, но слушают с интересом.

Летом Калинину довелось еще раз побывать в Петрограде. Во второй половине июля он вместе с Лениным выехал туда на открытие II конгресса Коммунистического Интернационала.

В Смольном водил делегатов по дворцу, показывал Актовый зал, знакомил с его историей. В тот момент, когда Михаил Иванович рассказывал, как Ленин провозгласил здесь советскую власть, в зал вошел сам Владимир Ильич. Все бросились к нему. Кто-то запел «Интернационал». Под сводами исторического зала впервые на разных языках прозвучал пролетарский гимн, ставший гимном первой в мире Республики Советов.

Девятнадцатого июля открылось заседание конгресса. Михаил Иванович приветствовал делегатов от имени рабочих и крестьян Советской России.

Потом с глубочайшим вниманием слушал доклад Ленина о международном положении и основных задачах Коммунистического Интернационала.

До конца 1920 года Калинин еще трижды выезжал по стране с поездом «Октябрьская революция». Побывал вновь на Дону и Кубани, посетил районы боевых действий Красной Армии против Врангеля.

В конце декабря состоялся VIII съезд Советов РСФСР. Это был съезд, на котором Ленин поставил задачу — перевести хозяйство страны, в том числе и земледелие, на новую техническую базу, на техническую базу современного крупного производства. Такой базой, говорил Владимир Ильич, является только электричество.

Именно на этом съезде Ленин выдвинул свою знаменитую формулу: *«Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны»*,

«Надо добиться того, — призывал он, — чтобы каждая фабрика, каждая электрическая станция превратилась в очаг просвещения, и если Россия покроется густой сетью электрических станций и мощных технических оборудований, то наше коммунистическое хозяйственное строительство станет образцом для грядущей социалистической Европы и Азии».

ТРУДНОЕ ВРЕМЯ

Кончилась гражданская война. Пока шла война, крестьянство еще кое-как мирилось с продразверсткой. Теперь никто мириться с ней не хотел. Да и самой советской власти разверстка была невыгодна, так как лишала крестьян стимула к развитию хозяйства.

Используя недовольство в деревне, зашевелилось кулачество. В Тамбовской губернии, на Украине, на Дону, в Сибири ему удалось подбить крестьян на восстание. Истомленные беспрерывными войнами и голодовкой, некоторые рабочие тоже высказывали недовольство. Кое-где на фабриках и заводах вспыхнули забастовки.

В стране начинался политический кризис, который надо было возможно скорее ликвидировать. Кризис отразился и на партии. Уцепившись за спорный вопрос о роли профсоюзов в построении социалистического общества, Троцкий навязал партии дискуссию. Он потребовал превратить профсоюзы в придаток государственного аппарата, отнять у них функции защиты материальных, бытовых и культурных интересов рабочих. Он предложил также военизировать труд рабочих, ввести военные методы на производстве.

Одновременно выступила и так называемая «рабочая оппозиция», один из руководителей которой, Шляпников, отрицал руководящую роль пролетарского государства и настаивал на том, чтобы подчинить государство профсоюзам, ликвидировав, таким образом, само государство.

Разброд и сумятицу, возникшие в связи с этим в головах многих коммунистов, разрешил Владимир Ильич Ленин. Профсоюзы, учил он, — «...это не есть организация государственная, это не есть организация принуждения, это есть организация воспитательная, организация вовлечения, обучения, это есть школа, школа управления, школа хозяйничания, школа коммунизма».

На ликвидацию кризиса в партии, на защиту ленинских идей встали верные соратники Владимира Ильича, среди которых был и Калинин. Начало 1921 года застаёт его в новой, ставшей уже привычным делом поездке с поездом «Октябрьская революция». Маршрут этой поездки — Украина и Северный Кавказ. Калинин выступает на партийных собраниях, разоблачает оппозиционеров.

Писатель Федор Гладков, живший в это время в Новороссийске, вспоминает, как обрадовались рабочие приезду Михаила Ивановича.

— Ну, приехал Калинин! — говорили они. — Теперь крышка всем горлопанам и анархистам!

Вечером в огромной железнодорожной столовой собралось более тысячи членов партии. Докладчиков трое: Калинин, защищающий ленинские положения, с другой стороны — троцкист и представитель «новой оппозиции». Всем дается по тридцать минут для доклада и по пятнадцать для заключительного слова. «С заключительным словом, — писала 9 февраля 1921 года газета «Красное Черноморье», — товарищ Калинин выступил последним и окончательно разбил своих противников, которые просили товарищей рабочих не обращать внимания на имена, авторитеты и прочее, но товарищ Калинин, несмотря на это, все-таки полагает, что иногда полезно обращать внимание и на имена, так как мы знаем, что часто многие из наших товарищей ошибаются, а товарищ Ленин ни разу не ошибался, и лучше будет, если мы пойдем за ним и на этот раз. Гром аплодисментов покрыл последние слова товарища Калинина. При голосовании, ввиду невозможности произвести точный подсчет голосов такого многочисленного собрания, предложено было сторонникам тезисов товарища Ленина отойти в левую сторону, сторонникам тезисов Троцкого — в правую, а тем, кто за тезисы Шляпникова, остаться в середине. В результате почти вся масса присутствующих двинулась влево, и лишь незначительное количество осталось в середине, и совсем мало пошло вправо...

Собрание закончилось в два часа ночи могучим и стройным пением «Интернационала».

В дискуссии, как правило, всюду побеждала ленинская точка зрения. Лишь в немногих парторганизациях оппозиции удалось собрать большинство голосов. Подвести итоги обсуждению должен был X съезд партии, открытие которого намечалось на первые числа марта.

В это время пришло известие о мятеже в Кронштадте.

С тех пор, как там последний раз побывал Калинин, состав кронштадтских моряков значительно обновился. Старые моряки, преданные советской власти, закаленные в боях за революцию, ушли воевать на фронты гражданской войны. Новое пополнение, молодые моряки были плохими политиками. Они быстро попались на удочку эсеров и белогвардейцев, развивших бешеную агитацию против продразверстки. Продразверстка — это был для крестьян наболевший и острый вопрос. Главари мятежа не призывали к свержению советской власти. Они истерично кричали: «Мы за Советы, но без коммунистов!»

Партия срочно направила в Кронштадт нескольких членов

правительства и в их числе Михаила Ивановича Калинина. Вместе с ним отправилась Екатерина Ивановна. До Ораниенбаума они доехали поездом, затем пересели на лошадей и вскоре были в мятежном городе.

После беседы с руководителями большевиков Калинину стало ясно, что мятеж предотвратить не удастся, слишком далеко зашло дело, слишком поздно браться за это. Но попытаться надо было. На следующий день намечался митинг, и Калинин решил участвовать в нем.

Первого марта более пятнадцати тысяч матросов и штатских заполнили Якорную площадь — знаменитую Якорную, сыгравшую огромную роль в судьбе Великой Октябрьской социалистической революции. Михаил Иванович стоял на трибуне перед лихорадочно бушующим сборищем. Рядом с ним, крепко сжав от волнения руки в карманах пальто, — Екатерина Ивановна. Шум толпы действовал на нее угнетающе, порой казалось, что все кончено... Из толпы летели угрозы, оскорбительные возгласы. И чем сильнее бушевали изменники, тем спокойнее становился Калинин. Глядя на него, вдруг успокоилась и Екатерина Ивановна.

Калинин попытался начать говорить, но гвалт усилился. Наконец удалось сказать несколько слов, и толпа, ожидавшая, что представитель верховной власти начнет уговаривать их, замолкла, услышав, что он спокойно и просто заговорил о трудностях, которые принесла война, о разрухе в стране, о том, что делает Советское правительство, чтобы улучшить положение трудящихся. Екатерина Ивановна видела, какими серьезными становятся лица слушателей, как внимательно ловят они каждое слово оратора.

Главари мятежа шныряли по толпе, время от времени выкрикивали:

— Брось, Калиныч! Ты небось три оклада получаешь!

— Ты нас баснями не корми.

— Хлеба давай!

После одной из таких реплик Михаил Иванович воскликнул, обращаясь к присутствующим:

— Это говорит не рабочий, не трудящийся, который делал революцию. Это говорит тот, чья дубинка ходила по вашим спинам. Не давайте себя обмануть, товарищи! Если только победит контрреволюция, то тот, кто сейчас требует хлеба, будет вырезать ремни из вашей кожи.

Главари — меньшевики и эсеры, — испугавшись перелома в настроении моряков, не дали Калинину закончить речь. Они заявили, что из Петрограда приехала рабочая делегация, которая срочно хочет сообщить что-то собравшимся.

На трибуну поднялась подтасованная предателями «делегация». Один из «делегатов» прочитал резолюцию, принятую якобы на рабочих собраниях Петрограда.

Возмущение клокотало в сердце Калинина. Ясно было, что никаких резолюций петроградские рабочие не принимали, что все это обман, фальсификация.

С горечью смотрел он, как большинство голосовало за контрреволюционную резолюцию. Тогда он снова заговорил. И такая сила чувствовалась в его словах, что площадь замерла. Даже последние ряды разбирали каждую фразу.

— Сегодня Балтийский флот хоронит свое славное революционное прошлое. Будущее поколение мне не предъявит счета за измену революции, а вам — предъявит. Ваши сыновья и дочери будут проклинать вас за сегодняшний день, за этот час, за то, что своими собственными руками сегодня вы предаете рабочий класс.

Екатерина Ивановна стояла потрясенная. Она слушала эти слова, которые падали в толпу, как Удары молота. И под этими ударами опускались головы, потуплялись взоры...

К вечеру Калинин с женой на лошадях выехали из Кронштадта. Удалось это не сразу. Мятежники выставили на заставе свой пост, который потребовал у Председателя ВЦИК пропуск от штаба мятежников.

Пришлось вернуться в Совет. Лишь после долгих переговоров последовало «милостивое» разрешение на выезд. На самом же деле мятежники просто не решились задержать Калинина.

Вернувшись в Москву, Калинин сразу же окунулся в атмосферу подготовки к X съезду партии. Съезд созывался, в частности, для рассмотрения вопроса о замене продразверстки продналогом. Этот вопрос особенно волновал Калинина. Он хорошо знал: крестьянин лишь тогда будет улучшать и расширять свое хозяйство, когда увидит, что государство отбирает у него не все излишки, как это делалось по продразверстке, а только часть их, чтобы остальную часть иметь возможность продать на рынке.

Калинину ясно было, что это не лучший выход из положения. Почему? Да потому, что продналог открывал свободу торговле, а следовательно, способствовал росту кулачества, оживлению капитализма.

Но Михаил Иванович был полностью согласен с Лениным, который считал, что опасность для советской власти тут не очень велика. Ведь командные высоты народного хозяйства — фабрики, заводы, шахты, банки, транспорт, земля, — все это оставалось в руках государства. Вот почему

Калинин с радостью голосовал за одобрение ленинского предложения — рекомендовать правительству немедленно заменить продразверстку продналогом.

Съезд закончился 16 марта. В этот же день на Пленуме ЦК Михаил Иванович был избран кандидатом в члены Политбюро ЦК РКП (б).

Вскоре пришло известие о разгроме мятежа в Кронштадте. Армия под командованием М.Н. Тухачевского наголову разбила мятежников и восстановила в городе советскую власть. В боях участвовало около трехсот делегатов X съезда партии, мобилизованных прямо со съезда.

После съезда партии сначала сессия ВЦИК, а потом и Президиум рассмотрели проект закона о замене продразверстки продналогом, внесенный Калининым. 23 марта постановление ВЦИК было опубликовано. Теперь надлежало возможно быстрее провести его в жизнь. Этой задаче Михаил Иванович и подчинил свою деятельность.

Однако испытания молодой республики еще не кончились. Бесснежная зима 1920/21 года, сухое, безоблачное лето привели к засухе. В июле страшный голод обрушился на многие районы страны и прежде всего на Поволжье.

К осени 1921 года свыше двадцати миллионов жителей России голодало.

Восемнадцатого июля ВЦИК образовал Комиссию помощи голодающим. Председателем комиссии был назначен Михаил Иванович Калинин.

Комиссия сразу же обратилась к рабочим и крестьянам России с призывом помочь голодным районам. На местах возникли комиссии Помгола. Со всех концов страны начало приходить продовольствие и денежные средства. Откликнулись и зарубежные деятели.

Одним из первых был великий норвежский полярный исследователь Фритьоф Нансен. Как верховный комиссар для помощи Поволжью (такой пост был установлен Международным Красным Крестом) Нансен приехал в Москву. В своей приемной на Воздвиженке Калинин тепло встретил этого замечательного человека. Нансен выразил желание побывать в голодных районах. Калинин посоветовал отправиться в Саратовскую и Самарскую губернии.

Картины голода поразили Нансена. Вернувшись на родину, он приложил титанические усилия, чтобы заставить правительства капиталистических стран и отдельных богачей раскошелиться в пользу голодающих. Но ему мало что удалось сделать. Правительство

Великобритании не дало ни копейки. Отказался помочь и Совет Лиги Наций. Зато почти все свои деньги Фритъоф Нансен отдал для помощи голодным.

На IX Всероссийском съезде Советов Калинин отметил огромную помощь великого норвежца, и по его предложению съезд направил Нансену грамоту, в которой говорилось: «Русский народ сохранит в своей памяти имя великого ученого, исследователя и гражданина Ф. Нансена, героически пробивавшего путь через вечные льды мертвого Севера, но оказавшегося бессильным преодолеть безграничную жестокость, своекорыстие и бездушные правящих классов капиталистических стран».

13 августа 1921 года Михаил Иванович с группой представителей различных наркоматов выехал на своем поезде «Октябрьская революция» в районы Поволжья. Картины голода были ужасны.

В селе Вязовая-Гай Смоленской губернии крестьяне жаловались:

— От недоедания помираем.

— Все кости пообъедали, все деревья, колосья пообщипали.

— Надежды к посеву никакой, кроме как поддержка от правительства.

Чем утешить этих людей? Калинин сказал, что с будущей недели начинается распределение семян и самарцы получают свою долю. Голод — страшная вещь, но он обязывает бороться.

Бородатый крестьянин заметил:

— Все равно конец...

— Ну да, если опустить руки, тогда лучше утопиться в вашей речке.

— Идешь работать, — продолжал крестьянин, — и руки опускаются.

Калинин просто сказал:

— Я знаю, я в восемнадцатом году голодал... Всякую дрянь ели, очистки картофеля — все это было... Но опускаться нельзя. Это все равно что в холодные дни, когда вы идете в метелицу, когда захватывает вьюга зимняя, у вас является желание лечь. Кто ложится, тот умирает, а кто идет, выбиваясь из сил, тот выживает.

Чувствовал, что надо пообещать что-то конкретное, но что? Сказал, что назначено Самаре миллион пудов.

С места закричали:

— Но это совсем мало. Калинин ответил:

— Я предпочитаю меньше обещать, чем дать... Миллион, думаю, будет наверное, даже при неблагоприятных обстоятельствах... Не только Самарская — двенадцать губерний голодают.

И крестьяне хорошо поняли его. Когда прощались, один из стариков поклонился и сказал:

— Спаси бог за чистосердечные слова, за то, что не обещал того, что нельзя сделать...

Вернувшись из поездки, Михаил Иванович с головой ушел в работу Помгола. Работа была трудная и сложная, требовала умелой и четкой организации дела. Калинин привлек к ней людей проверенных.

Здесь был и старый знакомый Калинина — Петр Смидович — тот самый, с которым в 1910-м работали на Миусской подстанции, были представители ВЦСПС и Наркомпрода. Все вместе рассматривали и обсуждали проекты и постановления, каждый из которых требовал огромной предварительной работы, согласования с различными ведомствами. Лишь после того, как все вопросы становились ясны, Калинин выносил проект на утверждение ВЦИК и Совета Народных Комиссаров. Решались вопросы о планомерном выселении из голодающих районов, об обеспечении этих районов семенным материалом, о содействии работе американской администрации помощи. Эта организация сокращенно называлась АРА. Своей деятельностью она преследовала прежде всего цели шпионажа и оживление антисоветских настроений, но, поскольку наряду с этим АРА вынуждена была оказывать продовольственную помощь, ВЦИК разрешил ей открыть свои отделения в России.

На 1 января 1922 года в стране насчитывалось свыше пятнадцати миллионов голодающих. Со всех концов страны летели сообщения о массовом вымирании деревень.

В начале февраля 1922 года Владимир Ильич Ленин посоветовал Калинину очередную поездку с поездом «Октябрьская революция» совершить на Украину. В этих районах, где дело с продовольствием обстояло сравнительно благополучно, надо было усилить работу по сбору хлеба.

Седьмого февраля Калинин выехал из Москвы в Харьков, откуда вместе с Григорием Ивановичем Петровским, ставшим в то время председателем ЦИК Украины, отправился в направлении Полтавы. Всюду, куда бы они ни приезжали — в Полтаве, Миргороде, Белой Церкви, Одессе, Житомире, — люди внимательно слушали их и обещали помочь голодающим.

— Хотя и самим туго приходится, голодающим поможем.

И помогали. Только в Киевской губернии было собрано более девяноста тысяч пудов зерна, шестьсот пятьдесят два пуда сахара, тысячи пудов других продуктов, два с половиной миллиарда рублей деньгами.

В мае 1922 года, открывая III сессию ВЦИК IX созыва, Михаил

Иванович мог доложить, что «около 10 миллионов населения вырвано из рук голодной смерти и, может быть... несколько миллионов сделаны работоспособными или сохранены работоспособными членами нашей Советской республики».

«...Работники на фронте Помгола, — писал впоследствии Михаил Иванович, с горечью вспоминая тяжелые месяцы голода, — безусловно, вложили свою частицу в будущее коммунистическое братство народов».

К 1922 году все больше стабилизировалось положение Советской республики. Весной в Рапалло (Италия) был заключен советско-германский мирный договор.

Германское правительство назначило своим послом в СССР графа Ульриха Брокдорфа-Ранцау. Это был один из наиболее блистательных дипломатов Европы, прославивший свое имя тем, что, будучи главой германской делегации, уполномоченной в 1918 году вести переговоры с союзниками, отказался признать условия Версальского договора и демонстративно подал в отставку.

Калинин принял его в Кремле, в своем обычном черном костюме, приветливо и просто улыбаясь.

Граф же волновался невероятно. «Высокий, мраморно-твердый воротник его совсем размок, — писал советский журналист М. Кольцов. — Он сделал Председателю ЦИК старинный прусский реверанс, какие сейчас признаны излишними даже при буржуазных церемониях. И с особым, подчеркнутым почтением, придавая торжественный смысл каждому слову, произнес Михаилу Ивановичу официальный текст приветствия».

— В чем дело, какова причина столь невероятного вашего волнения? — спросили его после приема. — Вы не бледнели перед королями в мантиях. Отчего же такое волнение перед Калининым в пиджачке?

По свидетельству того же М. Кольцова Брокдорф-Ранцау ответил буквально следующее:

— Да, я стоял перед королями и, что еще хуже, перед победившим Клемансо. Но Калинин в пиджачке, рабочие и крестьяне, сидящие в Калининне, управляющие своей страной так смело и независимо, — это самая большая сила, перед лицом которой мне приходилось становиться за свою жизнь.

НА ПОСТУ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ЦИК

В начале сентября 1922 года Михаил Иванович навестил жившего в Горках Ленина. Он не видел Ленина почти все лето, и теперь ему показалось, что Ильич постарел и осунулся. Тяжелая болезнь подточила его силы. Тем не менее он оживленно расспрашивал Калинина, как там, «на воле», и Михаилу Ивановичу приходилось сдерживать себя, чтобы не заговорить о делах, о вопросах, которые могут взволновать Владимира Ильича.

В числе вопросов, особенно беспокоивших Ленина, был вопрос о дальнейших взаимоотношениях РСФСР с другими советскими социалистическими республиками. На территории бывшей Российской империи насчитывалось к тому времени, кроме РСФСР, пять республик: Украинская, Белорусская, Грузинская, Азербайджанская и Армянская. Последние три входили в ЗСФСР. Кроме того, были еще две народные республики — Хорезм и Бухара. Отношения РСФСР с ними регулировались посредством, договоров о хозяйственном, политическом и военном сотрудничестве, однако жизнь требовала более тесного хозяйственного сближения.

От того, какие формы примет это сближение, зависело очень многое, зависела сама крепость будущего многонационального государства.

Ленин надеялся, что ему удастся выступить на X Всероссийском съезде Советов с докладом об объединении республик. Но этим надеждам не суждено было сбыться: 16 декабря новый приступ болезни надолго приковал его к постели.

В день открытия Всероссийского съезда Советов — 23 декабря 1922 года — Ленин почувствовал себя несколько лучше. Он вызвал секретаря и продиктовал то, что с некоторых пор очень волновало его. Эта записка, адресованная очередному съезду партии, вошла в историю под названием «Письмо к съезду». Оно, как и многие другие письма вождя, продиктованные им в период до 4 января 1923 года, было обнародовано лишь в 1956 году, после XX съезда партии.

Диктовать было очень трудно. Ленин не привык к подобной работе. Прежде он всегда писал свои заметки, письма, труды сам, без чьей-либо помощи. К тому же врачи разрешали ему диктовать очень недолго. Приходилось мобилизовать всю волю, чтобы, преодолевая боль и недомогание, успеть в определенный срок высказать свои мысли.

Он диктовал стенографистке все, что думал о сохранении единства партии, об укреплении государства, о тех, кто стоял тогда у руля правления, кто после него должен был встать во главе партии и государства. В числе других он много думал о Сталине.

Двадцать четвертого он записал, что не уверен, сумеет ли Сталин осторожно пользоваться своей властью Генерального секретаря ЦК партии, а через несколько дней высказался более категорично: «..Я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на его место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д.».

На X съезде Советов Ленин не смог присутствовать. Однако и Калинин и делегатам было известно, что Ильичу стало лучше, поэтому настроение у всех было приподнятое и торжественное.

При обсуждении вопроса о взаимоотношениях советских республик Михаил Иванович подчеркнул лишь то, что считал главным в ленинской идее федерализма, что настоящий съезд не может подменить собой общесоюзный. После окончания работы этого съезда будет созван Учредительный съезд делегатов независимых советских социалистических республик. А в заключительном слове он сказал:

— Мы видим, как уже поднимается новое Красное знамя Союза Советских Республик. Я вижу, товарищи, стяг этого знамени в руках товарища Ленина. Итак, товарищи, вперед, поднимайте выше это знамя, чтобы его могли видеть все трудящиеся и угнетенные мира!

Присутствовавшие в зале в качестве гостей представители советских республик бурно аплодировали «всероссийскому старосте».

На следующий день Михаил Иванович руководил конференцией полномочных делегаций РСФСР, УССР, ЗСФСР и БССР, обсуждавшей декларацию и союзный договор об образовании СССР. А 30 декабря он вновь пришел в Большой театр, где в 12 часов 45 минут старейший член ВЦИК Петр Гермогенович Смидович провозгласил открытие I съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик.

В этот же день Михаил Иванович был избран Председателем Центрального Исполнительного Комитета СССР. Председателем Совета Народных Комиссаров СССР стал Владимир Ильич Ленин.

Почти весь 1923 год Калинин снова был в разъездах. В январе он

побывал в Орехово-Зуеве, на праздновании 38-й годовщины Морозовской стачки, в марте несколько дней провел в Баку. Едва успев вернуться в Москву, принял приглашение рязанских коммунистов на губернскую партконференцию.

В мае вместе с командующим Северокавказским военным округом К.Е. Ворошиловым Калинин выехал на Северный Кавказ. Как и всегда в поездках было много встреч, выступлений, митингов.

17 апреля 1923 года открылся XII съезд партии — первый послеоктябрьский съезд, проходивший без Ленина. Посланцы партии собрались, чтобы обсудить отчет ЦК, вопросы развития промышленности, национальной политики и др. Калинину было поручено выступить на съезде с содокладом о налоговой политике в деревне.

Михаил Иванович сделал этот доклад, выразив в нем все, что он думал насчет облегчения положения крестьян. Доклад был небольшой, но емкий по содержанию.

Съезд решил объединить все государственные прямые налоги — продналог, подворно-денежный, трудгужналог — в один прямой сельхозналог. При этом основная налоговая тяжесть возлагалась на зажиточных крестьян, а некоторые беднейшие крестьяне от налога освобождались вовсе.

По поводу этого доклада Калинина газета русских эмигрантов «Дни» разразилась ядовитым фельетоном, где назвала Калинина, а заодно и Петровского «искусственными мужичками». «... г. Калинин, — писала газета, — как-никак президент, а не комиссар финансов, не финансовый «спец», и как будто не особо умудрен в финансовых делах. Почему же именно ему, президенту, свыше — в Политбюро — было приказано выучить шпаргалку с цифрами и выступать по бюджету!»

Михаил Иванович решил ответить. 8 июля в «Известиях» появилась его статья «Разговор по душам». «Могу уверить интеллигентов-эмигрантов, — писал он, — что доклад является моим индивидуальным творчеством, и я не ставлю себе в особую заслугу его составление. Я впервые узнал ценность этого доклада только прочитавши статью Маркова в белогвардейских «Днях», ибо политика учит: коль скоро враги ругают, значит вышло недурно».

Значительную часть рабочего времени Михаила Ивановича занимали заседания ЦИК, ВЦИК, сессии исполнительных комитетов, различных комиссий. Приходилось вникать в существо самых разнообразных вопросов. Особенно глубоко Калинин занимался работой

сельскохозяйственной комиссии ВЦИК, которую сам и возглавлял. Комиссия под его руководством готовила Первую Всероссийскую сельскохозяйственную и кустарно-промышленную выставку 1923 года. Михаил Иванович знал, что Ленин, несмотря на болезнь, чрезвычайно живо интересуется выставкой. Вскоре после встречи с Калининым в Горках, еще 14 ноября 1922 года, Владимир Ильич прислал приветствие сельскохозяйственной выставке. «Придаю очень большое значение выставке, — писал он, — уверен, что все организации окажут ей полное содействие. От души желаю наилучшего успеха».

Выставка должна была демонстрировать политические и хозяйственные успехи страны и содействовать смычке рабочего класса и крестьянства. После образования СССР выставка была объявлена Всесоюзной.

Открытие ее состоялось 19 августа 1923 года. Павильоны, а их насчитывалось около двухсот, были размещены возле Крымского моста, на месте бывшей свалки, там, где сейчас Парк культуры и отдыха имени Горького. На открытии Калинин не присутствовал: он еще не вернулся из своей очередной поездки — на Дальний Восток. Возвратился он в конце августа и вплоть до закрытия регулярно бывал на выставке. Вместе с А.В. Луначарским, Н.А. Семашко, С.М. Буденным Михаил Иванович участвовал там в диспутах и митингах.

Во второй половине октября по дороге из Горок в Москву сюда заезжал на несколько часов и Владимир Ильич Ленин.

Больше месяца заняла у Калинина поездка на Дальний Восток. Этот край был освобожден от интервентов и белогвардейцев меньше года назад. К концу октября 1922 года части Красной Армии, начавшие наступление еще в феврале под Волочаевкой, заняли Владивосток и вышли к берегам Тихого океана. Калинин ехал к местам, где совсем недавно гремели сражения. Сначала Чита, потом Благовещенск, Свободный, Хабаровск и, наконец, Владивосток.

Во Владивостоке местное купечество настойчиво потребовало приема. На встрече с представителями купечества Калинин долго слушал высокопарную, речь одного из них, в которой выражалась радость по поводу того, что наконец-то Россия обрела сильное правительство.

— Чем могу быть полезен? — не выдержав, перебил его Калинин. — Есть у вас ко мне какое-нибудь конкретное дело?

Оказалось, что богатеи волнует недавно проведенная муниципализация домов. Она-де просто невыгодна для города.

Михаил Иванович терпеливо объяснил, что социалистическая революция не может исходить в своих актах лишь из соображений непосредственной выгоды. Экономически муниципализация, может быть, пока и невыгодна, но политически смешно ведь, с точки зрения трудящихся, оставлять в руках представителей враждебного класса столь значительный капитал, если он может и должен принадлежать всему населению СССР.

Купцы оказались неглупыми людьми и согласились с Калининым. Видно, и без того дела у них при нэпе шли не худо.

Перед отъездом из Владивостока Михаил Иванович побывал в деревне Петровке. Добираться туда было трудно. Деревня находилась по ту сторону Уссурийского залива. Переправились на небольшом миноносце, затем пересели на лошадей и с час ехали по грязной, глинистой горной дороге, по краям которой неширокой полосой тянулись засеянные пшеницей и чумизой поля.

Шел дождь, и митинг пришлось проводить в школе. Народу набилось — не продохнуть! Желающих выступить оказалось много, и почти все жаловались на житье-бытье. Но Калинин видел, что живут тут неплохо, во всяком случае лучше, чем в Центральной России, а жалуется лишь для того, чтобы хоть что-нибудь выклянчить. Этим жалобам он не придал значения и с радостью выслушал выступление крестьянина Василенко. Тот говорил, как выйти из бедности, где искать выход.

— Мне кажется, что из этого положения выход есть, выход и форточка давно открыты — это кооперация и объединение, но у нас настолько косностью поражено все местное население, что на организацию кооперации и артели ни у кого еще нет желания: каждый думает только о себе, а перейти на новый принцип жизни артелью не решается. Здесь слышатся и жалобы и стоны, но кто может помочь? Никто. Это зависит от нас. Мне кажется, самое верное — рыбная ловля, возделывание риса не каждому в отдельности со своей сошкой, а объединившись в артель.

Калинин во время этой поездки увидел своими глазами, что советская власть становится родной и близкой крестьянину, что он все крепче связывает с нею свою судьбу, все яснее понимает необходимость прочного союза с рабочим классом.

Десятого октября, выступая на открытии Первой международной крестьянской конференции, Михаил Иванович заявил, что ныне у нас вопрос стоит уже не о союзе рабочих с крестьянами, а о смычке, которая подразумевает полную спайку, полное солидаризирование их интересов.

В это время против партии снова поднял свой враждебный голос

Троцкий.

Троцкий выбрал очень удачный момент для очередной атаки на партию. Ленин лежал больной и; не принимал непосредственного участия в руководстве партией и государством. И Троцкий объявил борьбу Центральному Комитету партии. Он стремился взять руководство партией в свои руки и проводить политику, которая в конечном счете привела бы к восстановлению в стране капиталистического строя.

Но Троцкий и здесь просчитался. Единственное, чего он добился, была еще одна дискуссия, которая снова отвлекала партию от задач мирного строительства. И опять троцкисты в этой дискуссии были разгромлены. Парторганизации Питера и Урала, Баку и Украины дали дружный отпор их измышлениям.

Михаил Иванович Калинин, только что вернувшийся из поездки по Башкирии и Самарской губернии, выступил на собрании партийного актива Москвы, беспощадно разоблачив Троцкого. Московские коммунисты по его предложению резко осудили фракционную борьбу против партии.

XIII конференция РКП (б), делегатом которой был и Калинин, подвела итоги дискуссии, охарактеризовав вылазку троцкистской оппозиции не только как попытку ревизии большевизма, отход от учения Ленина, но и как явный мелкобуржуазный уклон.

18 января 1924 года конференция закончила свою работу, а 19-го начал свою работу XI Всероссийский съезд Советов, созванный для обсуждения докладов Наркомзема и Наркомтруда. Открывая съезд, Калинин первое слово обратил к Ленину.

— Пусть наше слово, — говорил он, — наш единодушный возглас, наше самое искреннее пожелание о скорейшем выздоровлении Владимира Ильича послужат ему поддержкой в его тяжелой борьбе с недугом.

Съезд работал и 19-го, и 20-го, и 21-го до самого вечера. А вечером телефон донес из Горок страшную весть: Ленин умер...

Через час Калинин вместе с другими руководителями партии и государства на автосанях выехали в Горки.

Мороз. Притихший, окутанный снегом дом. В доме — Ленин. Он лежит как живой. Только цветы вокруг напоминают: он умер... Окаменев от горя, сидит возле дверей комнаты Крупская. Рядом с ней Мария Ильинична — Маняша, как ласково называл ее Ильич.

Нет Ильича... Как жить без него? И не стыдно вовсе, что по щеке сползает слеза. До утра просидел Калинин, глядя на спокойное, невероятно спокойное лицо вождя.

А утром из дому вынесли красный гроб. Пять верст несли его по снежному полю до станции, откуда Ильичу предстояло совершить свой последний путь в Москву.

В этот день Калинин выпала тяжелая доля по праву председательствующего известить делегатов съезда Советов об огромном горе, постигшем страну.

Он чувствовал, как глаза заволакивает предательская туманная пелена. Сказал тихо, но в зале его услышал каждый:

— Товарищи, я должен сообщить вам тяжелую весть...

В напряженной тишине звучали простые слова:

— Я думаю, самая главная и основная задач; стоящая перед нами, — это сохранить завоевание главным творцом которых был Владимир Ильич.

ПЕРВЫЕ ГОДЫ БЕЗ ЛЕНИНА

И съезд Советов проходил без Ленина. «...Его мысли, — говорил Калинин, открывая заседание, — его заветы борьбы за коммунизм являются нашими мыслями, нашими заветами, и перед лицом тяжелой утраты величайшего, любимейшего вождя мы все должны удесятерить свои силы в борьбе за достижение коммунизма — конечной цели рабочего класса».

По предложению Михаила Ивановича съезд принял постановление о переименовании Петрограда в Ленинград.

Приближалась дата очередного, XIII съезда партии. Калинин было поручено выступить с докладом о работе в деревне.

Тесная связь с народом, знание его нужд и чаяний всегда отличали Калинина. В этом была его сила как государственного деятеля. И сейчас, готовясь к докладу, он решил еще раз посмотреть, о чем думает, чем живет деревня.

Наблюдая жизнь крестьянства на местах, сопоставляя и анализируя материалы своей приемной, Калинин видел, что ленинская политика крепкого союза с середняком оправдывает себя на деле. Он видел также, что перед страной в качестве одной из основных задач встает задача сплочения бедняков и середняков вокруг рабочего класса и вовлечение их в социалистическое строительство.

После майских праздников он отправился в Сибирь. Крестьяне м села Кэменка Ново-Николаевской губернии он объяснял:

— ...Главная причина, почему я приехал сюда: скоро будет съезд партии, и я должен делать доклад о работе в деревне и в соответствии с этим прикинуть, как решение съезда дальше согласовать с интересами крестьян.

В докладе на XIII съезде партии Калинин отметил, что по мере увеличения благосостояния крестьян растет влияние середняцких и кулаческих слоев. Беднота же, стремясь вырваться из тенет кулака, организуется в коммуны, кооперируется во всевозможные артели.

На местах, говорил он, идут напряженные поиски форм коллективной работы и коллективного сожителства. Все прежние опыты Оуэна кажутся микроскопическими и смешными перед грандиозной работой, которая проделана нашими коммунами.

В Калужской губернии ряд коммун существует на основе

коллективной обработки земли, но прибыль каждый член расходует индивидуально. А в Ново-Николаевской губернии есть коммуна «Красный Октябрь», где хоть семьи и живут по отдельным домам и комнатам, но питаются сообща.

Где лучше? Пока сказать трудно. Партийные организации должны изучать опыт организационных форм на местах и делать свои выводы.

Современный быт деревни, продолжал Михаил Иванович, нельзя изменить административными мерами. Работа партии должна быть направлена на всемерное увеличение товарности сельского хозяйства, организацию дешевого кредита для крестьян и в конечном счете на кооперирование крестьянства.

Два-три года спустя он выскажется более ясно об организационных формах коллективизации. В докладе на IV съезде Советов СССР он скажет, что коллективное развитие крестьянских хозяйств должно идти именно в области производства, а не в области коммунизации быта и жизни. При этом, разумеется, никакого принуждения со стороны органов власти не должно быть. Лишь добровольное объединение крестьян даст положительные результаты в деле коллективного строительства.

На данном же этапе Калинин считал: задачи в деревне состоят в том, чтобы всемерно увеличивать товарность сельского хозяйства, широко организовать дешевый кредит для крестьян, всячески поощрять кооперирование.

На XIII съезде партии в каждой делегации было прочитано ленинское «Письмо к съезду». Делегации отметили, что Сталин много сделал для революции, что он ведет умелую и действенную борьбу с разными антипартийными группировками и прежде всего с троцкистами. Учитывая все это, делегации высказались за то, чтобы оставить Сталина на посту генерального секретаря ЦК партии, но предложили ему учесть критику Ленина и сделать из нее необходимые выводы.

Калинин был согласен с такой точкой зрения. Он ясно понимал, что в условиях, когда троцкисты всю силу своих нападков сосредоточивают на Сталине, как на защитнике ленинских идей, освобождение его с поста генсека могло только повредить партии и ее борьбе за построение социализма в СССР.

Не знали тогда делегаты съезда, что Сталин, обещав исправить свои недостатки, не сделал все-таки надлежащих выводов из критических замечаний Ленина. Как показали дальнейшие события, он не оправдал доверия съезда.

Кончен съезд. И снова Калинин окунается в гущу разнообразных дел: руководит расширенной комиссией ЦИК СССР по выработке текста Конституции, участвует в работе комиссии по работе в деревне при ЦК РКП (б), готовится к докладу «Ленинизм и Коминтерн» на заседании V Конгресса Коммунистического Интернационала.

Как и всегда, больше половины времени Калинин проводит в поездках. До конца года он побывал в Ленинграде, Вотской области, на X Оренбургской партконференции. А в следующем, 1925 году посетил республики Средней Азии и Закавказья.

Поездка в Среднюю Азию была предпринята в связи с созданием Узбекской и Туркменской союзных республик.

Поезд мчался среди оренбургских степей, пустынных и бесконечных. Каждая станция на таком однообразном пути — событие. Здесь и людный поселок, и базар, и дома. Все это сосредоточивается вокруг станции, и невольно напрашивалась мысль: приостановись движение поездов — ив десятков лет пустыня своими песками скроет и предаст забвению работу человека на вечные времена.

И вдруг после пустыни — огромный, красивый Ташкент, город хлебный. Многотысячная радостная встреча. Живописные восточные одежды, фантастически нелепые паранджи на лицах женщин. Потом поездка по городу, по широким, обсаженным тополями улицам. Небольшие одноэтажные дома, скрывающиеся в зелени. А рядом, будто другой мир, — узенькие улочки, где с трудом разъезжаются два извозчика, бесконечные тихие тупики, по обе стороны которых тянутся глинобитные стены с нишами для пешеходов, куда они прячутся от проезжающих экипажей. Молодая культура Запада соединяется с тысячелетней культурой Востока.

Калинин побывал и во многих деревнях. В беседах с крестьянами подчеркивал, что надо организовать свою власть, надо самим участвовать в управлении, в выборах в Советы.

Он старался подобрать такие слова, чтобы веками забытые люди до конца его поняли: теперь они хозяева государства, своей судьбы, своей страны, а не только деревни.

Эти же мысли он развивал и на первых съездах компартий Узбекистана и Туркмении, на учредительных съездах Советов новых республик. Главная задача, говорил он, — это сохранить первую республику трудящихся, на которую весь буржуазный мир смотрит с ненавистью, с желанием расправиться с ней при первой же возможности. Чтобы отбить у врагов такое желание, надо создать крепкий Союз. «Но... принимая во внимание те огромные особенности быта, когда мы

сплачиваем трудящихся для сопротивления эксплуататорам, мы должны быть в высшей степени осторожны, мы должны их умело сплачивать... А это задача длительная».

Значительное место в своих выступлениях Калинин уделил повышению культуры в республиках, огромной роли женщины в решении всех вопросов жизни страны.

«...Без женщины мы культуры не создадим, — говорил он на I съезде Компартии Туркменистана. — Какая может быть культура без одной половины человеческого рода?»

Съезды Советов новых республик обратились к III съезду Советов СССР с просьбой принять их в состав Советского Союза.

После Средней Азии — Закавказье, Баку, потом знакомый по давним временам Тифлис. В Тифлис приехали все члены Центрального Исполнительного Комитета СССР. Здесь было намечено провести третью сессию ЦИК.

«Обыватели, — писал по этому поводу сам Калинин, — в первый день были как бы в нерешительности, в недоумении, что прибыло из Москвы и как на это надо реагировать. Даже в демонстрации целые отряды, идущие не особенно стройными рядами, были больше полны персональным любопытством, чем сознанием политического значения третьей сессии в Тифлисе. Лишь день за днем, когда главы общесоюзных и просто республиканских ведомств, как товарищ Семашко среди медиков, провели ряд совещаний, члены ЦИК Союза — ряд митингов, а местные товарищи устроили этнографический вечер, где все народы Закавказской Федерации соперничали один перед другим национальным искусством, — сессия сблизилась с городом...

В работе сессии принял участие как бы весь город».

— Основные проблемы, стоящие перед нами, — говорил Калинин при открытии сессии, — это, во-первых, правильное разрешение национальных вопросов, ибо только тогда наш Союз будет силен, когда союзные республики с полным сознанием и глубоким убеждением будут считать себя полноправными членами Союза; во-вторых, наш Союз будет силен тогда, когда в области социально-классовых отношений будет твердый и нерушимый союз между рабочим классом и крестьянством.

После окончания сессии Михаил Иванович отправился в поездку по Кавказу. Повсюду жители устраивали «всесоюзному старосте» горячий прием.

Писатель Константин Паустовский, живший тогда в Сухуми, вспоминает о приезде Калинина:

«На набережной собрался весь город — живописная толчея башлыков, черкесок, длинных седых усов, откидных рукавов с разноцветной подкладкой, кинжалов и брюк галифе с золотыми лампасами.

Когда шлюпка с Калининым отвалила от парохода и начала приближаться к берегу, простодушный начальник сухумской милиции проскакал на горячем коне вдоль набережной и крикнул толпе:

— Красивые, вперед!

В толпе произошло стремительное и безмолвное движение. Все ринулись вперед, но в полном молчании, чтобы не показаться невежами перед гостем. Не раздалось ни одного крика, ни одного проклятия. Работали только локти.

И действительно, на глазах произошло подобие чуда: толпа как бы сама по себе отобрала и выбросила вперед всех красивых — юношей с орлиными носами, серебряных старозаветных старцев и гортанных девушек, пышущих жаром от борьбы с соперницами за первое место.

Начальник милиции второй раз проскакал вдоль толпы, потом крикнул: «Душевно благодарю!» — и его конь, приплясывая, танцуя, прядая ушами — одним словом, кокетливо гарцуя — двинулся к пристани, где, как горный обвал, грянул гром оркестра из дудок и барабанов так называемого «сазандари» — самого выносливого и бодро-заунывного оркестра в мире...»

Поездки Михаила Ивановича имели огромное значение для страны. Люди видели в Калинине посланца партии, соратника Ленина. Они безгранично доверяли ему. Огромный авторитет Калинина, его большое человеческое обаяние, умение просто и задушевно беседовать с народом — все эти качества помогали ему проводить политику партии в жизнь наиболее быстро и успешно.

В 1919 году Ленин, рекомендуя Калинина на пост Председателя ВЦИК, сказал: «Петроградские рабочие сумели убедиться, что он обладает умением подходить к широким слоям трудящихся масс...»

С годами в этом убедились рабочие и крестьяне всей Советской страны.

В декабре 1925 года состоялся XIV съезд партии. К этому времени Советский Союз добился больших успехов в восстановлении промышленности и сельского хозяйства, появились первые электростанции, предусмотренные планом ГОЭЛРО: Каширская, Шатурская, Волховская. Но этого было далеко не достаточно. Исходя из ленинского плана построения социализма, съезд наметил план

дальнейшего развития страны — план индустриализации.

Еще в начале 1925 года партия отразила новую вылазку Троцкого, выступившего с откровенной клеветой на ленинизм. Энергичный отпор Троцкому дал Сталин. Троцкий был снят с поста председателя Реввоенсовета СССР.

Но к моменту съезда оформилась еще одна оппозиция — так называемая «новая оппозиция» во главе с Каменевым и Зиновьевым, выступавшими накануне Октября против вооруженного восстания. Сейчас они стали утверждать, что невозможно построить социализм в одной стране, пока на Западе не произойдет революция.

«Новая оппозиция» видела в ленинской новой экономической политике только отступление к капитализму. Она утверждала, что государственная промышленность СССР — это не социалистическая, а государственно-капиталистическая промышленность.

Зиновьев, возглавивший тогда ленинградскую парторганизацию, на XIV съезде партии изложил взгляды «новой оппозиции», причем представил дело Щ так, будто все ленинградские коммунисты поддерживают его. Это было неверно, ибо ленинградская губернская партконференция голосовала за доверие Центральному Комитету партии. Все же, несмотря на это, «новые оппозиционеры» на съезде голосовали против доверия ЦК. Они заявили, что не подчинятся решениям съезда, и, вернувшись в Ленинград, развернули бешеную пропаганду своих взглядов.

Партия должна была дать отпор оппозиционерам...

В первых числах нового года в Ленинград выехала группа членов ЦК партии, среди них был Михаил Иванович Калинин. Неделю назад на Пленуме ЦК его избрали членом Политбюро ЦК ВКП(б).

За месяц пребывания в Ленинграде Калинин побывал на Путиловском — теперь он назывался «Красным путиловцем», — на Трубочном, Обуховском, Металлическом заводах, на Судостроительной верфи, на XX Чрезвычайной партийной конференции Ленинградского уезда.

Ленинградцы встретили его с любовью, к словам его они внимательно прислушивались. Находились, конечно, и такие, что призывали не слушать Калинина и даже не пускать его на заводы. Но рабочие тогда спрашивали: «Почему не слушать, почему не пускать? Разве мы не боролись вместе с ним за советскую власть? Почему же теперь, когда он сам является высшим представителем власти, нам его не послушать?»

Приходилось давать жесткий и резкий отпор оппозиционерам. Калинин помогала находчивость, умение подходить к людям, знание психологии трудового человека. Он говорил откровенно, не стараясь

замазать острых вопросов, приукрасить положение дел.

«Мы не будем скрывать того, что многие рабочие во многих областях нашей промышленности получают гораздо меньше того, что нужно было бы им получать... Но отсюда делать вывод, что у нас нет социализма, нет ни грамма — неверно... Мы еще делаем первые шаги, — за нами будущее».

Все собрания неизменно заканчивались торжеством линии Центрального Комитета партии. Лишь единицы высказывались в поддержку «новой оппозиции».

— Центральный Комитет, — говорил Калинин на конференции Петроградского района, — вопреки воле верхушки местной организации, вопреки воле всего аппарата, пошел на общение с ленинградским коммунистическим коллективом и противопоставил себя всему аппарату, всей верхушке данной организации.

Это — очень смелый опыт, и этот опыт характерен тем, что мы довольно безболезненно сняли эту верхушку, что пролетарская масса голосовала за нас на 98 %...

Новый Ленинградский губернский комитет партии возглавил Сергей Миронович Киров. Разгром «новой оппозиции» был полный.

Советское государство начало осуществлять решения XIV съезда партии, наметившего курс на индустриализацию страны. На индустриализацию потребовались средства, а взять их, кроме как в своей же стране, было негде. Надеяться надо было только на самих себя, на рабочий класс, на крестьянство. От их сознательности, их труда зависели теперь судьбы социализма в первой пролетарской стране.

Переход к индустриализации страны неизбежно влек за собой и решение такого вопроса, как повышение общей культуры страны, культурная революция. Ленин говорил, что в стране неграмотной построить социализм нельзя.

Одним из первых шагов, которые предстояло сделать в этом направлении, была ликвидация неграмотности. В эту огромную работу были втянуты миллионы людей, было создано специальное общество «Долой неграмотность!».

Во главе этого общества встал М.И. Калинин, Это общество возникло еще в 1923 году, а в конце 1925 года в нем насчитывалось более миллиона шестисот тысяч членов. Среди них было много настоящих энтузиастов просвещения народа. И это особенно радовало Калинина. Он отдавал себе ясный отчет в том, что в стране, где среди рабочих и крестьян в возрасте от

шестнадцати до тридцати — двенадцать миллионов неграмотных, невозможно решать сложнейшие задачи науки и техники. Ликвидировать же неграмотность такой массы людей можно было лишь с помощью самих масс.

Михаил Иванович много думал о том, какие формы лучше применить, чтобы возможно быстрее обучить грамоте миллионы рабочих и крестьян. Особенно крестьян! И такая форма нашлась. Ликбез — школы и пункты ликвидации неграмотности, культурмейцы, добровольцы для индивидуальных занятий с неграмотными. В 1924/25 учебном году в стране было создано двенадцать тысяч пунктов ликбеза. Одиннадцать тысяч из них приходилось на деревню. Эти пункты были созданы и содержались исключительно за счет членских взносов и добровольных отчислений народа.

«Ни один член партии, комсомола, профсоюза, — призывал Калинин, — ни один член Совета, ни одна делегатка не должны оставаться неграмотными, не должны стоять вне общества «Долой неграмотность!».

С каждым годом число грамотных в стране увеличивалось.

Империалистов Европы и Америки не могло не волновать укрепление социалистической державы. Вся пресса западных государств обрушила на Советский Союз лавины самой неистовой клеветы. Дело не ограничивалось словами. Заправилы английского капитала организовали налеты на советские представительства и учреждения в Лондоне, инспирировали убийство советского полпреда Войкова в Варшаве; они подговаривали капиталистические страны порвать с нами дипломатические отношения. Упорствовали в своем непризнании Советского Союза и Соединенные Штаты Америки, хотя прогрессивные силы страны активно боролись против этой нелепой политики.

Весной 1926 года СССР посетил видный американский экономист профессор А. Таннер. Представитель прогрессивных кругов Соединенных Штатов Америки, он не одобрял политику правящих кругов своей страны и президента Кулиджа по отношению к Советскому Союзу.

Михаил Иванович Калинин принял профессора и беседовал с ним. Таннера интересовало, как президент Калинин понимает коммунизм. «В Америке, — говорил он, — существует понятие, что будто бы Россия, СССР, желает всюду привести к коммунизму через посредство войны. Действительно ли у вас такое желание?»

Михаил Иванович ответил:

— Конечно, у нас есть желание укрепить коммунизм, но вот за восемь

и скоро уже девять лет существования советской власти мы ни разу не выявили своей международной агрессивности, в то время как ни одно крупное капиталистическое государство не оставило своих захватнических замашек. Англия захватывает территорию за территорией, Франция стремится к тому же, а Румыния держит захватническим порядком Бессарабию. А ведь ни одно правительство на месте СССР не потерпело бы инцидента Румынии с Бессарабией, мы же терпим, стараясь сохранить мир...

Разговор зашел о среднеазиатских республиках. Таннер, который посетил их сразу же после Индии, заметил, что по сравнению с «жемчужиной британской короны» Средняя Азия показалась ему «райским уголком».

Калинин высказал сожаление, что Таннер не видел, что делалось там шесть лет назад. За эти годы, говорил он, гражданское самосознание узбеков, туркменов, таджиков выросло колоссально. К сожалению, не выросло параллельно с этим богатство... «Я все же думаю, что и богатство у нас вырастет вместе с гражданским самосознанием. Сейчас именно эта задача — наживание богатства — и стоит перед нами, и думается, что мы его наживем».

— Я боюсь, — откликнулся Таннер, — что, когда вы станете богатыми, то вы тогда потеряете свое самоуважение, как потеряла его Америка.

Калинин решительно запротестовал:

— Америка не потому потеряла самоуважение, что богата, тут есть разница. Она потеряла его потому, что колоссальные богатства сконцентрировались там в немногих руках. У нас богатства наживаются государством и растут как государственные богатства. Частные же богатства возрастают гораздо медленнее, чем государственные. Ведь и в Америке университеты считаются общественным богатством. Общественные богатства не портят людей.

Таннер согласился с Калининым. Он выразил надежду, что США установят дипломатические отношения с Советским Союзом.

— Меня больше всего радует, — сказал он на прощание, — что Союз ССР имеет своим председателем такого демократа, как и знаменитый Линкольн. Если бы последний был жив, — добавил профессор, — он, наверно, бы был коммунистом.

НА РЕЛЬСЫ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

В условиях перехода на путь индустриализации страны надо было пересмотреть работу Советов, оживить ее, повернуть, так сказать, лицом к производству.

«Лицом к производству!» Именно такой лозунг выдвинула партия.

«Наша главная и постоянная задача при выборах в Советы — это организация рабоче-крестьянских масс, — писал Калинин в «Известиях» в связи с предстоящими выборами делегатов на IV Всесоюзный съезд Советов и выборами всех руководящих советских органов от сельсовета до ЦИК СССР, — превращение Советов во все более и более действующий орган масс, внедрение в сознание рабочих и крестьян, что именно Советы — орган приложения их энергии и самодеятельности...»

«Важнейшим лозунгом кампании, — продолжал он далее, — я считаю следующий: мы строим социализм в нашей стране. Пролетариат, организуя вокруг себя все трудовое население страны, должен указать, разъяснить и цель своих стремлений, и способы, меры, предпринимаемые им для достижения этой цели. Население советских республик несет основательные Жертвы в деле строительства социализма — оно Должно знать и результаты этих жертв. Наши результаты не плохи, достаточно напомнить: окончили Волховстрой, начинаем Днепрострой, ставим вопрос о Свирьстрое и т. д. Неуклонно идущая индустриализация страны будет неумолимо толкать вперед к интенсификации сельского хозяйства, а все это вместе создает базу для действительного обеспечения населения, изживания безработицы и нищеты».

В то же время Калинин написал «Письмо крестьянам о перевыборах Советов», вышедшее в начале 1927 года отдельной брошюрой. В письме он разъяснял, чего хочет партия коммунистов. Она хочет убогие, темные, бедные деревни сравнять по грамотности, по культуре, по производительности труда с городами. Речь тут не идет о том, чтобы уравнивать миллионы крестьянских хозяйств, сохранив существующие социальные отношения в деревне. Кулацкая верхушка имущественно и политически закабалает бедняка, и до тех пор пока не изменится весь уклад крестьянского хозяйства, пока не вырастет производительность сельского труда, до тех пор нечего ожидать серьезных сдвигов в повышении материального благосостояния и культуры деревни. Путь же к изменению уклада — в кооперации. Ее надо всячески развивать и поощрять.

Огромную роль на селе призваны играть Советы. «Советы — это те органы, куда собирается мысль массы, где воля многих людей становится общей.

Отдельный крестьянин, предоставленный самому себе, не имеет никакой силы. Лишь собираясь в Советах, он уже является не отдельным человеком, а представителем масс. Его голос в Совете уже не есть голос Ивана и Петра, а голос пославших его в Совет крестьян».

Вот почему крестьяне должны принять живое участие в выборах, показать всем — и друзьям и врагам — рост своей сознательности, мощи Советского Союза, твердую волю народа окончательно построить в стране социализм.

Перевыборы в Советы прошли успешно, хотя обстановка была сложной. Классовая борьба в деревне приобрела острые формы. Выстрелы из-за угла, бандитские налеты, поджоги — кулаки ничем не брезговали. И все же неизмеримо выросло партийное влияние среди трудящихся масс города и деревни.

И доклад Калинина на IV съезде Советов СССР об основных задачах сельского хозяйства и индустриализации страны был полон оптимизма, уверенности в торжестве социалистических отношений в деревне. Он подчеркивал, что основной рычаг, который даст возможность развить сельское хозяйство и значительно поднять благосостояние огромного большинства крестьянства, — индустриализация страны.

Применение техники наиболее эффективно в крупном, коллективном хозяйстве. Отсюда задача органов советской власти на местах — развернуть с помощью общественности колхозное строительство. Но, само собой разумеется, подчеркивал Михаил Иванович, что никакого принуждения со стороны органов власти в этом не должно быть. Лишь добровольное объединение крестьян дает положительные результаты в деле коллективного строительства.

...Решения партии претворялись в жизнь. 1926/27 хозяйственный год показал рекордный темп роста крупной промышленности. Прирост продукции по сравнению с предыдущим годом составил восемнадцать процентов! Если учесть, что в США с 1901 года он не превысил и четырех процентов, станет ясно, какое изумление вызвало это во всем мире!

Промышленность Советской страны становилась все более крупной и централизованной. А сельское хозяйство еще оставалось мелким и раздробленным.

Новые задачи, новые трудности вставали перед страной. Эти трудности усугублялись тем, что на арену выступила еще одна оппозиция

— троцкистско-зиновьевская. Неверие оппозиции в возможность построения социализма в одной стране привело ее к меньшевистским взглядам. Оппозиция стремилась дезорганизовать ряды партии, подорвать ее мощь и единство, ревизовать основы ленинской теории и практики.

В ноябре Михаил Иванович по заданию Центрального Комитета партии выехал в Ростов-на-Дону для участия в работе IV Северокавказской краевой партийной конференции. Свой доклад он посвятил полемике с троцкистско-зиновьевской оппозицией по основным вопросам социалистического строительства.

На XV съезде партии, состоявшемся в декабре 1927 года, доклад об оппозиции сделал Серго Орджоникидзе, с разоблачением оппозиции и Троцкого выступил и Калинин.

Съезд решил исключить из партии активных троцкистов и зиновьевцев.

XV съезд партии показал, что страна твердо и уверенно ступила на путь социализма. Съезд принял директивы по составлению первого пятилетнего плана, наметил курс на коллективизацию сельского хозяйства.

В это время пятую часть товарного хлеба производили кулаки, от них зависело в немалой степени благосостояние трудящихся. Но кулаки отказывались продавать хлеб Советскому государству. В 1928 году таким образом они нанесли чувствительный удар по нашей экономике.

Кулака следовало сломить. На партию и Советы ложились большие и важные задачи. Калинин много внимания уделяет этой проблеме. Он обращается к деревенским коммунистам, к бедноте, разъясняет, как практически бороться с кулаком.

«В каждой деревне должны быть найдены те мероприятия, которые вызывает сама жизнь. Найти эти мероприятия, проявить в этом свое творчество — такова задача коммунистов... Нужно в первую очередь захватить ту область, в которой кулак действует. Это не значит захватить его маслобойку, но это значит кооперативным путем вытеснить кулака.

Когда мы говорим: убить кулака, это значит убить не Сидора кулака, а кулака как такового, это значит создать почву для его уничтожения. И вот что нужно помнить: что без помощи основных масс крестьянства, без практических указаний со стороны крестьянства здесь коммунист ничего не сделает».

Ликвидация кулачества и проведение коллективизации сельского хозяйства — эти две задачи слились воедино. Там, где создавался колхоз, кулаку нечего было делать. Кулаки, понимая это, отчаянно сопротивлялись. К таким людям советская власть применяла полную экспроприацию —

раскулачивание вплоть до выселения.

Успехи коллективизации привели к переоценке некоторыми товарищами их значения. Отдельные коммунисты начали утверждать, будто бы в районах сплошной коллективизации органы советской власти не нужны. Их функции выполняют колхозы. Против этих утверждений выступил Михаил Иванович.

Двадцатого января 1929 года, открывая Всесоюзное совещание по вопросам советского строительства, он заявил, что товарищи, уверяющие, будто колхоз в состоянии заменить сельсовет, допускают ошибку. Эта ошибка заключается в непонимании того, что диктатура пролетариата осуществляется у нас в форме Советов, что сельсовет не есть только административный орган, а он есть низовой фундамент, база, организация, через которую и посредством которой охвачена вся многомиллионная масса беднейшего и среднего крестьянства. Сельсовет представляет собой неотъемлемую и очень важную частицу всей системы диктатуры пролетариата, роль местных Советов будет все более возрастать. Именно они сейчас должны заняться практическим осуществлением лозунга раскулачивания. Именно им предстоит в дальнейшем сыграть большую роль в укреплении государства.

Месяц спустя после этого выступления Михаил Иванович приехал в Верхнюю Троицу на открытие Народного дома, построенного по его инициативе.

Народный дом — тогда еще диковинка — сиял свежеструганными стенами. Вокруг него толпился народ. Вся Верхняя Троица оказалась запруженной подводами — с самого утра начали съезжаться гости из окрестных деревень.

Открывая Народный дом, Калинин поздравил односельчан и с созданием колхоза. Со свойственной ему прямотой он предупредил, что не все хорошо будет поначалу, придется повоевать с трудностями.

Сам Калинин первым записался в артель и до самой смерти числился первым в списке ее членов. Ему даже трудодни начисляли, когда, приезжая в отпуск, он выходил на полевые работы.

На следующий день после открытия Народного дома состоялось заседание правления. Шесть часов, не вставая, Михаил Иванович толковал с колхозниками. Обсоветовали и обсудили каждый вопрос. Калинин подчеркивал, что вступление в артель дело добровольное, предостерегал от возможных ошибок.

Михаил Иванович не напрасно предупреждал земляков об ошибках. Из материалов приемной, из жизненных наблюдений он знал, что в таком

большом и сложном деле ошибки могут быть. В Троице сначала намечали обобществить весь мелкий скот и даже кур! А в некоторых районах страны партийные и советские органы в погоне за сокращением сроков коллективизации допускали еще большие перегибы: принудительно привлекали крестьян в колхозы, а тех, кто отказывался, «раскулачивали» и лишали избирательных прав. Руководители Московской области стали требовать от коммунистов села закончить коллективизацию к весне 1930 года, хотя области для этой работы предоставлялось по крайней мере три года.

Перегибами воспользовались кулаки. По их наущению крестьяне резали коров, свиней и других домашних животных, чтобы не отдать их в колхозы. Перегибщики, таким образом, добились того, что поголовье скота в стране за один год катастрофически сократилось.

Эти ошибки были исправлены партией.

И уже XVI съезд партии отметил, что в районах сплошной коллективизации все колхозное крестьянство стало прочной опорой советской власти.

До 1930 года, пока жива была мать — Мария Васильевна, Калинин ежегодно проводил свой отпуск в Верхней Троице. Приезжал он обычно к покосу и сразу же выходил на работу. В простых сапогах и белой косоворотке он ничем не отличался от других колхозников, когда ранним утром шагал в ряду со всеми, широко взмахивая косой. Вечерами с непревзойденным мастерством — старики завидовали! — он отбивал косы.

Любил Михаил Иванович ходить по грибы, ловить рыбу. Отдых он признавал только активный, в работе, отличной от той, умственной, что ему приходилось вести в городе.

Не обходилось, разумеется, и без приемов. Прослышав о приезде Калинина, приходили крестьяне из соседних деревень, приезжали горожане из Твери, из Кашина.

Однажды летом (это было еще до создания колхоза) навестили Калинина весьма интересные гости.

Еще перед отпуском Михаил Иванович прислал матери новенькую, отечественного производства веялку, но она быстро сломалась. И вот, приехав отдыхать, он стал чинить ее, время от времени пуская в ход. Шум машины собрал довольно большую группу односельчан. В это время возле ворот звонкий мальчишеский голос восхищенно воскликнул:

— Тро-ойка!

Позванивая бубенчиками, к воротам лихо подкатил запряженный тройкой лошадей великолепный экипаж.

В деревне еще не видывали таких картинных сказочных троек, и все бросились к воротам взглянуть на нее. Поднялся с земли и Калинин. А навстречу уже шли двое. Первый, повыше ростом, улыбаясь протянул руку. И Калинин узнал Альберта Риса Вильямса, американского писателя, друга Джона Рида.

Второй — помоложе, с пышной белокурой шевелюрой и простым красивым лицом — тоже показался ему знакомым. Этот второй протянул руку и сказал:

— Сергей Есенин.

Калинин поздоровался, попросив гостей подождать, пока он закончит починку.

Гости внимательно наблюдали за его работой. Вильяме был несколько смущен. И зачем Есенину потребовалась эта тройка? Очень неудобно приехать к такому простому человеку в роскошном экипаже. Есенин же, который, по свидетельству Вильямса, приехал для того, чтобы попросить у Калинина квартиру в Москве, чувствовал себя уверенно.

Веялка, наконец, затрещала, отборное зерно потекло по широкому желобу.

Мария Васильевна пригласила гостей к обеду. Ели сначала картошку с мясом, а потом стали пить чай из того исторического самовара, который в 1906 году чуть было не отобрали стражники.

— По крайней мере эта русская машина работает всегда безотказно, — пошутил Калинин.

Есенин же принял это всерьез и сказал:

— Я надеюсь и уповаю на то, чтобы мы не изобрели ничего большего и лучшего.

Калинин подумал: «Неужели этот симпатичный парень и в самом деле так считает?» Вслух сказал:

— Какая чепуха!

И, развивая свою мысль, рассказал о преимуществах, которые дает применение машин.

После обеда Есенин прямо на улице читал свои стихи крестьянам. Слушал его и Калинин. Есенин читал с чувством. Михаил Иванович сдержанно похвалил:

— Хорошо!

Однако последовавший затем вопрос поэта не понравился ему.

— Разве вы не согласны с тем, — спросил Есенин, — что стихи мои будут жить вечно?

— Вечно — это слишком большой срок, — сухо ответил Калинин.

- Ну, допустим, тысячу лет!
- Это тоже очень большой срок.
- Но ведь в России Сергея Есенина знают все!

— Все — это очень много народу. Ну, положим, многие действительно знают Есенина. Точно так же многие люди знают Калинина, — тут уж ничего не поделаешь: в газетах печатают наши портреты и имена. Но не надо преувеличивать. Для того чтобы о нас долго помнили, нужно быть действительно великим, как Маркс и Ленин. Вот они оказывают большое влияние на историю.

Настроение Есенина от слов Калинина явно портилось. Михаил Иванович же продолжал свою мысль, задумчиво улыбаясь:

— Конечно, если кто-нибудь жаждет долгой славы, то поэт на нее имеет больше шансов, чем комиссар. Не обязательно быть Пушкиным или Шекспиром. Необходимо только, чтобы в песнях отражались глубокие чувства народа, его самые сильные горести и радости — такое, о чем люди не могут не петь. Таким поэтом был Некрасов...

Вскоре разговор перешел на другую тему. Есенин не принимал в нем участия — он обиженно молчал, утвердившись в мысли, что Председатель ЦИК просто не знает его стихов.

Однако за вечерним чаем Сергей Есенин понял, что ошибался: Калинин в разговоре с ним наизусть цитировал большие куски из его стихотворений. Есенин расчувствовался и начал читать:

*Да! Теперь решено. Без возврата
Я покинул родные поля.
Уж не будут листвою крылатой
Надо мною звенеть тополя.*

*Низкий дом без меня ссутулится,
Старый пес мой давно издох.
На московских изогнутых улицах
Умереть, знать, судил мне бог.*

Есенину казалось, что его стихотворения выражают сокровенные чувства крестьянина, и он опять попросил Калинина подтвердить это.

— Может быть, и выражают, — сказал Михаил Иванович, — но мне кажется, что это скорее наивные ощущения поэта, чем чувства настоящего крестьянина.

— Но разве я сам не крестьянин по плоти и крови? Я-то знаю, что чувствует крестьянин. Я родился в деревне и вырос в ней.

— Я тоже, — ответил Калинин. — И многие наши комиссары и писатели родом из деревни. Но старые интересы вытесняются новыми. В городе мы скоро отвыкаем от деревни.

— Кто угодно, но только не я, — возразил Есенин и снова заговорил стихами:

*Русь, моя деревянная Русь!
Я один твой певец и глашатай.
Звериных стихов моих грусть
Я кормил резедой и мятой.*

— Очень хорошо, — снова похвалил поэта Калинин. — Но жить в этих деревянных лачугах не так уж хорошо. Тараканы, пьянство и суеверия — в этом нет никакой романтики. Мы стараемся избавиться от этого. Мы хотим создать новую деревню, новую жизнь. Сделать это, сидя в кафе, идеализируя нашу отсталость, нельзя. Послушай, Сергей, — Калинин оживился, — у тебя есть талант и вдохновение. Почему бы тебе не вернуться в деревню, не принять участие в ее борьбе, не выразить ее надежды, не стать певцом новой жизни? Вот это принесло бы пользу и тебе, и твоей поэзии, и России!

И такой неожиданной и правильной показалась эта мысль Есенину, что он и не заикнулся тогда о квартире. Он уехал, решив принять совет «всесоюзного старосты».

В декабре 1930 года умерла Мария Васильевна. Однажды в студеный вечер легла спать — и не проснулась.

— Она не умела ни читать, ни писать, — сказал о ней как-то Михаил Иванович писателю М. Пришвину, — знавала и горе и голод. И она часто говорила: «Жизнь пройти — не поле перейти». Но она любила жизнь и до последнего дня не переставала работать.

Больше в своем домике в Троице Калинин не жил. Видно, не хотелось идти туда, где все напоминало о матери. Но отпуск по-прежнему он проводил на родине. До 1935 года Михаил Иванович ежегодно приезжал в Тетьково, где на месте прежней усадьбы Мордухай-Болтовских был выстроен дом отдыха.

В ПРИЕМНОЙ

Дом на Воздвиженке, где еще в 1919 году обосновалась приемная Калинина, вскоре стал известен всей стране. Сюда шли и ехали люди из Москвы, из Ленинграда, Перми, Оренбурга, Симферополя, из городов, больших и малых, из сел, ближних и захолустных. В дни приема москвичи часто видели Калинина, выходящего из Троицких ворот Кремля.

Сутулый и сосредоточенный, опирающийся на крепкую палку с отполированной от долгого употребления рукояткой, с черным портфелем в руках, он шел своей легкой походкой, мягко улыбаясь в ответ на приветствия встречающих.

— Здравствуйте. Здравствуйте...

Из-под поседевших бровей глаза смотрели ласково и просто. Людям казалось, будто идет старый знакомый, милый, добрый человек.

Придя в свой кабинет, Калинин обычно садился к столу. Так он молча сидел некоторое время, собираясь с мыслями. Потом выходил в приемную, где толпился, ожидая его, народ. Михаил Иванович здоровался со всеми, подходил к деревянному барьерчику и спрашивал у первого в очереди:

— Какое у вас дело?

Если видел, что человек волнуется, говорил спокойно:

— Волноваться не надо. Говорите просто, на что жалуетесь, чего просите.

Потом, установив суть просьбы, осторожно выяснял, с кем имеет дело. Чаще всего ему легко удавалось это сделать и быстро найти верное решение. Со стороны казалось невероятным, как этот человек, мимо которого постоянно течет огромный людской поток, как он умудряется после двух-трех вопросов безошибочно угадывать, кто действительно нуждается в его помощи, а кто пришел требовать не принадлежащее ему по праву. Последним он говорил без обиняков:

— Просьба ваша незаконна, помочь ничем не могу.

Но отказывал Калинин редко и осторожно. Он знал по опыту, что к нему обращаются, как правило, лишь в тех случаях, когда полностью уверены в своей правоте. Чаще всего так и бывало.

Из Средневолжского края прислал письмо крестьянин Казанцев. Его хозяйство местные власти признали кулацким. Казанцева «раскулачили», отобрали дом и имущество и обложили индивидуальным налогом в 1250 рублей. Мало того, вскоре Казанцева арестовали, но за отсутствием

обоснованных обвинений выпустили. Однако за это время все его имущество было отобрано.

Михаил Иванович запросил объяснение у председателя горсовета Балакова, где жил Казанцев. Председатель прислал письмо, сообщил, что репрессии к Казанцеву были применены «без проверки предъявленных к нему обвинений», без учета того обстоятельства, что он имел почти полувековой производственный стаж.

Калинин настоял на том, чтобы всех лиц, совершивших беззаконие, строго наказали, а заявителю возвратили принадлежащее ему имущество.

Михаил Иванович всегда помнил, как непримиримо боролся со всякого рода волокитой и бюрократизмом Владимир Ильич Ленин. И в своей работе он стремился поступать так же. В то же время он хорошо понимал, что, когда человек долгое время работает с жалобами, он привыкает к ним, острота восприятия, чуткость к человеческой беде у него притупляется, подчас появляется формальное отношение к жалобе, стремление поскорее избавиться от жалобы — переслать ее в другое ведомство или формально отписаться.

Если где нужно уметь применять политику, рассуждал Михаил Иванович, так это именно в вопросе рассмотрения жалоб, ибо в наших условиях каждое решение есть политика. Правильное решение касается не только одного человека, одной деревни. Оно становится известным далеко в округе. Тут сами массы выступают в роли агитаторов, они это решение разносят всюду. Вот почему рассмотрение жалоб — это один из важных проводников коммунизма.

Именно поэтому тем, кто был обижен несправедливо, он помогал немедленно или обещал решить дело в ближайшее время.

И работники приемной Калинина твердо знали: он обязательно держал свое слово.

Казалось бы на первый взгляд, какие выводы можно сделать из мелких людских жалоб? На самом деле — очень серьезные. Увеличился поток жалоб из Московской области. И все жалобы примерно на одну тему — нарушение революционной законности. Стало быть, с этим делом что-то неблагополучно. На следующий прием надо вызвать товарищей из Московского Совета — пусть сами убедятся и сделают нужные выводы.

На XVI партконференции в апреле 1929 года Михаил Иванович вспомнил о таком факте.

«Я могу смело сказать, — говорил он в своем докладе, — что если посылаем мы определенного человека на определенную работу, то почти наверняка в моей приемной скажется политика этого человека.

Осторожный, практически умеренный человек, который к каждому вопросу подходит обдуманно, сейчас же понижает количество ходочков в мою канцелярию. Это факт. Я должен сказать, что год или полтора назад у меня было невероятное количество ходочков с Северного Кавказа не только по линии сельскохозяйственного налога, но и по идейной линии и по целому ряду других вопросов.

В настоящий момент с Северного Кавказа ходочков стало гораздо меньше. Товарищи, я вам могу поименно перечислить, в чем у каждого ошибки: зайдите в мою канцелярию на Воздвиженке и по материалам увидите».

Со временем характер жалоб менялся. В тридцатых годах значительно больше начало поступать писем не личного, а общественного характера, связанного с теми мерами, что проводили партия и правительство. К 1933 году, например, вовсе исчезли жалобы на безработицу, на невозможность поступить учиться, получить медицинскую помощь и т. п.

Однажды в приемную пришли ходоки из колхоза «Красное знамя» Московской области. Пришли с просьбой прибавить им за счет земель соседнего колхоза «Золотой колос» 14 гектаров пашни и 2,5 гектара сада. Михаил Иванович ответил ходочкам:

— Ваше ходатайство я не могу удовлетворить, потому что колхоз «Золотой колос» владеет землей и садом, на которые вы претендуете, уже несколько лет, и они переданы ему по акту на вечное пользование.

Оба колхоза, и ваш и «Золотой колос», как видно, очень малочисленны. В интересах колхозного дела их следовало бы объединить, но, конечно, при соблюдении полной добровольности. Этим самым был бы положен конец вашим земельным спорам. Советую вам в этом направлении и вести свою работу.

Страна росла. Рос вместе с ней и народ. И в приемной Калинина как в капле воды отражался этот рост, знаменующий торжество ленинских идей.

В 1933 году увеличилось количество жалоб на то, что кулаки, пробравшиеся кое-где даже на руководящие колхозные посты, стремятся использовать свое влияние для расправы с честными колхозниками. Анализируя эти материалы, Михаил Иванович счел необходимым информировать об этом советские органы на местах и предупредить о необходимости усиления бдительности.

Каждый год приносил что-либо новое. До 1932 года еще жаловались на то, что кое-где власти препятствуют выходу из колхоза, а в 1933 году плакались на то, что не принимают в колхоз. Все больше писем, предложений, жалоб поступало на культурное обслуживание, и Калинин

знал — это хороший симптом: значит, дело идет, если есть на что жаловаться!

Работники приемной Калинина часто выезжали на места для проверки жалоб. Михаил Иванович не раз говорил, что эти меры в десятки раз сокращают сроки прохождения жалоб, так как на месте гораздо легче разобраться в существе дела и его решить, чем писать бумажки, которые начинают ходить по инстанциям и заставляют ждать месяцами ответа, а полученный ответ тоже не всегда вразумительный.

За годы существования приемной М.И. Калинина в нее обратилось около восьми миллионов человек. За это же время на личном приеме у Михаила Ивановича и его ближайших помощников побывал каждый восьмой заявитель.

Калинин любил свою приемную, любил работу в ней: она так же, как поездки по стране, помогала ему чувствовать биение пульса жизни, зримо ощущать живой ход истории.

В жалобах людей отражалась жизнь государства. Не случайно Михаил Иванович любил повторять: «На материалах приемной можно писать историю».

ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ

1933 год — год начала длительного экономического упадка, застоя во всем капиталистическом мире, год безработицы и нищеты миллионов людей, год прихода Гитлера к власти.

Перед угрозой германской и японской агрессии американские правящие круги вынуждены были признать несостоятельность нелепой и неумной политики «непризнания» Страны Советов. Осенью 1933 года президент США Франклин Рузвельт предложил Советскому правительству начать переговоры об установлении дипломатических отношений. Это предложение свидетельствовало одновременно и о росте влияния СССР на мировую политику.

В ответном послании президенту США Калинин писал:

«Я всегда считал крайне ненормальным и достойным сожаления существующее в течение шестнадцати лет положение, при котором две великие республики — Союз ССР и Соединенные Штаты Америки — не имеют обычных методов сношений и лишаются тех выгод, которые эти сношения могли бы им Давать. Я рад отметить, что и Вы пришли к такому заключению... Я охотно принимаю Ваше предложение о посылке в Соединенные Штаты Америки представителя Советского правительства для обсуждения с Вами вопросов, интересующих наши страны».

Двадцатого ноября Михаил Иванович Калинин обратился по радио к американскому народу.

Получасовую речь он произнес в микрофон прямо из кабинета наркома связи.

Американские журналисты, окружавшие его, поражались простоте обстановки, демократичности советского президента. Кончив говорить, Калинин подошел к ним.

Кто-то из корреспондентов предложил Калинин папиросу. Он взял ее, помял пальцами и закурил. И каждый корреспондент тут же записал, что это. Именно он дал Калинин папиросу. Позднее Михаил Иванович весело смеялся, узнав, что он, оказывается выкурил одновременно штук двадцать папирос.

Просто и осторожно отвечал он на вопросы журналистов. Если чувствовал, что вопрос задается с задними мыслями, говорил улыбаясь:

— Не хочу, чтобы меня обвиняли в пропаганде.

Ни у одного из присутствующих не поднялась рука написать хотя бы

одно недоброе слово о Калининe. Такова была сила его большого человеческого обаяния.

В этот год страна начинала свою вторую пятилетку.

Уже была создана крепкая индустрия, и теперь предстояло завершить социалистическую реконструкцию всего хозяйства.

XVII съезд партии, открывшийся 26 января 1934 года, принял план второй пятилетки. Калинин выступал на съезде дважды; оба раза он настойчиво подчеркивал огромную важность организационной работы для выполнения больших хозяйственных планов.

В заключительной речи Калинин отметил, что съезд прошел в обстановке полной консолидации сил партии, дружной работы ее руководства и сплоченности большевистских рядов.

В феврале — марте 1934 года Калинин посетил Днепропетровск, Запорожье и Симферополь, а затем, вернувшись на несколько дней в Москву, выехал в Новосибирск, на краевой слет колхозников-ударников. В августе 1934 года он уже был в городе Орджоникидзе — там отмечалось десятилетие Северо-Осетинской автономной области.

В это время он мог сказать народу много радостного. Колхозы давали больше зерна и технических культур. Появилась возможность отменить карточную систему. Велики были успехи в развитии культуры. Молодая страна, едва окрепнув, удивляла мир успехами в области науки и техники, замечательными подвигами советских людей. Именно в это время прогремела на весь мир великая челюскинская эпопея; потряс воображение людей полет стратостата «Осоавиахим-1», достигшего высоты двадцати двух километров; совершил свое беспримерное плавание ледокол «Литке».

Бурный подъем переживала промышленность. Борьба за высшую производительность труда выдвинула миллионы ударников — подлинных героев труда, новаторов промышленности. Росло и благосостояние народа.

Изменения, происшедшие в стране, должны были найти отражение в основном законе страны — Конституции. VII съезд Советов, открывшийся 28 января 1935 года, принял решение об изменении Конституции СССР. На съезде Михаил Иванович говорил с гордостью:

— Сегодня слепой видит, самый злейший враг не может скрыть, надо прямо сказать, невиданного в истории роста народного хозяйства и исключительного по темпу развития национальных культур. Крестьянские спины выпрямились, люди выросли, в каждой национальности появились руководители, вышедшие из недр своего народа, — бойцы за социализм.

О собственном вкладе во все эти достижения он не сказал. И если бы

кто-либо напомнил ему об этом, он бы не на шутку рассердился. Свою задачу он видел в том, чтобы честно выполнять порученную партией работу. Между тем выдающуюся роль в сплочении советских национальностей сыграл именно он. Не было республики, где бы он не побывал, где бы не показал прямо того, как нужно решать деловые вопросы, где бы не оставил яркий след своего большого человеческого обаяния.

Вот почему, когда в 1935 году отмечалось пятнадцатилетие со дня образования ряда национальных республик, партия и правительство именно его направляют на торжества.

В июне Калинин едет в Минск на юбилейную сессию, посвященную пятнадцатилетию освобождения Белоруссии от белополяков. В октябре его горячо приветствуют жители Казахстана.

В ноябре 1935 года Михаилу Ивановичу исполнилось шестьдесят лет. ЦИК СССР принял постановление наградить его в связи с этим орденом Ленина. «Ваша деятельность революционера, рабочего-большевика, — говорилось в приветствии ЦК ВКП(б) и Совета Народных Комиссаров СССР. — Ваша преданность партии... Ваша простота, сердечность, доступность, постоянная живая связь с широкими массами рабочих и крестьян, Ваш практический ум и огромный жизненный опыт, Ваша работа на посту Председателя ЦИК СССР — завоевали Вам любовь и уважение широчайших народных масс всех национальностей Советского Союза».

Человек исключительной скромности, он сомневался, не слишком ли высоко партия и правительство оценили его, наградив орденом Ленина.

— У нас орденами награждают тех людей, — говорил он, — которые выделяются исключительными делами. Мои дела не являются исключительными, они являются рядовой работой, работой рядового коммуниста.

...Через десять дней Михаил Иванович был уже в Ереване, а новый, 1936 год встречал в Баку.

1936 — 1937 годы — годы весьма и весьма напряженного труда в жизни Калинина. А здоровье продолжало сдавать. Начал слепнуть и левый глаз.

Но пока еще очки выручали, и никто не замечал, как трудно ему читать, особенно мелкий шрифт. Нелегко было и писать. Но он никогда не доверял сочинение даже черновых набросков речей, статей и докладов секретарям и помощникам. Сам, своей рукой писал все от первой до последней строчки крупным, разборчивым почерком. Разборчивый почерк выработался у него лишь в последнее время, когда глаза стали плохо

видеть.

В приемной и кабинете Калинина все время ключом бьет жизнь, все время его окружают интересные, хорошие люди. В те дни, когда он не выезжает на места, он принимает ходяков, вручает ордена или беседует с делегациями трудящихся. В 1935 году он принял делегации колхозников Якутии, представителей женщин — председателей сельских Советов и районных исполкомов Западной области, делегацию трудящихся Дагестана, в составе которой был народный поэт Сулейман Стальский, трудящихся Карелии, Днепропетровской области, Саратовского края. В этом же году он приветствует колхозников, конников Туркменской ССР, совершивших конный пробег Ашхабад — Москва, участвует в приеме колхозниц — ударниц свекловичных полей, беседует с иностранными рабочими, присутствовавшими на праздновании восемнадцатилетия Октября.

Все это встречи официально зарегистрированные. А сколько было встреч, приемов, бесед помимо того!..

Калинин не мог жить взаперти, вдали от людей; ему претила такая жизнь. Он, привыкший быть всегда с людьми, не мог ограничиться тишиной кремлевских площадей и созерцанием древних соборов. Нередко, придя домой после работы, он говорил детям:

— Давайте погуляем.

И они — Михаил Иванович, Валерьян, Лида, Юля, Шура (приемный сын Калининых) — шли гулять по улице Горького. Шли, смешиваясь с толпой, огорчаясь, когда их узнавали.

Одна из дочерей, Юлия Михайловна, рассказывала потом, что Калинину очень хотелось и жить в обычном доме, среди обычных, простых людей.

В отличие от Сталина Калинин не мог долго сидеть на одном месте. Его тянуло к народу. Без него он чувствовал себя просто плохо. Поговорить с людьми, посоветоваться, послушать пульс живой жизни — все это было для него так же необходимо, как сон и еда. И он продолжал свои поездки по стране, встречи с рабочими и колхозниками. И трудно сказать, кто испытывал от этого больше удовлетворения — люди или он, поговоривший с хорошими людьми.

Михаил Иванович часто беседовал с писателями. Ф. Gladков вспоминает, как он и другие члены редколлегии журнала «Новый мир» посетили Калинина. Михаил Иванович горячо и взволнованно говорил о журнале, критиковал неудачные вещи, давал советы, «Ярко запомнилась моя первая личная встреча с ним в начале тридцатых годов, — пишет Ф. Gladков. — Стоял морозный зимний день. В небольшом кабинете на

Моховой было уютно, тепло и по-домашнему просто. В камине буйно горели дрова. Иногда Михаил Иванович ворошил кочережкой догорающие головни и подкладывал новые поленья. Очевидно, ему очень нравилось здесь чувствовать себя как дома — в раздумье похаживать по кабинету и подкладывать в. — камин дрова. Думаю, что всякий, кто посещал его в этой комнате, чувствовал себя хорошо, непринужденно, как у гостеприимного друга. В сером пиджаке, в теплом вязаном жилете, он говорил словоохотливо, с умненькой улыбочкой, с лукавинкой в молодых глазах и посматривал на собеседника из-под бровей, поверх очков. Казалось, он проверяет того, с кем говорит, и уже заранее знает, что тот думает и что скажет. Чувствовалось, что человек силен житейской мудростью и большим опытом революционной борьбы, когда человек уже ничему не удивляется, когда он обладает богатым даром прозрения и знания человеческой души. Эта домашняя простота, непринужденность, искренность и постоянная сутулость — не стариковская, а такая, какая бывает у думающих и озабоченных людей, — сразу же успокаивали и располагали к откровенности.

Не помню всего, о чем шла беседа в тот день, — вероятно, больше о редакционных делах. Но в памяти остались те моменты, когда Михаил Иванович оживленно, с молодым увлечением говорил об огромном воспитательном значении художественной литературы.

— Ведь в былые годы, когда мы росли духовно и набирались сил, в художественной литературе мы искали ответов на все волнующие вопросы. У нас были любимые герои, любимые писатели, на которых мы смотрели, как на учителей жизни. Это были властители дум. Взять хотя бы таких людей, как Чернышевский, Салтыков-Щедрин, а потом наши современники — Короленко, Горький... Конечно, наша литература молодая, новая, у нее — и новые пути, и новые задачи, и новое содержание... Но и средства должны быть новые. Ведь и Пушкин начинал собою новую эпоху в литературе! Нельзя забывать этого и делать какие-то скидки. Да и наследство у нас огромное. Учиться надо, искать, бороться, а не идти по проторенным дорожкам. У нас есть даровитые и оригинальные художники. И вооружены они самым передовым мировоззрением. Надо быть в искусстве революционером, искателем, борцом во имя большого, всеобъемлющего идеала. А главное — не забывать Ленина, по нему равняться, у него учиться».

Литературу он любил очень, аккуратно следил за всеми ее новинками. В его личной библиотеке наряду с произведениями классиков всегда можно было найти последние книги Шолохова и Леонова, Федина и Ставского.

В эти годы, да и раньше он часто встречался с журналистами и рабселькорами. Простые дружеские советы, которые он высказывал, были понятны, будоражили мысли. Надо, говорил он, чтобы каждый номер газеты своим выпуском действовал, как звонок будильника утром, чтобы газета сразу снимала с людей сонное состояние. Для этого редактор должен ясно видеть те цели и задачи, которые ставит себе газета, и для достижения этих целей каждый день придумывать новые формы освещения событий.

Сразу же после VII съезда Советов Михаил Иванович был утвержден членом комиссии по выработке текста новой Конституции СССР. Несколько позже, 27 июля 1936 года, Президиум ВЦИК утвердил М.И. Калинина Председателем комиссии по выработке проекта Конституции РСФСР.

Новая Конституция СССР была принята Чрезвычайным VIII Всесоюзным съездом Советов в ноябре 1936 года. По традиции съезд вступительной речью открыл Калинин.

Конституция СССР ликвидировала всякие ограничения при выборах в Советы (после Октября в стране продолжалась ожесточенная классовая борьба, этим и были вызваны ограничения в избирательной системе), заменила многостепенные выборы прямыми. Устанавливались всеобщие, прямые, равные и тайные выборы во все Советы депутатов трудящихся.

Эти же принципы легли и в основу разработанной под руководством М.И. Калинина Конституции РСФСР, принятой по его докладу XVII Всероссийским съездом Советов в январе 1937 года.

Выборы в Верховный Совет СССР были назначены на 12 декабря 1937 года. В ноябре Михаил Иванович приехал в Ленинград. Здесь, на собрании избирателей Кировского и Ленинского районов, он сказал душевную, полную теплых воспоминаний речь;

— За что меня выдвинули кандидатом в депутаты Совета Национальностей, чему я обязан этой честью? Я считаю, в главном и основном, — тому, что я сохраняю в себе революционные черты ленинградского пролетариата. Ленинград мне близкий, родной. Помню, как я прежде появлялся нелегально в бывшем Петербурге: какая бы ни была неприятная обстановка, когда приедешь в Петербург, все кажется хорошим. Так вот: если Ленинград мне близкий, родной, дорогой, то с тем большим основанием я могу сказать! это о Кировском районе.

Выждав, когда затихнут аплодисменты, Михаил Иванович продолжал:

— Ведь в Кировском районе началась моя сознательная жизнь. Среди рабочих Кировского района во мне начало создаваться, крепнуть, выковываться большевистское революционное мировоззрение. Среди

рабочих Кировского завода во мне родились, росли и крепи способности к организации, пропаганде и агитации. В Кировском районе, среди рабочих Кировского района впервые у меня зарождается гордая мысль, что пролетариат должен не только бороться, но и обязательно победить.

Закончил Калинин такими словами: — Товарищи, коммунизм обогатил, наполнил глубоким содержанием жизнь и борьбу рабочего класса. Вот когда про меня говорят; человек прошел тяжелый жизненный путь, — не нравится это мне, по совести скажу. Если человек усвоил коммунистическое мировоззрение, то оно наполняет его жизнь таким богатым содержанием, что эта жизнь не кажется тяжелой, а кажется богатой, и, главное, — сам чувствуешь, что она бесконечно хороша даже в самые трудные моменты.

В это время Калинин шел шестьдесят третий год. Выборы прошли с огромным подъемом. Больше девяноста восьми процентов избирателей проголосовали за политику партии. Выборы показали, что в советском обществе сложилось подлинное единство людей, строящих новое общество.

Однако именно в 1937 году начали проявляться ограничения партийной и советской демократии. Именно в это время Сталин заявил, что по мере дальнейшего продвижения Советского государства вперед классовая борьба в стране должна обостряться. Это было ошибочное положение. К тому времени выросло и окрепло морально-политическое единство народа. В стране победил социализм. Этап наибольшей остроты классовой борьбы был пройден уже тогда, когда страна, решая вопросы коллективизации, беспощадно боролась с кулаком.

Ошибочный тезис Сталина дал повод к массовым репрессиям. В число репрессированных попали и многие ни в чем не повинные люди, честные коммунисты.

В 1937 году жертвами произвола пали ближайшие друзья и верные соратники Калинина — Енукидзе, Правдин, Шотман, Акулов, погибли такие выдающиеся военачальники, как Уборевич, Якир, Тухачевский.

Родные и близкие арестованных писали в НКВД, добивались приема, а когда это не удавалось, шли к Калинин, просили устроить прием у Сталина.

29 июня 1937 года жена арестованного А.В. Шотмана пишет Калинин: «Единственно, что у меня осталось, это поговорить с ним (со Сталиным. — А.Т.)... Я уверена, что Сталин меня примет, так как он, вероятно, меня еще помнит по Финляндии, где я принимала участие в переправе его за границу в 1912 году...»

Напрасная уверенность! Сталин не захотел разговаривать с революционеркой и женой революционера.

Летом 1937 года был арестован секретарь ЦИК Иван Акулов.

Калинин знал его еще по революционному Питеру. В период подготовки к выборам в IV Думу Акулов был членом исполнительной комиссии Петербургского комитета большевиков, а в 1917 году создавал военную организацию в Выборгском районе, поднимал войска на помощь революции. С 1935 года Акулов — один из ближайших коллег Калинина — секретарь ЦИК.

И вдруг арест!..

Один из друзей Михаила Ивановича, В. Трофимов, писал ему: «Сегодня (23 августа 1937 года. — А.Т.) при посещении семьи Акуловых я узнал, что Иван арестован. Я не могу отделаться от этого кошмарного удара. Но вместе с тем не могу допустить мысли, что Иван — предатель партии и Родины. Вот уже тридцать лет я его знаю, но всегда я знал его как убежденного ленинца... и как честного человека. Что же случилось? Может быть, он стал жертвой клеветы? Эта мысль не дает мне покоя...»

Не давала покоя эта мысль и Калинину. И, по свидетельству близко знавших его людей, он пытался — и не раз — говорить со Сталиным, Сталин отмахивался:

— Ты, Михаил Иванович, всегда был либералом...

Так называл Сталин чудесное свойство Калинина быть всегда чутким и человечным, строго следовать голосу законности и велению сердца, если решается человеческая судьба.

После санкционирования Сталиным предложений НКВД о приговорах тем или иным партийным работникам или военным деятелям было уже невозможно сделать что-либо. К тому же решение суда Военной коллегии не подлежало обжалованию даже в Президиуме Верховного Совета СССР.

Там, где это было возможно, Калинин вмешивался и добивался отмены несправедливо суровых наказаний.

В мае 1937 года к нему обратилась колхозница М.И. Семенова с просьбой освободить ее от уплаты трех тысяч рублей за проданную перед вступлением в колхоз корову. Внимательно разобравшись в деле, Михаил Иванович направил председателю колхоза «Революция» Ивановской области, где работала Семенова, письмо. В нем, в частности, говорилось:

«С точки зрения закона и Устава колхоза это решение является правильным, однако, несмотря на это, мне кажется, что ее просьбу следовало бы удовлетворить. Она одинокий и

преклонных лет человек и, судя по всему, не в состоянии уплатить три тысячи рублей даже и при шестилетней рассрочке. Применение принудительного взыскания, как это предполагает сделать судoisполнитель, к престарелой колхознице политически будет неправильно.

Таким образом, на деле, кроме судебной волокиты, ничего не получится.

Поэтому прошу Вас обсудить на собрании колхозников этот вопрос и сообщить им, что я лично считал бы возможным, в виде исключения, освободить ее от уплаты денег за корову. О решении прошу меня уведомить.

М. Калинин».

В начале 1938 года Калинин разбирается с делом А.Г. Икрина и затем пишет в Свердловский обком партии:

«Ко мне обратился с жалобой на неправильное исключение из партии и снятие с работы зав. Еланским райзо гр. Икрин А. Г.

При личных с ним переговорах у меня создалось впечатление, что он честный человек. Поэтому прошу Вас в насколько возможно ускоренном порядке разобраться с его делом исключения из партии. При разборе его надо принять во внимание как его неопытность, так и всю сложность той обстановки, в которой он очутился при выдвижении его на работу зав. райзо. При этом необходимо строго отделить вопрос о том, есть ли в его бывшей работе элементы преступности или просто неумение разобраться в том или ином вопросе.

Очень прошу Вас сообщить о том, как будет у Вас решено его дело.

С коммунистическим приветом.

М. Калинин».

В 1939 году один из родственников Мордухай-Болтовских попытался устроиться в Управление строительства Соликамского гидроузла. Стройка находилась в ведении НКВД, и его на работу не брали. Тогда внук Мордухай-Болтовского решил написать письмо Калинину.

Ответ пришел почти немедленно: «Ходатайство о приеме на работу поддерживаю». Помог ему Михаил Иванович и прописаться в Ленинграде. Но тут из управления НКВД Ленинградской области к Калинину поступает

письмо, извещающее «всесоюзного старосту», что гражданин Александр Иванович Мордухай-Болтовский скрыл от него, Калинина, что был в свое время осужден и что, следовательно, правом проживания в Ленинграде он не пользуется. Под сообщением — подпись заместителя начальника управления Гоглидзе — цепного пса Берия и такого же, как он, негодяя. Калинин ответил:

«Получил Ваше письмо по поводу гражданина Мордухая-Болтовского А.И. При рассмотрении его ходатайства о прописке мне было известно, что он был в 1935 году осужден особым совещанием на 3 года.

Я лично хорошо знаю не только А.И. Мордухая-Болтовского, но и всю их семью больше 50 лет.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР *М. Калинин*».

Позже, уже во время Великой Отечественной войны, в беседе с писателем Пришвиным, когда речь зашла о Мордухаях, Калинин сказал, что, к чести всех членов семьи генерала Мордухай-Болтовского, никто из них не присоединился к контрреволюции.

На всю жизнь сохранил Калинин теплое чувство к этой семье.

И уж совсем неверным считал Калинин, когда за грехи мужа подвергают наказаниям жену. Характерно в этом отношении письмо Калинина коменданту 2-го отряда стрелковой охраны г. Смоленска.

«У Вас в детском приемнике в течение двух лет работала воспитательницей беспризорных гр. Прудникова Ф.А.

В январе месяце она Вами была уволена с работы в связи с тем, что ее муж был исключен из партии и выслан.

Считаю увольнение гр. Прудниковой только по этой причине необоснованным. Считаю возможным оставление ее на работе, если за ней лично нет порочащих фактов».

1938 год не принес облегчения. С поста наркома внутренних дел был снят Ежов, вместо него пробрался Берия, пользовавшийся почти неограниченным доверием Сталина. Последовала новая серия провокационных арестов: Блюхер, Крыленко, Рудзутак, Уншлихт...

В это время болезнь глаз у Калинина сильно обострилась. Врачи

предупредили, что если он не согласится на операцию, то ослепнет.

После операции Михаил Иванович отправился лечиться в Сочи. Туда же приехала и Екатерина Ивановна:

Калинин писал в это время Лиде: «Сегодня приехала мать. Её приезд внес динамичность в нашу стоячую жизнь. Она утром приехала и сходила на море, ездила на Ахун, поднялась на башню, была у зубного... Сегодня — я письмо продолжаю писать на второй день — купалась в море, сейчас с Грушей ушли гулять, ночевать будут в Гаграх, чтобы завтра быть на озере Рида.

Я же, наоборот, веду жизнь сидя. Через день принимаю ванны, в свободные дни — массаж. 30-го окончил работу и послал ее в редакцию «Молодой гвардии». Свое обещание перед комсомолом я выполнил; не могу сказать, каково оно вышло, но труда в работу вложено немало...^[1]

Здоровье, самочувствие хорошее, врачи говорят, что здесь еще улучшилось. Я думаю, в этом случае они не врут. Я сам нахожу, что нервы и все прочее стало лучше. А с окончанием работы будем больше уделять основному отдыху. Как раз сейчас и погода идет к улучшению».

Казалось, ничто не предвещало грозы. Не взволновала никого и телеграмма, полученная Екатериной Ивановной из Москвы. Вызывали на работу. Что же делать, вызов есть вызов: работа прежде всего. Трудно было представить себе, что произойдет потом.

А случилось вот что. Приехав в Москву, Екатерина Ивановна отправилась на службу. Время было позднее. Она там никого не встретила и так и не смогла понять, зачем ее вызывали. А вечером, когда она уже собиралась ложиться спать, раздался звонок в дверь. Вошли двое в штатских костюмах, вежливо поздоровались. Потом один из них сказал, что они из НКВД и что Берия просит ее приехать. Он желает посоветоваться с ней по некоторым вопросам. Екатерина Ивановна оделась, позвонила по телефону Лиде, попросила ее приехать завтра и закрыла за собой дверь...

Открыть вновь эту дверь ей удалось лишь спустя семь лет, уже после окончания Отечественной войны.

Как и многие другие, она стала жертвой гнусной и нелепой клеветы

Арест жены явился страшным ударом для Калинина. Здоровье, с таким трудом хоть немного приведенное в норму, стало ухудшаться снова.

Но когда он приходил домой, в семью, никто не мог прочитать на его лице каких-либо переживаний. Он не заводил никаких разговоров на эту тему, а домашние ни о чем не спрашивали. Знали: если можно было бы что-то сделать, отец сделал бы.

МУДРЫЕ СОВЕТЫ

17 января 1938 года первая сессия Верховного Совета СССР первого созыва избрала Михаила Ивановича Калинина Председателем Президиума Верховного Совета СССР. В эту свою новую должность он вступил в нелегкое время. Мир был охвачен волнением. Шла война в Китае, Абиссинии, Испании. Она со дня на день угрожала охватить весь мир. Реакционные круги западных держав стремились развязать агрессию гитлеровской Германии и фашистской Японии против Советского Союза.

Угроза войны накладывала суровый отпечаток на деятельность Коммунистической партии и правительства СССР. XVIII съезд партии, проходивший в марте 1939 года, отметил, что развязывание фашистскими государствами войны против свободолюбивых народов представляет собой угрозу делу мира во всем мире. Съезд дал Советскому правительству директиву: соблюдать осторожность и не давать втянуть страну в конфликт, всемерно укреплять Красную Армию и Военно-Морской Флот.

Руководствуясь этим указанием съезда, Советский Союз в августе 1939 года принял решение заключить с Германией договор о ненападении. Это решение было принято лишь после того, как выяснилось, что ни Англия, ни Франция, ни также Польша не пожелали вступить с СССР в совместный союз против Гитлера.

«...Наличие капиталистического окружения, — говорил Калинин на собрании слушателей и преподавателей Военно-политической академии имени В.И. Ленина в сентябре 1940 года, — и теперешние международные условия обязывают нас развивать у советских граждан чувство самосохранения и усиливать их мобилизационную готовность. Все, кому дорог коммунизм как общественная система, на основе которой они желают жить, должны эту систему укреплять, должны за нее бороться».

В эти нелегкие годы Калинин, как всегда, в гуще масс. Он выступает перед народом, принимает делегации трудящихся, выезжает в Выборг, Ленинград, Тбилиси, Ленинакан, Баку. Энергия его, казалось, не знает предела. Его речи обращены к рабочим и учителям, к комсомольским работникам и школьникам, к военным и интеллигенции. Он глубоко

разрабатывает вопросы коммунистического воспитания, много внимания уделяет детям.

Еще в конце 1937 года в газете «Пионерская правда» была напечатана небольшая статья Михаила Ивановича Калинина. Называлась она «Мои пожелания пионерам и школьникам».

«Мое пожелание, — писал он, — чтобы вы хорошо учились. А для этого надо так организовать свою учебу, свой день, чтобы успевать и отлично учиться, и гулять, и играть, и заниматься физкультурой. Ведь мы хотим, чтобы вы были не только учеными, но и здоровыми, жизнерадостными и счастливыми людьми».

Дети самого Калинина росли в простой скромной обстановке. К воспитанию и обучению детей Михаил Иванович подходил очень серьезно. То, чему учил других, он проводил в жизнь в своей семье. Учил уважать труд, быть бережливым и скромным во всем.

Пока ребята учились в школе, Михаил Иванович частенько заглядывал в школу, беседовал с директором, с учителями. Когда сыновья Валерьян и Александр поступили в один из ленинградских институтов, Михаил Иванович попросил старого приятеля, знакомого по «Айвазу» — Владимира Петровича Колпашникова — поселить их у себя. Тот засомневался было:

— Угожу ли твоим ребятам-то? Калинин засмеялся:

— Об этом они должны беспокоиться, а не ты... И «ребята», к тому времени уже юноши, жили

как сыновья в семье старого рабочего. Учились самостоятельности, бережливости всерьез, а не играючи. Помогали в доме по хозяйству: кололи дрова, топили печь.

На летние каникулы они уезжали в Верхнюю Троицу, где вместе с другими колхозниками работали в поле.

Михаил Иванович не раз повторял:

— Если человек живет, питается и не работает, то это значит, что он поедает чужой труд.

Калинина никогда никто не мог упрекнуть в том, что он говорит одно, а делает другое. И дети его хорошо знали, что слово у отца не расходится с делом. Они знали, что бесполезно просить его оказать какую-либо протекцию. Напротив, он просил учителей и преподавателей быть построже с его детьми. Они не пользовались никакими привилегиями,

никогда не позволяли себе пропустить урок или опоздать.

«Отношения у меня с детьми, — говорил Михаил Иванович, — самые простые, самые товарищеские. Мои ребята любят спорить со мною и бывают очень довольны, когда им удастся на чем-нибудь меня изловить. Они страшно довольны, если я «попадусь». Ну, конечно, и я стараюсь, в свою очередь, подловить их на чем-нибудь. Задашь вопрос — смотришь, кто-нибудь и не знает. Иногда поспорим серьезно, принципиально. Для них спорить с отцом — самое приятное дело. Я никогда не чувствовал, что был для них неавторитетным. Но это ничуть не связано с их материальной зависимостью от меня. Материально они всегда приучались мною к самостоятельности».

Главное, чему наставлял Калинин детей, — это уметь видеть в жизни большую цель, великую идею. Если эта идея овладеет всем сознанием человека, говорил он, то и разные житейские невзгоды ему будет легче переносить. Только в борьбе за счастье народа человек может обрести личное счастье. А высшим счастьем для человека является возможность отдать все свои силы и способности Родине, великому делу строительства социализма.

Калинина всегда волновали вопросы воспитания молодежи, но особенно много внимания он уделял им в предвоенные годы.

Всю свою мудрость, опыт старого, много повидавшего человека вложил он в разработку вопросов коммунистического воспитания. Он отдавал себе ясный отчет, что нынешнему поколению предстоит трудная доля. Тучи на международном горизонте сгустились. И Михаил Иванович хорошо понимал, что от молодежи во многом будут зависеть судьбы Родины.

Он охотно приходил на собрания учителей, школьников, комсомольцев. «Воспитание, — подчеркивал он, — это одна из самых трудных задач, я говорю о настоящем, правильном воспитании».

Идейная убежденность — вот главное в советском человеке, учил он. В]934 году на совещании актива днепропетровского комсомола он говорил:

«Для того чтобы быть крепким коммунистом, требуется прежде всего твердое коммунистическое мировоззрение. Коммунистическое мировоззрение дает нам возможность умело подходить к каждому вопросу, правильно подойти к каждому

явлению. Коммунистическое мировоззрение является тем же самым для борцов пролетарской революции, чем, скажем, для астронома является крупнейший телескоп, а для лабораторного исследователя — микроскоп... Если ты живешь общей, коллективной идеей, если у тебя превыше всего дело коллектива, если ты живешь теми же интересами и надеждами, что и окружающие, — то эти-то общие интересы трудящихся и делают нас, коммунистов-стариков, молодыми».

Но где ключ к выработке этого мировоззрения? Ключ, естественно, в овладении научным коммунизмом. «Овладение марксизмом, — напутствовал он студентов Института государственного права и государственного управления, — дает возможность человеку наилучшим образом выполнять его работу, потому что он может свою, хотя бы небольшую по объему, работу связывать с общим процессом... Он знает, что объем его работы невелик, но та деталь, которую он выполняет, — часть большого целого механизма. Поэтому он получает внутреннее удовлетворение».

Но марксистско-ленинская теория — не «символ веры», не собрание догматов. Она — руководство к действию. Главное в марксизме-ленинизме не буква, а сущность, революционный дух. Заучить марксизм-ленинизм — это дело не трудное, но сделать так, чтобы он вошел в твою плоть и кровь, определяя все твои поступки, — это гораздо сложнее.

Свои мысли о коммунистическом воспитании Михаил Иванович обобщил в докладе на собрании партийного актива Москвы 2 октября 1940 года.

Воспитание, говорил он, есть целеустремленное и систематическое воздействие на психологию воспитуемого, чтобы привить ему качества, желательные воспитателю. В понятие «воспитание» входит внедрение определенного мировоззрения, нравственности и правил человеческого общежития, выработка определенных черт характера и воли, привычек и вкусов, развитие определенных физических свойств.

Коммунистическое воспитание предполагает прежде всего развитие политического сознания, общей культуры, повышение интеллектуального уровня людей. Но воспитание людей не может проходить в отрыве от труда. Напротив, только в борьбе за высокую производительность труда выковывается настоящий коммунист. Поощряя и награждая лучших работников и в то же время карая дезорганизаторов производства, партия и советская власть тем самым показывают, в каком направлении надо вести

коммунистическое воспитание трудящихся,

В дореволюционное время, вспоминал он, стариков, работавших по сорок лет на заводе, хороших профессионалов, мы, революционеры, тогда не особенно ценили. А ведь они были квалифицированными работниками, знатоками своего дела, поборниками дисциплины в труде. Когда возникала забастовка, их насильно приходилось выпирать с завода. Сами они не решались прекращать работу, боясь испортить хорошие отношения с начальством. Мы не ценили таких рабочих в старое время. Почему? Потому, что они старались для капиталистов.

Другое дело сейчас, при социализме. Сейчас таких людей, которые проработали на заводе сорок лет, которые представляют собой образец трудовой дисциплины, являются знатоками своего дела и дают высшие показатели производительности труда, — таких людей мы поднимаем на щит, награждаем орденами и медалями, чествуем и премируем, как лучших советских граждан.

Но коммунизм — это не только высшая производительность труда, но и высокое качество продукции. «...Даже в дореволюционный период, во времена капитализма, — говорил Михаил Иванович, — часть рабочих, боровшихся с капиталистами, смотрела на дело так, что нельзя делать вещи плохо, — это им претило, они как бы совестились. А у нас, в социалистическом обществе, когда мы работаем не на капиталистов, а на самих себя, — всем ли претит, все ли совестятся делать плохие вещи? К сожалению, этого нельзя сказать. Однако было бы куда лучше, если бы люди больше совестились, если бы им больше претило выпускать недоброкачественную продукцию». «Итак, — делал Калинин вывод, — борьба за коммунизм — это борьба за высшую производительность труда как в смысле количества, так и в смысле качества продукции. Вот вам первое основное положение коммунистического воспитания трудящихся СССР».

Второй составной частью воспитания Михаил Иванович считал бережливость, экономное отношение к общественному добру. Бережливость в общем балансе государственного производства, говорил он, является плюсовой частью народного достояния. И эта часть должна из года в год расти как результат повышения нашей культурности.

Необходимый составной элемент коммунистического воспитания — это развитие любви к социалистической Родине, развитие советского патриотизма. При этом проповедь советского патриотизма не может быть оторванной от истории нашего народа. Она должна быть наполнена патриотической гордостью и за его прошлые деяния.

«Товарищи, — обращался он к московским коммунистам, — история возложила на нас ответственную и почетную задачу — довести нашу классовую борьбу до полной победы коммунизма...

А для этого мы должны воспитывать всех трудящихся СССР в духе пламенного патриотизма, в духе безграничной любви к своей Родине. Я говорю не об отвлеченной, не о платонической любви, а о любви напористой, активной, страстной, неукротимой, о такой любви, которая не знает никакой пощады к врагам, которая не остановится ни перед какими жертвами во имя Родины».

Большое значение для воспитания советского человека, считал Калинин, имеет внедрение коллективности в быт, в производство, в общественные отношения. Коллективность должна стать нормой поведения советских людей, ибо от нее в значительной степени зависит успех коммунистического строительства и особенно в деревне.

И, наконец, последнее — это культурность. В это слово вкладывается большое содержание. Культурность — определенный показатель степени развития человека. Чтобы двигаться вперед, нужна культура.

Калинин горячо любил молодежь и по-хорошему завидовал ей. В одном из своих блокнотов он оставил такую запись: «...Когда мысленно обзираешь поле деятельности нашей молодежи, комсомола, невольно скажешь: «Черт возьми, хорошо быть молодым, но особенно хорошо у нас, в настоящее время, в СССР».

Комсомольцы многих поколений привыкли считать Калинина своим другом и наставником. И это не удивительно. Он часто приходил на комсомольские совещания, охотно писал в комсомольские журналы и газеты. Делегаты очередного Всесоюзного съезда ВЛКСМ знали, что обязательно увидят в президиуме Михаила Ивановича.

Когда он беседовал с молодежью, у него всегда находились какие-то особенно теплые, проникновенные слова. Они свидетельствовали о глубоком знании юношеской психологии.

«...Комсомол, — говорил Калинин, — богат людьми самых разнообразных профессий: ученые, писатели, инженеры, агрономы, рабочие и колхозники, профсоюзные, политические и административные работники, красноармейцы, летчики и т. д. Сколько здесь характеров и умов, сколько профессиональных особенностей! И к тому же это люди задорные, с обостренной

впечатлительностью и повышенной активностью, стремящиеся принести максимальную пользу своему народу. И вот задача комсомола состоит в том, чтобы всю эту людскую энергию, проявляющуюся в самых различных видах, умело использовать и направить органически, не ломая личных устремлений, не тормозя молодую энергию бюрократическими формами, направить в русло ленинизма, в русло партийности».

Незадолго до начала войны, 17 апреля 1941 года, Михаил Иванович выступил на собрании учащихся старших классов Ленинского района Москвы. В книгах это выступление именуется «речью». На самом же деле это душевная беседа старшего товарища со своими воспитанниками.

С первых же слов Калинина в зале установилась непринужденная атмосфера. Не было собрания, не было президиума. Был человек на трибуне — худощавый, немолодой и по внешности ничем не примечательный. И еще были слова — простые до предела, понятные без всяких усилий.

— Товарищи, — говорил он, — хотя я и не так уж редко общаюсь с молодежью, но все-таки мне нелегко проникнуться теми настроениями и чувствами, которыми вы живете. Да это и понятно: ведь в вашем возрасте я был примерно лет пятьдесят тому назад. За эти годы многое из того, что было пережито в молодости, улетучилось из памяти, а то, что помню, наверное, покажется вам глубокой-глубокой стариной...

Калинин вспоминал в этот день свою далекую молодость, своих друзей по Путиловскому. Вспоминал, как создавали первые марксистские кружки, учились вести революционную работу.

— При этом, — говорил он, — внешне мы мало чем отличались от остальных рабочих...

Бывали мы на общих вечеринках, устраивали свидания с девушками, гуляли. И чтобы погулять в общественном саду, иногда лазили туда через забор...

Смеялись ребята и девчата. Неужто Калинин через забор лазил? И Калинин улыбался, ожидая, когда веселье уляжется.

— И лазили вовсе не потому, что у нас не могло найтись десять копеек для уплаты за вход... Но ведь перелезть через забор — это все-таки риск...

И зал опять весело смеялся: конечно, что ж тут удивительного — был Калинин таким, как мы.

— Но все-таки, — продолжал Михаил Иванович, — мы отличались от остальной рабочей молодежи...

Слушатели насторожились: чем же отличались?

— ...Отличались тем, что у нас обыденные интересы постепенно оттеснялись общими интересами рабочих. Занятия в нелегальных кружках и чтение революционной литературы расширяли наш политический кругозор, наполняя нашу жизнь идейным содержанием. Раньше мы к вопиющим фактам произвола на заводе относились как к отдельным безобразиям, а теперь уже стали рассматривать их как систему угнетения рабочего класса вообще со стороны не только заводского начальства и предпринимателей, но и самодержавия.

Так постепенно и как бы незаметно мы вошли в идейную жизнь.

Потом он говорил о том, что значит жить идейной. жизнью, жить интересами народа.

Говорил и об огромном значении физической подготовки, о необходимости быть готовым к трудностям, к войне.

— Мне хочется, чтобы советский человек был здоровым, сильным, выносливым и непримиримым к врагам нашей Родины, чтобы он умел великолепно драться за свой народ, за полную победу коммунизма.

Школьники хлопали в ладоши и одобрительно кричали:

— Верно!

И никто из них не подозревал, насколько близка эта самая война, о которой они думали, как о чем-то весьма отдаленном, и сколько невероятного горя и страдания принесет она всем им и их Родине...

ВОЙНА

Для большинства советских людей война началась неожиданно.

В ночь на 22 июня 1941 года фашистские армии вторглись в пределы нашей страны и завязали жестокие бои с советскими пограничными частями.

В половине шестого утра, когда посол Германии Шуленбург официально заявил Советскому правительству, что его страна объявляет Советскому Союзу войну, в этом заявлении уже не было никакой необходимости. Бомбы, рвущиеся над Минском и Киевом, не оставляли места сомнению в намерении Гитлера.

Это было неслыханное вероломство. Гитлер не затруднил себя даже предъявлением каких-либо претензий к Советской стране. Избалованные победами в Европе, фашистские полчища начали давно задуманный Гитлером марш на Восток.

В этот же день Президиум Верховного Совета СССР под председательством Калинина принял указ «О военном положении». Вслед за ним последовал указ «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время».

Страна быстро перестраивалась на военный лад. Советский народ поднимался на смертельный бой с врагом. 30 июня в Кремле собралось совместное заседание Президиума Верховного Совета СССР, Центрального Комитета партии и Совета Народных Комиссаров. На заседании было решено создать Государственный Комитет Оборона и передать ему всю полноту власти в государстве. Это было сделано «в целях быстрой мобилизации всех сил народов СССР для проведения отпора врагу».

Центральный Комитет партии распределил обязанности между членами и кандидатами в члены ЦК по руководству различными участками военной, хозяйственной и идеологической работы. М.И. Калинину партия поручила вести идеологическую работу.

Рядовой боец партии, каким он всегда считал себя, Калинин всю свою энергию, опыт, жизненную мудрость подчинил одной цели — победе над врагом. Он словно помолодел. Смертельная опасность, нависшая над страной, над ленинскими завоеваниями, над народом, заставляла позабыть о старости и болезни.

Каждый день у Калинина был заполнен до отказа: поездки на предприятия и в воинские части, выступления, приемы, телефонные

звонки, деловые совещания. Напряженный труд и вечером и ночью — Калинин писал статьи, читал. Когда очень сильно уставали глаза, просил почитать кого-нибудь из домашних. Вставал Михаил Иванович рано, и в голове уже был готов расписанный по минутам план предстоящего дня.

Каждый месяц на страницах «Известий» появлялись статьи Калинина. Оценивая в них происходящие на фронте и в тылу события, он старался подсказать, что и как надо делать в соответствующей обстановке. В июне 1941 года он напоминает жителям прифронтовой полосы о том, что каждый из них должен считать себя воином, защитником родной территории и, исходя из того, вести практическое дело.

Он призывает создавать повстанческие группы и рекомендует держать состав группы в секрете не только от всего населения, но и от близких: «Незачем посвящать в это дело лишних людей, пользы от этого мало, а вред может быть большой».

Июльскую статью Михаил Иванович посвящает организации местной противовоздушной обороны. Города и местечки делаются легкой добычей фашистских бандитов-летчиков лишь там, пишет он, где плохо организована МПВО. Он призывает изучать опыт лондонского населения по борьбе с вражескими бомбардировщиками.

В статье «Военные комиссары» Калинин развенчивает миф о непобедимости фашистской армии. Военные комиссары, пишет он, должны разъяснять, что тактика врага рассчитана на испуг противника, на подбадривание, временное духовное одурманивание своих солдат, чтобы заставить их, не думая, мчаться вперед. Стоять на месте для фашистов смерти подобно. Фашистские заправилы хорошо понимают, что любая задержка в продвижении войск несет разложение их армии, так как возбуждает у солдат сомнения в целесообразности войны и в возможности победы. Вот почему каждое наше подразделение, задерживающее фашистов, расстраивает созданный с немецкой методичностью порядок и приближает нашу победу.

Время показало, насколько справедливыми были эти советы.

Сопrotивление советских войск нарастало с каждым днем. Во время отчаянных боев за Смоленск, когда город несколько раз переходил из рук в руки, Михаил Иванович получил от его защитников письмо, и чем-то далеким, знакомым повеяло. Писали бойцы 53-го стрелкового полка, которому в 1921 году Калинин вручал Красное знамя. Они сообщали, что берегут это знамя так же, как и боевые традиции полка. А Калинин вспомнил гражданскую войну, поездки с бронепоездом «Октябрьская революция», красноармейцев, оборванных и полуголодных, вооруженных

кое-как, но полных решимости победить врага...

Осень 1941 года принесла с собой смертельную угрозу Москве и Ленинграду. Калинин обращается к ленинградцам с письмом «Не бывать фашистам в Ленинграде!».

Гитлеровские войска подходили к Москве. Столица оцетинилась противотанковыми надолбами.

Зарево фронта по ночам было видно из центра города.

— Немцы в Химках, — говорили люди, прислушиваясь к грохоту непрерывной канонады.

Государственный Комитет Оборона принял решение об эвакуации части правительства, ЦК партии и ЦК ВЛКСМ в город Куйбышев. Вместе с другими руководящими деятелями государства выехал туда и Михаил Иванович Калинин. И здесь он встречался с рабочими, с бойцами, отправлявшимися на фронт, с комсомольским активом, писал статьи.

Отсюда он вновь обратился к ленинградцам с призывом отстоять славный город.

Положение Ленинграда внушало Калинину серьезные опасения. С каждым днем затруднялись возможности доставки в город продовольствия. Железную дорогу перерезали немцы. На Ладожском озере начались штормы, и транспортные суда не могли отправиться в плавание.

В эти дни Михаил Иванович послал Сталину, как Председателю Государственного Комитета Оборона, письмо. «...Трудности в положении Ленинграда и опасность для него, — писал он, — видимо, увеличиваются... Мне кажется необходимым, чтобы были выяснены и тщательно разработаны возможные пути и способы снабжения Ленинграда в условиях зимы: гужевые, автотранспортные, самолетами...»

Вскоре пришел ответ Сталина. Он сообщал, что меры принимаются. Несмотря на недостаток самолетов и горючего, на помощь осажденному городу были брошены значительные силы транспортной авиации.

6 декабря 1941 года наши войска, остановив наступление гитлеровцев под Москвой, перешли в контрнаступление и погнали, погнали на запад полчища врага. Под Новый год была освобождена Калуга, потом Елец. Московская и Тульская области были очищены полностью.

Новый, 1942 год советские люди встречали, слушая по радио выступление Михаила Ивановича Калинина. Тихо звучал знакомый голос:

— Товарищи красноармейцы, командиры, политработники! Вашим умением, геройством, которым восхищается весь мир, враг остановлен...

Германская правящая клика просчиталась.

Наши силы в борьбе с врагом растут. Мы уверены в победе. Мы знаем,

что ни один советский человек не успокоится до тех пор, пока хотя бы один гитлеровец будет топтать священную советскую землю, пока гитлеризм не будет выжжен каленым железом.

16 декабря 1941 года наступающие части Красной Армии освободили город Калинин. 11 января Михаил Иванович выехал туда.

Город встретил его грудой развалин, рядами сгоревших домов, на пепелищах которых, словно сказочные чудовища, возвышались кирпичные русские печки. В западной части области еще шли бои.

Калинин побывал на заводе имени 1 Мая, некоторые из цехов которого уже работали, встретился с руководителями области, с командующим Калининским фронтом генералом Коневым.

Потом он присутствовал на собрании городского партийного актива.

Он говорил здесь о сложных задачах восстановления разрушенного хозяйства, о переломе на фронте, о надеждах на лучшее.

Калинин закончил свою речь такими словами:

— В прошлой истории Твери... было немало проявления народного героизма, патриотизма, любви к своей стране, к своему народу. Мне хочется, чтобы и в данный жестокий, но великий героический момент Калининская область оказалась в первых рядах борющихся с врагом, чтобы в этой большой народной драме оказались страницы, на которых ярко запечатлена ваша беззаветная борьба за Страну Советов, за ее народ, за партию...

Зал стоя аплодировал Калинин.

На другой день Михаил Иванович отправился в село Городню Завидовского района. Один из жителей села, Е.С. Кульков, вспоминает: он куда-то собирался идти, как вдруг вбегает сосед Михаил Александрович Бабонов.

— Готовься, — говорит, — гостя встречать. Михаил Иванович едет и у нас остановиться собирается. Сейчас только сообщили...

Через некоторое время подъехало несколько машин. Из одной вышел Калинин с палкой в руках.

В доме Бабонова почетного гостя усадили в красный угол. Хозяева замялись: угостить-то нечем. Время тяжелое, голодное. На всю Городню одна корова осталась. Предложили молока.

— Подкрепитесь с дороги. Чем богаты, тем и рады.

Михаил Иванович отказался.

— Спасибо, — сказал, — я в Твери пообедал. — И вытащил из кармана папиросы. Все закурили. Лестно было выкурить папироску самим Калинин.

Вскоре изба заполнилась народом. Пришли крестьяне и из соседних деревень. На дворе быстро темнело. Зажгли тусклую керосиновую лампу. Так в полутьме и беседовали. О многом переговорили в тот вечер.

Кое-кто пал духом, не видел просвета в жизни: «За что ни возьмись, все в прах разрушено врагом. Хоть ложись и умирай!»

Слышал Михаил Иванович такие слова и раньше, еще в 1919-м. Знал, что и на этот раз выдержим, справимся с разрухой. Он советовал держаться за колхоз. Это живой родник изобилия. Только в нем сила и спасение. Надо браться за строительство жилищ, скорее приютить погорельцев, наладить учебу детей. Впереди — сев. Насколько успешно проведем его, настолько и жизнь наладим.

— У нас немножко агитация неправильно поставлена. Все кричат: мы бьем, гоним и т. д., а народ успокаивается. Я не люблю так говорить. Что же зря хвастаться? Я и говорю: чтобы немцев прогнать, нужно очень много работать. Ведь сейчас войну ведут не только красноармейцы на фронте, но и все население, все мы. Раньше все-таки каждый думал о себе, о своем хозяйстве, а теперь нужно думать о целом, о своем государстве.

Тепло провожали колхозники Калинина, горячо благодарили его за помощь, поддержку, внимание.

В Москве Михаил Иванович получил сообщение из Ленинграда о смерти племянника Вячеслава — сына сестры Прасковьи Ивановны. Вячеслав умер от голода. Он не прибег к чьей-либо помощи, а ведь стоило только сказать, что он племянник Калинина, ему наверняка не дали бы умереть голодной смертью.

Голод... Третий раз в своей жизни Калинин видел его костлявую руку.

Конечно, Ленинград попал в исключительные условия, но нельзя допускать, чтобы вся страна и, конечно, в первую очередь фронтовики голодали. Надо обратиться к деревне, надо сказать колхозникам, как много теперь от них зависит. Приближалась пора весеннего сева. На первый план выступала задача успешно провести его.

Первого марта «Правда» и «Известия» опубликовали статью Калинина о весенних полевых работах. Михаил Иванович сравнивал их по значению, с производством боеприпасов и вооружения. Ведь для того, чтобы армия хорошо дралась, надо обеспечить ее хлебом, мясом, овощами.

Он обращал внимание руководителей тех областей и колхозов, где побывали фашисты, на необходимость сбора, ремонта и самостоятельного изготовления кустарным способом сельскохозяйственных орудий. Предостерегал, чтобы на помощь центра в этом отношении не очень-то рассчитывали. Запасные части и детали надо находить на месте. На месте

же найдется и металл; достаточно почистить хорошо дороги, их обочины, окопы.

Статья указывала на пример ряда колхозов и МТС Алтайского края, которые взяли обязательство увеличить посевные площади. Этому примеру должны следовать все колхозы.

Калинин рекомендовал использовать на весеннем севе рогатый скот, так как тракторов и лошадей не хватает. Меньше требовать от государства, больше отдавать государству — так добывается победа, писал он.

В этой же статье Калинин поставил задачу широкого развития коллективного и индивидуального огородничества, создание подсобных хозяйств при предприятиях.

Через день Калинин выступал на совещании секретарей сельских комсомольских организаций Московской области.

— Я не ошибусь, — говорил он, — если скажу, что в деревне все хотят, чтобы немецких оккупантов побили.

Но просто хотеть этого мало, это все равно что ничего не делать. Если хочешь, чтобы гитлеровцев побили, то их нужно бить не словами, а делом. И вот, если говорить о Московской области, то нужно прямо сказать: если ты хочешь участвовать в победе над немецко-фашистскими захватчиками, то ты должен как можно больше посадить картофеля.

Что могут сделать комсомольские организаторы?

— Сила организатора, — отвечал на этот вопрос Михаил Иванович, — должна состоять не только в том, что он сам работает, но и заставляет работать других, увлекает их за собой.

Только так мы можем добиться успеха.

Восемнадцатого марта Михаил Иванович приехал в Горький, чтобы вручить ордена и медали лучшим производственникам города.

«Народу пришло столько, — вспоминает один из очевидцев выступления Калинина, — что клуб не вмещал всех... Как замороженные слушали мы тогда его речь — простую, ясную, затрагивающую до глубины души. Он говорил о переживаемых трудностях, о необходимости больше производить самолетов, танков, пушек, снарядов... Говорил Михаил Иванович тихо, но в зале было еще тише, и каждое его слово ловилось на лету».

С особым волнением воспринимал Михаил Иванович встречи с бойцами Красной Армии. Вскоре после возвращения из Горького он посетил героический кавалерийский корпус генерала Доватора. Несколько раньше он приветствовал подразделение Первой ударной армии.

Летом 1942 года положение на фронте оказалось чрезвычайно

тяжелым. Гитлеровцы форсировали Дон, прорвались к Волге.

В сентябре все фронтовые газеты опубликовали статью Калинина. Она называлась «Слово к бойцам». В этот грозный час, писал Михаил Иванович, Родина требует, чтобы жизнь каждого гражданина, а тем более бойца находилась в ее полном распоряжении. Жизнь — самое ценное для человека, но бывают моменты, когда она приносится в жертву во имя еще более ценного — сохранения своего государства, сохранения национальной самостоятельности.

Опыт показывает, говорилось в статье, что стойкие части, наносящие самые сильные удары по врагу, несут наименьшие потери... Стойкость — важнейшее условие победы над фашистскими захватчиками.

Статью Калинина читали в окопах и в блиндажах. Откровенные и мудрые слова вливали в души людей новую энергию, укрепляли ненависть к врагу, желание добиться победы. «Каждый из нас — писали снайперы 284-й стрелковой дивизии в красноармейской фронтовой газете, — еще глубже проникся сознанием своего долга перед Родиной. В наших сердцах еще злее закипала ненависть к гитлеровским выродкам. Давайте, товарищи, еще сильнее и метче разить врага, ширить снайперское движение. Днем и ночью не давать врагу покоя, искать и истреблять немецких оккупантов».

14 октября 1942 года Калинин приехал в Ярославль на областное совещание льноводов. Он внимательно слушал председателей колхозов, передовиков-льноводов, а в перерыве познакомился с выставкой изделий из ярославского льна. В заключение совещания Михаил Иванович выступил с речью.

На следующий после совещания день Калинин побывал на фабрике «Красный Перекоп», осматривая цехи, он прямо у станков беседовал с рабочими. Вечером он выступил на совещании секретарей райкомов партии и начальников политотделов МТС.

Так проходит день за днем; встречи с рабочими, колхозниками, бойцами. И всегда он говорит правду. Говорит о трудностях, о тяжелом пути к победе. Во время своих поездок, многочисленных встреч с народом — беседует ли он с работниками Трудовых резервов или с избачами, с комсомольцами или учеными, — Калинин все время помнит о фронте, о тех, кто в окопах.

В разгар боев на Волге по просьбе фронтовой газеты Калинин вновь обращается, на этот раз уже непосредственно, к защитникам волжской твердыни со статьей «Богатырям Сталинграда».

Начавшееся 19 ноября наступление частей Красной Армии на Дону и Волге закончилось прорывом обороны противника и окружением двадцати

двух вражеских дивизий.

Выдающуюся роль в организации этой невиданной в истории победы сыграл Никита Сергеевич Хрущев, бывший в то время членом Военного Совета фронта, командовал которым генерал Андрей Иванович Еременко.

10 апреля 1943 года Михаил Иванович Калинин с удовлетворением вручил Никите Сергеевичу орден Суворова II степени.

1943 год в результате огромное организаторской работы партии стал годом коренного перелома в ходе войны. В январе была прорвана блокада Ленинграда. Наши войска перешли в наступление на многих участках фронта. Началось массовое изгнание оккупантов с советской земли. На освобожденных от врага землях вновь закипела жизнь, восстанавливались заводы, засеивались поля, строились жилища.

Советские люди неустанно думали о том, как дать Родине больше оружия, машин, хлеба. Поддерживая эти стремления, Калинин в то же время призывал рабочих, колхозников трезво оценивать свои силы, не брать завышенных обязательств. Ему претили бахвальство, безответственность, самонадеянность.

В начале 1943 года в Иваново на областном совещании по повышению урожайности один из выступающих заявил, что в этом году урожай льна в области будет вдвое выше. Калинин, сидевший в президиуме, перебил его:

— А чем вы подтверждаете это обязательство, у вас есть какие-нибудь расчеты?

Выступающий долго мялся, но ничего вразумительного не ответил. Тогда Михаил Иванович сказал:

— Обещаниями сыт не будешь, словами урожая не поднимешь. Вы лучше возьмите пять центнеров, но дайте их наверняка.

Вскоре после поездки в Иваново он выступил в «Известиях» со статьей «К весеннему севу», в которой обращался к ученым Тимирязевской академии, ко всем знатокам сельскохозяйственной науки, к агрономам с призывом шире внедрить передовые приемы в практику.

Ученые горячо откликнулись на призыв Калинина. Многие из них выезжали в колхозы, читали лекции, делом помогали налаживать хозяйство.

В годы войны Михаил Иванович часто встречался с пропагандистами и агитаторами. Вопросы пропаганды, ораторского искусства его всегда глубоко волновали. Свой большой опыт партийного агитатора, свое умение говорить с народом он стремился передать людям. Он любил вспоминать о некоторых интересных случаях из личной практики.

Беседуя с журналистами газеты «Социалистическое земледелие», он

припомнил, что как-то раз во время пребывания с поездом «Октябрьская революция» в Казанской губернии выступал он перед народом. Одет был, как всегда, просто, но добротнo и опрятно. Выделялись в его одежде сапоги — хорошие, хромовые. И вот в тот момент, когда он говорил о трудностях, о лишениях, о том, что нужно набраться терпения, чтобы преодолеть их, выходит вперед какая-то женщина и говорит:

— Вот ты в сапогах ходишь, а где у нас сапоги?

Михаил Иванович посмотрел на женщину, на людей, ее окружающих, и сказал просто, не оправдываясь:

— А что же вы хотите, чтобы председатель ЦИК, представитель верховной власти приехал к вам в лаптях?

И все вокруг одобрительно закричали:

— Правильно, правильно! Эта дура баба не понимает этого!

Вот так же просто Калинин советовал говорить пропагандистам и агитаторам. Он с горечью наблюдал, что многие выступающие с лекцией, докладом или просто с речью на собрании говорят казенными словами, готовыми формулами.

Агитатор-пропагандист, говорил Михаил Иванович, должен так выступать, чтобы аудитория жила. Его речь должна возбуждать слушателей, поднимать тысячи вопросов. В то же время пропагандист обязан заботиться и о форме своего выступления. Ораторское искусство — это самое трудное искусство, и большевики должны овладевать им.

Величайшим недостатком некоторых пропагандистов и агитаторов Калинин считал зазнайство, желание поставить себя выше слушателей, стремление поучать их. В 1942 году на совещании партийных работников предприятий Москвы он предостерегал агитаторов:

— Если вы в разговоре с рабочими или рядовыми партийцами хоть каким-нибудь жестом, интонацией голоса, незначительной, случайной, казалось бы, фразой дадите понять, что вы считаете себя умнее их, больше знаете, то вы пропали. Рабочий и вообще рядовой человек не любит людей, которые себя высоко ставят, и прислушиваться к ним не будет, а в подходящий момент и крепко им об атом напомнит.

Самое же главное, — говорил Калинин, — никогда не увиливайте от постановки острых вопросов, к чему некоторые ораторы частенько прибегают. Ни в каком случае к этому не прибегайте, не уклоняйтесь от ответа, не смазывайте поставленных вопросов. Если не можете тут же ответить на тот или иной вопрос, прямо и скажите: «Вопрос интересный и важный, я бы на него с удовольствием ответил, но сейчас к нему не подготовлен, он мной не продуман, затрудняюсь, как на него ответить. Я

выясню, посоветуюсь с товарищами и тогда вам отвечу. А может быть, из вас найдется кто-нибудь, кто может этот вопрос разъяснить?» Это будет совершенно другое дело. А у нас любят иногда обходить злободневные вопросы или разъяснять их так, что люди ничего не поймут и прямого, правдивого ответа не получают.

В годы войны, считал Калинин, агитация должна быть строже, суровее. Она должна соответствовать настроению людей. Нужно толково и терпеливо разъяснять людям то, что происходит в жизни, правдиво говорить о переживаемых людьми трудностях.

В июле 1942 года Калинин выступил перед фронтовыми агитаторами в Центральном доме Красной Армии.

Пришли люди, как вспоминает один из участников этой встречи, «в поседевших от солнца гимнастерках и брюках, в запыленных, а порой и грязных после мокрых траншей сапогах. Два разведчика прибыли с передовой прямо в цветных комбинезонах.

С какой сердечностью и теплотой встретил нас Михаил Иванович! Он с исключительным вниманием слушал участников этого необычного совещания, рассказывающих о том, как личным примером воспитывают они стойкость и мужество воинов в бою.

Я никогда не забуду этого дня. Потом мне пришлось не раз вспомнить о нем в своих выступлениях...»

«Большая, общенародная задача» — так называлась очередная статья Михаила Ивановича Калинина, опубликованная в «Известиях» в декабре 1943 года. В ней он разъяснял постановление Совета Народных Комиссаров СССР и Центрального Комитета партии «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации». «Повсюду, — писал он в этой статье, — двигателем восстановительного процесса являются люди, патриотизм которых делает то, что кажется невыполнимым в столь короткие сроки в обычных условиях».

Люди... Сколько людей повидал он в своей жизни, плохих и хороших! Хороших, конечно, больше. Скольким из них он в Кремле вручал правительственные награды — бойцам и командирам ученым и писателям, рабочим и колхозникам, партизанам и многодетным матерям, сколько рук пожал он — мозолистых, шершавых, нежных!

Каждому из награжденных он дарил и несколько теплых напутственных слов. И люди на всю жизнь запоминали тот день, когда сам Калинин вручал им медаль или орден, просто и задушевно беседовал с

ними, расспрашивал о детях, о работе, желал здоровья.

А у самого здоровье сдавало все больше и больше. Но он упорно старался не замечать этого. Уж помощники его не раз предупреждали награждаемых, чтоб не сильно жали руку Калинин.

В марте 1944 года получил высокую награду Калинин. В связи с двадцатипятилетием пребывания на посту руководителя верховного органа советской власти Михаилу Ивановичу было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

КОНЕЦ ПУТИ

Летом 1944 года Калинин почувствовал себя совсем плохо. Врачебное обследование показало опухоль в кишечнике, и врачи настояли на операции. Операция предстояла серьезная. Он знал об этом и пытался анализировать свое самочувствие. Страх? Нет, страха не было. Было беспокойство: «Увижу ли конец войны? Доживу ли до Победы?» А в том, что Победа не за горами, он не сомневался.

В ночь перед операцией, к удивлению врачей и своему собственному, Михаил Иванович крепко и спокойно уснул. Утром проснулся, увидел возле постели кресло-коляску и дал отвезти себя в операционную, где его сразу же уложили на стол.

Операция проходила под общим наркозом и длилась довольно долго. Когда все было кончено, Михаил Иванович открыл глаза и, увидев людей в белых халатах, спросил:

— Что, сейчас начинаете операцию? Один из врачей, улыбаясь, ответил:

— Уже закончили, Михаил Иванович. Услышать это было приятно. Калинин закрыл глаза. Только сейчас почувствовал острую слабость во всем теле.

Весь июль и август он отдыхал, читал, делал заметки в дневнике, А уже в сентябре снова встал на ноги. Выступил со статьей «К вопросу о повышении авторитета сельского Совета», подготовил к печати брошюру «О моральном облике нашего народа». Эта работа Калинина — блестящий образец большевистской пропаганды и агитации. Раскрывая основные черты морального облика советского человека, Калинин делал вывод о том, что мораль нашей партии, партии Ленина, есть и мораль нашего народа. Она дает Советскому государству силу огромной сопротивляемости агрессорам; она воодушевляет тружеников на заводах и полях; она делает геройство на фронте массовым; она — один из важнейших элементов победы. Моральная сущность советского человека — великая сила. Она дает ему полную убежденность в правоте нашего дела, неизбежности нашей победы. «Даже в самое тяжелое время, когда нашей армии приходилось отступать, — писал Михаил Иванович, — в ее рядах господствовала полная убежденность в нашей победе. Красноармейцы и командиры уверенно говорили остающемуся населению; «Мы возвратимся, мы придем».

Статью Калинина читали агитаторы в тылу и на фронте. И бойцы сами признавались потом, что она вливала в них свежие силы, помогала преодолеть трудности, бить врага еще крепче.

К весне 1945 года стало ясно, что победа совсем близка. В начале мая по поручению Советского правительства Михаил Иванович поехал в Баку на празднование двадцатипятилетия установления советской власти в Азербайджане. Когда он вернулся, над рейхстагом развевалось знамя Победы.

«Мы одержали великую победу, — писал Калинин в своей работе «Могущество Советского государства», — и тем самым на деле продемонстрировали могущество нашей социалистической Родины в экономическом, политическом, военном, культурном и моральном отношениях. Более наглядных и убедительных доказательств, чем эта победа, невозможно себе представить, да и вряд ли кто-нибудь из серьезных людей нуждается в них теперь».

Жизнь оказалась снисходительной к Калинину. Она исполнила его заветное желание — увидеть Победу. Она исполнила и еще одно его заветное желание — повидать в последний раз город юности, город революции. В январе он приехал туда, чтобы вручить славному Ленинграду орден Ленина.

Проехал он по городу, по Рыночной, мимо бывшего дома Мордухай-Болтовских, мимо «Старого Арсенала». Проехал по Невскому, побывал на Нарвской и Путиловской сторонах. На месте деревни Волынкиной, где жил он в далекие годы с Ванюшкой Ивановым, выросли кварталы новых домов, и улица стала носить имя Калинина. Не узнать и Петергофское шоссе, где когда-то устраивали демонстрации. На Кировском заводе Михаил Иванович повстречал кое-кого из старых друзей, с которыми вместе работал у станка.

Вечером 27 января он вручал ленинградцам орден, невольно вспоминая далекий 1919 год, когда в нетопленном Таврическом дворце передавал питерским пролетариям Красное знамя.

«...Армии, — говорил он тогда, — которые возымеют дерзость захватить это знамя, поплатятся своими знаменами...»

Прошло много лет, выдержано много испытаний. Выдержало испытание временем и предсказание Калинина. Самая могущественная военная машина обломала свои стальные зубья о стены Ленинграда.

Вскоре в стране развернулась подготовка к выборам в Верховный Совет СССР, и ленинградцы выставили своим кандидатом Михаила Ивановича Калинина.

После выборов в марте 1946 года собралась сессия Верховного Совета СССР, чтобы обсудить вопрос о восстановлении народного хозяйства страны.

Сессия приняла просьбу Калинина об освобождении его от обязанностей Председателя Президиума Верховного Совета СССР в связи с болезнью.

Оставаясь членом Президиума Верховного органа советской власти, Калинин продолжал еще работать, но здоровье его ухудшалось с каждым днем.

Весной 1946 года он отдыхал в Крыму. Он все еще не знал, что рак — неумолимый рак — терзает его старое тело. Боли то затихали ненадолго, то вспыхивали с новой силой. Глядя на него, врачи поражались: какое мужество надо иметь, чтобы в таком состоянии читать, работать, шутить, принимать гостей! Они просили ограничить приемы. Но как откажешь этим ясноглазым пионерам-артековцам, которым так хочется поговорить с дедушкой Калининым. Сколько жизни, радости, веселья и непосредственности внесли они в эту светлую комнату! «Будущее наше», — думал Михаил Иванович и поглаживал белокурые головки ребят, слушая, как музыку, их веселое щебетанье. Детство эгоистично. Эти жизнерадостные детишки не видели печати тяжелой болезни на лице Калинина. Они переводили сияющие глазенки с Калинина на Семена Михайловича Буденного, который, улыбаясь, сидел рядом.

Принесли чай, печенье. Ребята совсем осмелели. Спели свои артековские песни, сплясали. Потом вручили Михаилу Ивановичу подарки. Ребята — искусно выполненную модель самолета, девочки — вышивки и кисет — небольшой, красивый.

Калинин улыбнулся хитро.

— А кисет-то для меня маловат!

Девочки расстроились. Не поняв шутки, стали уверять, что сделают другой, побольше.

Долго беседовал он тогда с пионерами. Ребята, наверное, только позже, когда подросли немного, поняли, как скромн был этот большой человек, революционер, прошедший путь от деревенского мальчишки в чунях до президента первого в мире социалистического государства. А сейчас им просто-напросто было, хорошо и весело с дедушкой. Они наперебой рассказывали о своих очень важных пионерских делах и заботах, а

Калинин терпеливо слушал, и мягкая улыбка все время светилась на его добром лице.

Вскоре после визита пионеров Михаилу Ивановичу стало совсем плохо, но он бодрился, не хотелось верить, что жизнь вот-вот оборвется. О смерти он никогда не думал и не боялся ее.

Не почувствовав никакого облегчения от крымского санатория, Калинин в конце мая выехал в Москву. Это было его последнее путешествие по железной дороге, последний из великого множества путей, проделанных по просторам страны.

Обгоняя его, летела телеграмма в столицу. И послушная приказу скупых телеграфных слов, молчаливо и скорбно стояла возле оживленных подъездов Курского вокзала машина с красным крестом.

Калинин вышел из поезда, тяжело опираясь на палку. Щурясь, посмотрел из-за толстых стекол очков на людей в белых халатах и отрицательно покачал головой. Взгляд его оживился, когда он увидел дочерей, жену. Незадолго до того Екатерина Ивановна была амнистирована.

— Домой, — сказал он своему шоферу и улыбнулся.

Михаил Иванович сел в машину, привычно поерзав, устроился поудобнее и сказал облегченно:

— Больше никогда не поеду в санаторий. После Крыма мне стало хуже.

Ночью начался новый приступ болезни. И теперь уж, не спрашивая ничего разрешения, врачи увезли его в больницу.

Здесь 3 июня 1946 года остановилось сердце, бившееся всю жизнь для народа, для партии, для счастливого будущего человечества. Он так и не успел написать книги, о которой давно думал, — книги о Ленине.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ М.И. КАЛИНИНА

1875, 7 ноября — В деревне Верхняя Троица Тверской губернии в крестьянской семье родился Михаил Иванович Калинин.

1886 — 1889 — М.И. Калинин учится в земском начальном училище.

1889 — М.И. Калинин поступает в услужение «мальчиком» в семью помещика, переезжает в Петербург.

1893 — М.И. Калинин поступает рабочим на завод «Старый Арсенал» в Петербурге.

1896, 19 апреля — М.И. Калинин поступает на Путиловский завод. Включается в революционную работу нелегальных рабочих организаций.

1898 — М.И. Калинин участвует в работе петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»; организует марксистский кружок на Путиловском заводе. М.И. Калинин вступает в Российскую социал-демократическую рабочую партию.

1899, с 3 на 4 июля — М.И. Калинин арестован за принадлежность к петербургскому «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса».

1900, 12 апреля — М.И. Калинин высылается в Тифлис под гласный надзор полиции.

23 декабря — За революционную деятельность М.И. Калинин арестован.

1901, 19 марта — декабрь — М.И. Калинин высылается из Тифлиса в Ревель (ныне Таллин); ведет подпольную революционную работу.

1902 — М.И. Калинин работает в ревельских железнодорожных мастерских; организует марксистский кружок, через петербургскую искровскую организацию устанавливает связь с редакцией «Искры» и становится агентом «Искры».

1903, 16 января — М.И. Калинин арестован и препровожден в петербургский Дом предварительного заключения, а затем в тюрьму «Кресты».

16 июля — М.И. Калинин выслан в Ревель под особый надзор полиции.

1904, 30 март — М.И. Калинин за революционную деятельность выслан из Ревеля в г. Повенец Олонецкой губернии.

1905, 18 января — М.И. Калинин выезжает из г. Повенца в деревню Верхняя Троица, где находится под надзором полиции.

Сентябрь — М.И. Калинин нелегально приезжает в Петербург, поступает на Путиловский завод; избирается в Нарвский районный комитет РСДРП и вводится в штаб боевых дружин.

1906, 6 февраля — М.И. Калинин поступает на Трубочный завод (ныне имени Калинина) в Петербурге. Избирается членом Петербургского комитета РСДРП.

10 — 25 апреля — М.И. Калинин участвует в работе IV (Объединительного) съезда РСДРП в Стокгольме в качестве делегата от петербургской большевистской организации.

Май — декабрь — М.И. Калинин работает секретарем Василеостровского районного бюро Союза металлистов; возглавляет большевистскую организацию Трубочного завода.

1909 — М.И. Калинин работает Монтером на Лубянской электростанции, а потом на Миусской трамвайной подстанции в Москве; принимает активное участие в работе московской большевистской организации РСДРП.

1910, 24 сентября — М.И. Калинин арестован за принадлежность к московской организации большевиков.

16 ноября — М.И. Калинин выслан из Москвы на родину, в деревню Верхняя Троица.

1911 — М.И. Калинин нелегально возвращается в Петербург; поступает токарем-лекальщиком на Орудийный завод; после ареста снова выслан на родину.

1912, январь — Центральный Комитет партии, избранный VI (Пражской) Всероссийской конференцией РСДРП, утвердил М.И. Калинина кандидатом в члены ЦК РСДРП.

Не позже ноября — М.И. Калинин нелегально возвращается в Петербург; входит в состав Петербургского комитета РСДРП.

1913 — М.И. Калинин работает токарем-лекальщиком на заводе «Айваз» (ныне имени Энгельса); принимает активное участие в работе газеты «Правда».

1914 — 1915 — М.И. Калинин в Петрограде ведет работу по укреплению нелегальных большевистских организаций.

1916, январь — М.И. Калинин арестован по делу о Петербургском комитете РСДРП (б).

Конец года — М.И. Калинин в связи с приговором о высылке его в Восточную Сибирь по решению Петербургского комитета РСДРП (б)

переходит на нелегальное положение; ведет партийную работу в Петрограде.

1917, 2 марта — М.И. Калинин от Выборгского района входит в состав временного Петербургского комитета большевиков.

4 марта — М.И. Калинин на заседании Бюро ЦК РСДРП (б) избран в состав редакции газеты «Правда».

10 мая — М.И. Калинин на заседании Петербургского комитета РСДРП (б) избран в Исполнительную комиссию Петербургского комитета,

17 сентября — М.И. Калинин избирается председателем Лесновской районной управы.

16 октября — На расширенном заседании ЦК партии, происходившем под руководством В.И. Ленина, М.И. Калинин выступает с речью в защиту ленинской резолюции о вооруженном восстании.

29 ноября — М.И. Калинин избран гласным Петроградской городской думы.

30 ноября — М.И. Калинин на заседании Петроградской городской думы избран городским головой.

1918, 12 марта — Петроградский Совет утверждает М.И. Калинина комиссаром городского хозяйства Петрограда.

1919, 23 марта — VIII съезд РКП (б) избирает М.И. Калинина членом ЦК партии.

30 марта — По предложению В.И. Ленина М.И. Калинин единогласно избран Председателем ВЦИК.

29 апреля — 18 мая — М.И. Калинин с поездом «Октябрьская революция», организованным по инициативе В.И. Ленина, совершает поездку на Восточный фронт.

6 — 28 июня — М.И. Калинин с поездом «Октябрьская революция» совершает поездку на Западный фронт.

12 июля — 5 августа — М.И. Калинин с поездом «Октябрьская революция» совершает поездку на Юго-Восточный фронт.

30 августа — 27 сентября — М.И. Калинин с поездом «Октябрьская революция» выезжает на Восточный фронт.

24 октября — 18 ноября — М.И. Калинин с поездом «Октябрьская революция» совершает поездку на Южный фронт.

1920, 7 — 27 января — М.И. Калинин с поездом «Октябрьская революция» совершает поездку в районы, освобожденные от белогвардейцев.

2 — 26 марта — М.И. Калинин с поездом «Октябрьская революция» совершает поездку в районы, освобожденные от белогвардейцев, по

маршруту: Орел — Курск — Белгород — Харьков — Юзовка — Таганрог — Ростов-на-Дону — Новочеркасск.

29 марта — 5 апреля — М.И. Калинин участвует в работе IX съезда РКП (б); избирается членом ЦК РКП (б).

20 мая — 6 июня — М.И. Калинин с поездом «Октябрьская революция» совершает поездку на Юго-Западный фронт.

8 — 31 августа — М.И. Калинин с поездом «Октябрьская революция» совершает поездку по маршруту: Миллерово — Сулин — Новочеркасск — Ростов-на-Дону — Тихорецкая — Армавир — Луганск.

8 — 30 октября — М.И. Калинин с поездом «Октябрьская революция» совершает поездку в районы боевых действий Красной Армии против войск Врангеля.

12 ноября — 12 декабря — М.И. Калинин с поездом «Октябрьская революция» совершает поездку на Урал и в Сибирь.

1921, 28 января — 19 февраля — М.И. Калинин с поездом «Октябрьская революция» совершает поездку по Украине и Северному Кавказу.

8 — 16 марта — М.И. Калинин участвует в работе X съезда РКП(б); избирается членом ЦК РКП(б).

15 июня — 7 июля — М.И. Калинин с поездом «Октябрьская революция» совершает поездку по Уралу.

18 июля — Президиум ВЦИК образует Центральную комиссию помощи голодающим под председательством М.И. Калинина.

13 августа — 3 сентября — М.И. Калинин с поездом «Октябрьская революция» совершает поездку по районам Поволжья, охваченным голодом.

1922, 7 — 18 февраля, 5 — 18 марта — М.И. Калинин по предложению В. И. Ленина совершает поездку с поездом «Октябрьская революция» на Украину; организует работу по оказанию продовольственной помощи голодающему населению Поволжья.

27 марта — 2 апреля — М.И. Калинин участвует в работе XI съезда РКП (б), избирается членом ЦК РКП (б).

10 июня — начало июля — М. И. Калинин совершает поездку с поездом «Октябрьская революция» на Украину и в Крым.

20 декабря — М.И. Калинин участвует в работе комиссии по подготовке I съезда Советов СССР.

30 декабря — М.И. Калинин председательствует на I съезде Советов СССР, выступает с речью о значении образования СССР. Первая сессия ЦИК СССР первого созыва избирает М. И. Калинина Председателем ЦИК

СССР. 1923,

17 — 25 апреля — М. И. Калинин участвует в работе XII съезда РКП (б); избирается членом ЦК РКП (б).

Май — М.И. Калинин совершает поездку на Северный Кавказ.

Вторая половина июля — 26 августа — М.И. Калинин совершает поездку на Дальний Восток.

Конец ноября — начало декабря — М.И. Калинин совершает поездку по маршруту: Уфа — Серменово — Белорецк — Иглино — Самара.

1924, 16 — 18 января — М.И. Калинин участвует в работе XIII конференции РКП (б).

23 — 31 мая — М.И. Калинин участвует в работе XIII съезда РКП (б); выступает с докладом о работе в деревне; избирается членом ЦК партии.

12 июня — Политбюро ЦК РКП(б) утверждает М.И. Калинина членом Комиссии (преобразованной в сентябре 1924 года в Совещание) по работе в деревне при ЦК РКП (б).

25 — 28 ноября — М.И. Калинин находится в Вотской области.

1925, 5 — 7 января — М.И. Калинин руководит Всесоюзным совещанием при Президиуме ЦИК СССР по вопросам советского строительства.

Февраль — Поездка М.И. Калинина в республики Средней Азии.

Март — М.И. Калинин совершает поездку по Закавказью.

27 — 29 апреля — М.И. Калинин принимает участие в работе XIV конференции РКП (б).

18 — 31 декабря — М.И. Калинин принимает участие в работе XIV съезда ВКП(б). Съезд избирает М.И. Калинина членом ЦК ВКП(б).

1926, 1 января — Пленум ЦК ВКЩб) избирает М.И. Калинина членом Политбюро ЦК ВКП(б).

6 января — 7 февраля — М.И. Калинин в Ленинграде в составе группы членов ЦК ВКП(б) проводит работу по разъяснению решений. XIV съезда ВКЩб) и разоблачению антипартийной деятельности «новой оппозиции». 26 октября — 3 ноября — М.И. Калинин принимает участие в работе XV конференции ВКП(б).

1927, 26 — 28 июня — М.И. Калинин находится в Грузинской ССР.

2 — 4 июля — М.И. Калинин приезжает в Баку, посещает нефтепромыслы.

15 — 20 октября — М.И. Калинин прибывает в Ленинград; руководит работой Второй юбилейной сессии ЦИК СССР четвертого созыва.

22 — 25 ноября — М.И. Калинин в Ростове-на-Дону принимает участие в работе IV Северокавказской Краевой конференции ВКП(б),

посещает заводы.

2 — 19 декабря — М.И. Калинин принимает участие в работе XV съезда ВКП(б). Съезд избирает М. И. Калинина членом ЦК ВКП(б).

1928, 20 февраля — Президиум ЦИК СССР награждает М.И. Калинина как одного из выдающихся руководителей обороны страны и вдохновителей Красной Армии в годы гражданской войны орденом Красного Знамени.

1929, 30 марта — На объединенном заседании ЦИК СССР, ВЦИК, СНК СССР и СНК РСФСР состоялось чествование М.И. Калинина в связи с десятилетием пребывания его на посту Председателя ВЦИК.

1930, 20 — 22 января — М.И. Калинин руководит Всесоюзным совещанием при ЦИК СССР по вопросам советского строительства

13 февраля — Президиум ЦИК СССР на основании многочисленных ходатайств общественных организаций, собраний рабочих, крестьян и красноармейцев награждает М.И. Калинина вторым орденом Красного Знамени.

26 июня — 13 июля — М.И. Калинин участвует в работе XVI съезда ВКП(б). Съезд избрал М.И. Калинина членом ЦК ВКП(б).

1931, 6 — 17 июля — М.И. Калинин совершает поездку по совхозам и колхозам Крыма, Украины и Северного Кавказа.

1932, 30 января — 4 февраля — М.И. Калинин участвует в работе XVII Всесоюзной конференции ВКП(б).

25 — 28 февраля — М.И. Калинин прибывает в Ленинград; по поручению Президиума ЦИК СССР вручает орден Трудового Красного Знамени заводу «Красный путиловец»; посещает завод имени Ф. Энгельса и др.

10 октября — М.И. Калинин присутствует на торжественном пуске Днепровской гидроэлектростанции.

12 — 21 октября — М.И. Калинин посещает Запорожье, Харьков, шахты и заводы Донбасса.

1933, февраль — сентябрь — М.И. Калинин совершает поездки в Ростов-на-Дону, Казань, Челябинск, Свердловск, Соликамск, Пермь, Горький, Смоленск, Минск.

20 ноября — М.И. Калинин выступает по радио с обращением к американскому народу об установлении дипломатических отношений между СССР и США, с призывом укреплять мир между народами.

1934, 26 января — 10 февраля — М.И. Калинин участвует в работе XVII съезда ВКП(б); избирается членом ЦК ВКП(б).

17 — 19 августа — М.И. Калинин находится в г. Орджоникидзе на

праздновании десятилетия Северо-Осетинской автономной области.

1935, 11 — 12 июля — М.И. Калинин в Минске участвует в работе юбилейной сессии ЦИК БССР, посвященной пятидесятилетию освобождения Белоруссии от белополяков.

24 — 27 октября — М.И. Калинин присутствует на демонстрации трудящихся г. Алма-Ата; выступает на юбилейной сессии ЦИК Казахстана и II Всеказахстанском съезде колхозников-ударников.

19 ноября — ЦИК СССР за выдающиеся революционные заслуги и крупнейшую роль в создании и укреплении первого в мире Советского государства награждает М.И. Калинина в день его шестидесятилетия орденом Ленина.

29 — 30 ноября — М.И. Калинин в Ереване, принимает участие в работе юбилейной сессии ЦИК Армянской ССР.

30 — 31 декабря — М.И. Калинин прибывает в Баку; принимает участие в работе юбилейной сессии ЦИК Азербайджанской ССР.

июнь — июль — М.И. Калинин посещает Ярославль, Рыбинск, Воронеж, Куйбышев.

27 июля — Президиум ВЦИК утверждает М.И. Калинина Председателем Конституционной комиссии по выработке проекта Конституции РСФСР.

12 декабря — М.И. Калинин избран депутатом Верховного Совета СССР первого созыва.

17 января — Первая сессия Верховного Совета СССР первого созыва избирает М.И. Калинина Председателем Президиума Верховного Совета СССР.

26 июня — М.И. Калинин избран депутатом Верховного Совета РСФСР первого созыва.

29 января — М.И. Калинин в связи с открытием Советского павильона на Всемирной выставке в Нью-Йорке выступает по радио с приветствием американскому народу.

10 — 21 марта — М.И. Калинин участвует в работе XVIII съезда ВКП(б).

30 марта — Члены ЦК ВКП(б) и правительства приветствуют М.И. Калинина в связи с двадцатилетием пребывания его на посту Председателя ВЦИК.

12 — 15 мая — М.И. Калинин прибывает в Ленинград, вручает ордена и медали группе награжденных бойцов, командиров и политработников, передовым предприятиям города за образцовое выполнение правительственных заданий по обороне страны.

Конец мая — начало июня — М.И. Калинин в гг. Тбилиси и Баку вручает ордена и медали Союза ССР награжденным бойцам, командирам и политработникам РККА.

15 — 20 февраля — М.И. Калинин участвует в работе XVIII Всесоюзной конференции ВКП(б).

Июнь — декабрь — М.И. Калинин регулярно публикует статьи в центральных газетах и журналах, в которых призывает советских людей организовать дружный отпор врагу.

6 ноября — 15 декабря — М.И. Калинин вместе с частью правительства, ЦК КПСС, ЦК ВЛКСМ находится в г. Куйбышеве.

10 — 13 января — М.И. Калинин совершает поездку в г. Калинин, освобожденный от немецко-фашистских захватчиков

30 января — М.И. Калинин встречается с бойцами ударной армии.

17 — 23 марта — М.И. Калинин находится в г. Горьком, где вручает ордена и медали трудящимся города.

14 — 15 октября — М.И. Калинин находится в Ярославле на совещании льноводов.

1943, 10 января — М.И. Калинин в Иванове на совещании по повышению урожайности выступает с речью.

1944, 23 марта — Опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении М.И. Калинину звания Героя Социалистического Труда в связи с двадцатипятилетием пребывания на посту Председателя верховного органа власти СССР.

27 — 31 января — М.И. Калинин находится в Ленинграде.

Май — М.И. Калинин находится в Баку.

21 ноября — Опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении М.И. Калинина орденом Ленина в связи с семидесятилетием со дня рождения.

1946, январь — М.И. Калинин в Ленинграде, вручает орден Ленина городу-герою.

19 марта — Верховный Совет СССР по просьбе М. И. Калинина освобождает его от обязанностей Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

3 июня — Смерть М.И. Калинина.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

В.И. Ленин, О кандидатуре М.И. Калинина на пост Председателя ВЦИК. Соч., т. 29, изд 4-е.

М.И. Калинин, Избранные произведения в четырех томах. Госполитиздат, тт. 1 и 2, 1960 г., т. 3, 1962.

М.И. Калинин, За эти годы. Книги первая, вторая и третья. Л., 1926.

М.И. Калинин, Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1934.

М.И. Калинин, Все для фронта, все для победы. Госполитиздат, 1942,

М.И. Калинин, Статьи и речи, 1945 — 1946 гг. Госполитиздат, 1947.

М.И. Калинин, Об искусстве и литературе. Гослитиздат, 1957.

М.И. Калинин, Вопросы советского строительства. Госполитиздат, 1958.

М.И. Калинин, О профсоюзах. Профиздат, 1958.

М.И. Калинин, О коммунистическом воспитании. Изд-во «Молодая гвардия», 1958.

М.И. Калинин, Беседы с народом. Изд-во «Советская Россия», 1960.

М.И. Калинин, Пребывание в Ревеле. Журн. «Пролетарская революция», № 3, 1922.

Сергеев Б.В., Михаил Иванович Калинин. Жизненный путь большевика-революционера. М, Партиздат, 1934.

«Михаил Иванович Калинин». Госполитиздат, 1946.

Зеликсон-Бобровская Ц.С, М.И. Калинин. Госполитиздат, 1947.

«Воспоминания о М.И. Калинине». Калининское книжное издательство, 1937.

«Воспоминания о Михаиле Ивановиче Калинине». Калининское книжное издательство, 1957,

Заволокин П.Я., М.И. Калинин в ссылке. М., 1928.

Шотман А.В., 15 лет во главе Советского государства. М., 1934.

«М.И. Калинин — всесоюзный староста». М., 1934 г.

«Калинин и питерские рабочие». Лениздат, 1936.

Кретов Ф.Д., О воспитании нового человека. Мысли и советы М.И. Калинина по некоторым вопросам коммунистического воспитания молодежи. М., 1947.

Максакова Л.В., Агитпоезд «Октябрьская революция» (1919–1926 гг.): М., 1956.

Рудяк Б.М., Калинин о работе советского аппарата. М., 1957.

- Курчавов И., Калинин Галлине. Таллин, 1958.
- Афанасьев, Калинин и Якутия. Якутск, 1958.
- Землянский Д., М.И. Калинин в годы Великой Отечественной войны. Куйбышев, 1959.
- «Калинин в Оренбуржье». Документы и материалы под ред. М.В. Кабанова. Оренбург, 1960.
- Землянский Д., М.И. Калинин как пропагандист и агитатор. Госполитиздат, 1960.
- М. Миттельман, Б. Глебов, А. Ульяновский, История Путиловского завода, 1801 — 1917. Соцэкгиз, 1961.
- А. Митревич, Воспоминания о рабочем революционном движении. Журн. «Пролетарская революция», № 4, 1922.
- «К биографии М.И. Калинина». Журн. «Каторга и ссылка», № 1, 1933.
- Бортник К., К биографии тов. М.И. Калинина. Журн. «Красная летопись», № 1, 1936.
- «Агитпоездки М.И. Калинина в годы гражданской войны». Журн. «Красный архив», т. 1, 1938
- Лурье М. и Миттельман М., М.И. Калинин в петербургском подполье. «Исторический журнал», № 11, 1940.
- Гохберг И. и Аксенов Ю., М.И. Калинин в период подполья. Журн. «Историк-марксист», кн. 12, 1940.
- «От гудка до гудка» (из записок М.И. Калинина). «Комсомольская правда» от 19 ноября 1960 года.
- Вильяме А.Р., Поездка в Верхнюю Троицу. Журн. «Москва», № 12, 1960.
- Курчавое И., Хроника семьи Калининых. Журн. «Молодая гвардия», № 6, 1961.
- «Беседа М.И. Калинина с С.А. Таннером». «Исторический архив», № 5, 1961.
- Использованы также материалы архива ИМЛ при ЦК КПСС, Музея М.И. Калинина в Москве и Дома-музея в Верхней Троице.
-
-

Примечания

1

Речь идет о статье «Боевой путь комсомола»